

ISSN 2618-9453

# ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of  
Vietnamese Studies

2022

Том 6

№ 1





Федеральное государственное бюджетное  
учреждение науки  
Институт Дальнего Востока  
Российской академии наук  
[www.ifes-ras.ru](http://www.ifes-ras.ru)

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г., в двух полных версиях на русском и английском языках – с 2021 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.vietnamjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77–73494

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI)

**Главный редактор:** Мазырин В.М., д.э.н., профессор МГУ

**Редакционная коллегия:** Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.-корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

**Редакционный совет:** Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасьяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

**Редакция:** Никулина Е.В. (зав. редакцией), Мальцева О.И., Ларин В.П., Бурова Е.С., Бритенкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: [vietnamjournal@yandex.ru](mailto:vietnamjournal@yandex.ru)

Тел.: +7 (499) 124 08 33

Отрасли науки:

• 07.00.00

Исторические науки и археология

• 08.00.00

Экономические науки

• 10.00.00

Филологические науки (группы специальностей:

10.01.00

Литературоведение;

10.02.00

Языкознание)

• 22.00.00

Социологические науки

• 23.00.00

Политология

• 24.00.00

Культурология

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

*Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.*

ISSN 2618-9453

## СОДЕРЖАНИЕ

### НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Легостаева А.С.* Повелитель джунглей: образ тигра в фольклоре Вьетнама.....5

#### Внешняя политика

*Ву Тхи Тху Нган.* Включение вопроса о Меконге в повестку АСЕАН и вьетнамскую дипломатию средней державы.....17

#### Социально-экономическое развитие

*Нгуен Тхи Ву Ха.* Профицит платёжного баланса Вьетнама: анализ и выводы.....28

*Нгуен Динь Туан.* Многомерная бедность и человеческое развитие во Вьетнаме и странах Юго-Восточной Азии: сравнительный анализ.....40

#### История, религия и культура

*Ветюков В.А.* Вьетнамское оружие XVII в. из собрания Государственного музея Нидерландов.....52

*Гордиенко Е.В.* Женские божества мужского культа: богини-покровительницы местности на юге современного Вьетнама (по материалам полевых исследований в г. Вунгтау).....63

*Ленци Й.* Первые шаги авангардного искусства в Ханое 1990-х и реформы *Дой мой* .....73

#### Филология

*Чинь Кам Лан.* Аккомодация при диалектных контактах: исследование языка городских сообществ Вьетнама.....86

### НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Шпаковская М.А., Понька Т.И., Куклин Н.С.* Конференция «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии» .....97

О защите диссертации.....102

### КНИЖНАЯ ПОЛКА

*Селиванов И.Н.* Актуальные проблемы современного Вьетнама в новом коллективном исследовании российских и зарубежных авторов.....104



*Дорогие читатели! Редакция журнала «Вьетнамские исследования» поздравляет вас с наступившим годом Тигра и желает здоровья, благополучия и больших успехов во всём!*

*Первый номер журнала в этом году открывает статья, посвящённая его грозному и прекрасному символу.*

## НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.54631/VS.2022.61-100487

### ПОВЕЛИТЕЛЬ ДЖУНГЛЕЙ: ОБРАЗ ТИГРА В ФОЛЬКЛОРЕ ВЬЕТНАМА А.С. Легостаева<sup>1</sup>

*Ты родился в глубинах леса; ты царь зверей.  
Во тьме ночной твои глаза сияют как звезды! Твой рев рождает бурю.  
Твоя сила не имеет себе равных, ты слышишь все, что происходит вдали.  
Когда ты идешь по лесу, все животные преклоняют колени перед тобой.*  
[Giran 1912: 102]

**Аннотация.** Образ тигра прочно закрепился в мировом искусстве и литературе. Царственный облик и грация движений, обманчивое спокойствие и внезапная трансформация в свирепого хищника не могли оставить равнодушными людей творческих, посвящающих ему свои произведения.

На примере редких материалов, связанных с суевериями и фольклором Вьетнама, автор рассматривает связь тигра с человеком, определяя его место в духовной жизни и устно-поэтической традиции жителей страны.

**Ключевые слова:** образ тигра, верования, тотемизм, суеверия, символика, фольклор.

**Для цитирования:** Легостаева А.С. Повелитель джунглей: образ тигра в фольклоре Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 5–17.

Дата поступления статьи: 10.02.2022

Дата поступления в переработанном виде: 22.02.2022

Принята к печати: 10.03.2022

---

<sup>1</sup> Легостаева Альбина Сергеевна, зав. отделом выставок и постоянных экспозиций, Государственный музей Востока. E-mail: albinalegostaeva@yandex.ru

## Введение

Культ тигра был широко распространён на территории стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, в горно-лесных районах которых издавна водились могучие представители семейства кошачьих. Многочисленные народы, обитающие на этих землях, почитали и обожествляли величественного зверя, наделяя его сакральными чертами. В представлениях о тигре разных этносов исследователи выявляют много общего<sup>2</sup>. «Тот, кто никогда не жил в Гималаях, не представляет себе, как велика власть суеверий над людьми в этом малонаселенном районе. Но различного рода верования, исповедуемые жителями долин и предгорий, мало чем отличаются от суеверий простых неграмотных горцев. По существу, разница так невелика, что трудно решить, где кончаются верования и начинаются суеверия» [Корбетт 1964: 3].

Во многом это справедливо и по отношению к Вьетнаму, где тигр прочно вошёл в жизнь населения страны, а его образ прошёл долгую эволюцию со времен донгшонской бронзы, когда его изображения занимали гораздо более скромное место в художественном bestiarii древних вьетов по сравнению с другими представителями фауны, до статуса ключевого персонажа мифологии, искусства, фольклора.

«В те далекие времена люди и животные говорили на одном языке и жили в мире и согласии. И даже тигр, проходя мимо рисового поля во время уборки урожая и видя, как тяжело работают люди, останавливался, чтобы помочь им, а потом они все вместе принимались за еду» [Сказки и предания 2021: 113]. Так порой представляли идиллическую картину жизни человека в природе сказители прошлого.

Существующее устойчивое мнение о необычайной свирепости и кровожадности тигров сложилось на самом деле не так давно, подтверждением чему служит история «отношений» этого зверя и человека. Несмотря на то что тигры действительно несли серьёзную угрозу и вызывали страх, люди, вынужденные на протяжении столетий существовать в условиях суровой окружающей среды, смогли «включить» их в свой жизненный уклад и выстроить с ними определённые отношения, в некоторой степени «добрососедские». Обитающие в глуши джунглей тигры имели достаточное количество еды, и обычно у них не было нужды выходить на открытые пространства, сеять хаос и «наводить ужас» в деревнях. Кроме того, подобное соседство несло и определённую пользу жителям общин, поскольку хищники естественным образом сокращали поголовье травоядных, уничтожающих посевы и наносящих ущерб людям. Охота на тигра также была достаточно редким явлением в силу верований и суеверий местных жителей, считавших, что дух убитого тигра может вернуться и отомстить. Таким образом, соблюдение определённых мер предосторожности, как хозяйственно-бытовых, так и ритуальных (ограждение деревень плотной бамбуковой изгородью, проведение разного рода обрядовых действий и т. п.), позволяло регулярно собирать дары леса и охотиться на дичь, трудиться пахарям и дровосекам.

Ситуация коренным образом меняется с приходом европейцев. С появлением в стране миссионеров, путешественников, крупных факторий и особенно с развитием колониальной экспансии охота становится распространённым занятием. На многочисленных фотографиях конца XIX – начала XX в. запечатлены довольные мужчины в охотничьих костюмах,

---

<sup>2</sup> Подробнее см.: [Маретина 2009, 2012; Стрельцова 2014; Чой 2017] и др.

позирующие с ружьем в руках, опершись одной ногой на крупную тушу убитого тигра, или «туземцы» в набедренных повязках, несущие пойманного полосатого хищника, подвешенного к шесту за лапы.

Желание заполучить охотничий трофей для украшения кабинета в своем доме, а также отлов экзотических зверей для появившихся в Европе и её колониях многочисленных ботанических садов и частных зверинцев<sup>3</sup> привели к серьезному сокращению популяции индокитайских тигров. Кроме того, уничтожение их естественной среды обитания, массовая вырубка лесов и вытеснение животных с их территорий нарушило «мирный баланс»: в поисках пропитания тигры, вынужденные конкурировать с человеком за место под солнцем, стали часто нападать на домашний скот и на людей<sup>4</sup>. Такое поведение хищников ещё более провоцировало их массовое истребление; колониальная администрация объявляла награду за каждую «голову» убитого тигра, что в итоге привело к практически полному исчезновению в дикой природе этого вида животных. В наши дни действия браконьеров и торговля на растущем «чёрном рынке» животными, занесенными в Красную книгу, а также нелегальное разведение зверей в частных питомниках с целью изъятия их органов для приготовления «чудодейственных» лекарственных препаратов<sup>5</sup>, способных согласно поверьям вьетнамцев продлить молодость и укрепить здоровье, а также принести удачу в делах, любви и т.п., являются закономерным итогом хозяйственной деятельности человека и его не всегда продуманного вмешательства в природную среду. По данным Всемирного фонда дикой природы (WWF), в 2016 г. в лесах Вьетнама обитало не более пяти тигров, хотя пятью годами ранее их было 30 [Денисович: 21.04.2016]. Остаётся лишь надеяться, что новые поколения не будут вынуждены изучать тигра только благодаря произведениям искусства, литературы, кинематографа, запечатлевшим образ этого прекрасного животного.

### Место тигра в культуре Вьетнама

В названии статьи тигр неслучайно назван повелителем джунглей, хотя, казалось бы, этот титул в литературе чаще приписывают льву. Однако последний, реально не являющийся частью богатой фауны Вьетнама, был в основном своеобразной «моделью» для произведений изобразительного искусства. В частности, в монументальной каменной скульптуре льва изображали в виде фантастических или достаточно реалистичных фигур *шы-ты да* (*su tú đả*, кит.

---

<sup>3</sup> По мнению некоторых авторов, повальное увлечение крупными хищниками и мода на содержание редких «домашних питомцев» продолжались до конца колониального периода. Так, в 1875 г. городским указом в Сайгоне было запрещено прогуливаться по улицам в сопровождении тигра, «даже ведя его на поводке» [Taboulet 1978: 12; Guérin 2010: 212].

<sup>4</sup> Анализ воспоминаний путешественников и охотников на тигров, как европейцев, так и местных жителей [Guérin 2009, Корбетт 1964, Сингх 1972 и др.], дает основание считать неудачные действия охотников в ряду наиболее частых причин появления тигров-людоедов: ранение тигра делает его более агрессивным по отношению к людям, а ослабленный организм (или же возраст) вынуждает искать «лёгкую» добычу, в частности, домашний скот и человека. Кроме того, в отчетах колониальной администрации Индокитая приводится статистика нападений на людей и суммы наградных выплат по годам.

<sup>5</sup> В традиционной медицине широко используются различные части туши тигра: от черепа, костей и зубов до когтей, кожи и усов. Так, клыки и когти применяют в качестве талисманов на удачу, из них делают брелки для часов, ожерелья и т.п. Зубы используют для лечения укусов собак [Pouchat 1910: 604].

ши-цзы) в нижней части постамента алтарного «трона Будды» или в виде парных статуй, охраняющих входы в императорские погребения и буддийские храмы, а позднее и в светские здания. Эту заимствованную из Китая традицию охраны сакральных мест от проникновения в них злых духов в качестве стража ворот принял на себя и тигр. Его изображения, чаще выполненные в высоком рельефе (рис. 1), реже в форме круглой скульптуры (рис. 2)<sup>6</sup>, можно видеть на защитных экранах при входе в храмы и в их внутренних двориках.



Рис. 1. Рельеф «Тигр» в храме сестёр Чынг, Ханой.  
Фото автора, ноябрь 2016 г.



Рис. 2. Тигр (одна из парных статуй) во дворе храма императора Ле Тхай То у озера Возвращенного меча, Ханой.  
Фото автора, март 2014 г.

Образ тигра многогранен и многолик. Во вьетнамских верованиях он выступает в разных ипостасях: он тотемный предок «первых родовых образований Лон, Лыонг и Куанг народа тхай» [Стратанович 1978: 18], проживающего в Северном Вьетнаме и Лаосе; он дух-покровитель гор, он «божество войны, он помогает командующим армиями. В сфере магии тигр – смертельный противник злых демонов, угрожающих живым и мертвым» [Дюран 2007: 330], верный прислужник буддийских божеств, часть культа Святых Матушек Тхань Мау (Thánh Mẫu) (рис. 3). Тигр входит в число восьми священных животных *bát vật* (*bát vật*) — более развернутой версии *ты линь* (*tứ linh* или *tứ thánh thú*: дракон, феникс, черепаха, единорог или лошадь-дракон), дополненной исключительно реальными живыми существами: тигр, рыба (камп), журавль и летучая мышь. В отличие от большинства *ты линь* их относят к категории реальных животных, «мифологизированных в народном сознании» [Нгуен Фи Хоань 1982: 119], прославленных в легендах и наделяемых какими-либо сверхъестественными способностями.

<sup>6</sup> Статуи тигра более характерны для религиозной традиции Юга, где имя этого животного широко отражено в топонимической карте. В ряде южных провинций СРВ существует много храмов и общинных домов, посвящённых тигру, где скульптура размещена во двориках или перед входом в храмы и дини, к примеру, в общинных домах Тан Тхой Ньи, Тан Тхой Там, Тан Тхой Ты, Тхой Там Тхон (Tân Thới Nhì, Tân Thới Tam, Tân Thới Tứ, Thới Tam Thôn) [Nguyễn Thanh Lợi 2010: 7].



**Рис. 3.** Пещерная скульптура в Мраморных горах.  
Фото автора, ноябрь 2008 г.

### Суеверия

На вере в эти способности в народной среде шло возвеличивание образа тигра за счет подчёркивания его природных качеств: силы, свирепости, маскировочного окраса, умения подкрадываться незаметно. Не зря признание самых опасных противников человека вошло в пословицу-предостережение «Крокодил в реке, тигр в лесу». Другие поговорки основаны на знании джунглей и повадок их обитателей. Так, народная примета «Когда стая ворон с криком улетает, это значит, что тигр рядом» превратилась в пословицу «Крик совы указывает на присутствие дьявола, а ворона — на логово тигра» [Rouchat 1910: 604]. Устойчивость связанных с тигром суеверий отражена и в современной художественной литературе, например, в рассказанной детям на ночь истории: «Где кричит эта птица, там вот-вот появится тигр. Это птицы-призраки, в них вселяются души съеденных тигром, и они указывают тигру дорогу к другим людям. Им нужно, чтобы другая душа заменила их, тогда они смогут родиться вновь» [Доан Зиой 1972: 102].

Страх перед сильным зверем вводит в оборот многочисленные уважительные прозвища<sup>7</sup>, которыми тигра наделили вьетнамцы, чтобы избежать употребления его настоящего имени. Табу было связано со страхом того, что, услышав в лесу свое имя, может появиться и его обладатель. Считается, что у тигра очень тонкий слух и он слышит всё, что говорит человек, на огромном расстоянии. Если, однако, что-то падает рядом с ним и пугает его, пока он прислушивается, он забудет всё, что слышал [Rouchat 1910: 603]. Перед походом в лес люди принимали ряд мер, чтобы избежать опасности. Например, тигру можно «отвести глаза» с помощью добытой ранее косточки *vây khái*, или *vây sọc*, расположенной у тигра на ключице, причём у тигра слева, у тигрицы — справа. Тем более в зависимости от сезона она может менять место: иногда находится на ключице, иногда спускается на грудь. И важно не перепутать, иначе средство станет неэффективным. Но если удастся добыть такую косточку, можно бесстрашно идти в лес [Cadière 1901: 134–135].

Когда зверь пойман в ловушку, ему приносят жертву перед тем как убить [Giran 1912: 52] и оказывают всяческие почести в знак уважения. Ряд ритуальных действий совершают и после убийства хищника. По народным поверьям, из усов тигра может родиться существо с сильным ядом. Для этого надо просто поместить волоски усов в слегка расщеплённый по длине молодой побег бамбука, и через некоторое время появится множество червей, мышь или змея (варианты

<sup>7</sup> «Господин», «хозяин», «Повелитель гор», «владыка» или же вариации этих слов (более полно: “*Son quân chi thần*”, “*Son quân chúa xú*”, “*Son quân mãnh hổ*”, “*Son lâm chúa tể*”, “*Son lâm chúa xú*”, “*Son lâm đại tướng quân*”, “*Son quân chúa động*”, “*Chúa xú sơn lâm*”, “*Mãnh Hồ*”, “*thần Hồ*”, “*Ông*”, “*ông Thầy*”, “*ông Cả*”, “*Ngài*”, “*ông Ba Mười*”, “*Hương quân*” [Nguyễn Thanh Lợi 2010: 5].

разнятся). Из слюны тигра, капающей на землю, также рождаются маленькие ядовитые гусеницы [Giran 1912: 16; Cadière 1901: 132–134]. Поэтому после убийства тигра охотники в первую очередь выдергивали ему усы и сжигали их, чтобы никто не смог изготовить смертоносную отраву. В своих дневниках Габриэль Вассаль<sup>8</sup>, принимавшая участие в охоте, вспоминает, как все аннамиты собрались возле убитого тигра и сражались за его внутренности в надежде, что они сделают их неуязвимыми. Особой ценностью считались глаза, из них её местный повар приготовил необычный бульон для своего сына, говоря: «Теперь ты увидишь его (тигра) раньше, чем он увидит тебя» [Vassal 1911: 288].

Избирательность тигра в выборе жертвы тоже имела свои трактовки. Считалось, что тигр нападает только на тех, кому была уготована участь быть съеденным этим хищником. Для семьи убитого и всей деревни это была настолько плохая примета, что иногда её жители навсегда покидали селение после нападений зверя [Pouchat 1910: 604]. В Кохинхине сын человека, съеденного тигром, должен был опасаться той же участи и совершать регулярные подношения, чтобы её избежать [Pouchat 1910: 87]. Это связано с верой, что блуждающая душа убитого (*ма*) остается в реальном мире и передвигается на спине тигра. Она направляет его, заставляя вернуться в дом, где жила всю свою жизнь, потому что надеется найти там жертвенные дары. Так аннамиты объясняли неоднократное похищение тигром нескольких человек, живших в одном доме. Помимо алтарных подношений необходимо было найти хотя бы часть останков, которые дополняли бумажными изображениями человека и тигра, сжигали их и устраивали тщательное захоронение, чтобы душа переселилась в гробницу, а семья спала спокойно [Cadière 1901: 135–136]. Кроме того, можно было принести в жертву петуха как символическую замену тела погибшего [Giran 1912: 19].

Считается, что верный способ поймать тигра — избавиться сначала от душ *ма* на его спине. Так, при устройстве ловчей ямы её следует обложить вокруг початками жареной кукурузы. Души, привлеченные аппетитным запахом, спрыгнут за ней на землю, и тигр, лишённый небесной защиты, попадётся в ловушку [Cadière 1901: 136].

Леопольд Кадьер приводит по этому поводу историю, как душа *ма* явилась во сне своему другу и пожаловалась на свою несчастную участь. Поскольку на спине тигра уже несколько душ и не хватает места, она находится в неловкой ситуации, сидя очень близко к хвосту. Друг пообещал спасти душу, если та поможет ему заманить тигра в ловушку. Следуя её совету, он сделал подношение в храме тигра, поставив на алтарь духа «Благородного господина» пару палочек (рис. 4), что означало приглашение к участию души в пире. После этого мужчина выкопал яму и поймал тигра в ловушку [Cadière 1901: 136].

---

<sup>8</sup> Габриэль Мод Вассаль, британская подданная и жена французского военного врача, известный натуралист, издала свои воспоминания о жизни во Вьетнаме в 1907–1910 гг., в них освещены многие аспекты жизни горных народов Центрального Вьетнама.



**Рис. 4.** Современный вариант ха бан – алтаря тигра в тюа Шунгхынгкоты (Sùng Hưng Cổ Tự). Вьетнам, пров. Киензянг, г. Зыонгдонг. Фото автора, декабрь 2018 г.

Согласно верованиям, по уху тигра можно было посчитать количество его жертв: каждому убитому соответствовала зарубка [Cadière 1901: 135; Giran 1912: 604]. Когда тигр съедал сотню человек, он мог превратиться в мужчину или женщину и обрести дар речи [Giran 1912: 604]. С другой стороны, горные народы Южного Вьетнама верили, что у *малая* (человека, одержимого духом) есть зелье для изменения облика, которое помогает ему принимать другие формы, в том числе превращаться в тигра [Шинкарев 2002: 82].

В ряде лесных районов перед вырубкой дерева люди смиренно просили разрешения у тигра [Giran 1912: 51], который при оказанном ему должным образом уважении был настроен благодушно и уходил, не трогая человека. Этому способствовало вежливое обращение, просьбы и земные поклоны.

Интересно, что у вьетнамцев существует и своё предание о трансформации тигра в других представителей семейства кошачьих. Так, когда у тигрицы появляется потомство, она ведёт его на крутой берег водного потока. Затем перепрыгивает на другую сторону, за ней малыши. Кто сможет это сделать одним прыжком, становится настоящим тигром; кто падает в воду, не достигнув другого берега, приобретает вид *chôn cáo tèo*, дикой кошки, а тот, кто в испуге отшатнется, не решаясь прыгнуть, превращается в трусливую пантеру [Giran 1912: 14; Cadière 1901: 13]<sup>9</sup>.

### Тигр в фольклоре Вьетнама

Несмотря на все вышеизложенное, как будто в противовес своей репутации властного и коварного зверя в фольклоре тигр предстаёт, как правило, в качестве антигероя – недалёкого, излишне доверчивого и даже жалкого существа, обмануть которое может любой, самый маленький и слабый персонаж. В сказках этот сильный и смелый хищник выступает далеко не в благовидном образе: в одной из историй вьетов «Смелый, но простак» он погибает, будучи обманут крестьянином, в другой, «Чёрная жаба, тигр и обезьяна», его перехитрила жаба [Chuyên doi хиа 1888: 6–8; 47–51]. В сказке «Заяц и тигр» он целых четыре раза в ходе развития сюжета одурачен зайцем, который не просто выходит сухим из воды, но и ухитряется каждый раз нанести тигру всё более серьёзные увечья, используя всё, что есть «под рукой»: то этот «могущественный

<sup>9</sup> Интересно, как в рассказе «Семья» книги историй и легенд Аннама в пересказе Клотильды Шивас-Барон та же версия трансформации тигра дана в контексте понимания человеческих отношений, установок и необоснованных обвинений, предъявляемых всей семье за негативные черты характера отдельных ее членов. После перечисления автором качеств-антагонистов у детей, рождённых от одних и тех же родителей, следует мораль: «Не говори человеку, совершающему плохие поступки, что он из семьи Чан или Мак. Это несправедливо. Если мой брат вор, а я – бедный честный человек, я заслуживаю вашего уважения» [Chivas-Baron 1920: 87–89].

господин» жестоко искусан пчелами, то лишается хвоста, а в финале – и шкуры после того, как его убивают охотники [Сказки Вьетнама 1970: 31–35] (рис. 5).



**Рис. 5.** Борьба с тигром. Воспроизведение рельефа XVII в. из общинного дома Тяй. Вьетнам, пров. Ханамнинь. Середина XX в. Из собрания Гос. музея Востока (Москва)

Заяц неоднократно выступает в роли обидчика тигра и защитника других пострадавших. Так, в сказке народа банар «Тигр, охотник и заяц» он спасает от верной смерти охотника, а в рассказе джараев «Заяц, слон и тигр» выручает из беды слона, проявив чудеса хитрости и изворотливости [Там же: 216–220; 247–248]. В другой истории «Тигр, слон и овсянка» на помощь слону приходит маленькая птичка, обманувшая тигра [Cadière 1901: 138–139]. Пожалуй, единственным сюжетом, пересказанным без кровавых подробностей, стала сказка мео «Лошадь и тигр» о неудачной попытке тигра и хвастливой лошади подружиться [Сказки Вьетнама 1970: 280–282], а в ряду самых жестоких — «Курильщик опиума и тигр» [Dumoutier 1890: 172–173]. В этой истории речь идет о том, как главный герой каждый день ходил на дальнее рисовое поле, чтобы предаться своей пагубной страсти курения опиума. Как-то вечером его увидел бродящий неподалеку тигр и попросил покурить. Мужчина приготовил для него три опиумные трубки, которые тигр выкурил одну за другой. Наркотик пришёлся ему по душе, и на следующий день история повторилась. Затем курильщик, начавший находить эти визиты назойливыми, пришёл с ружьем, заряженным пулями и порохом, сказав тигру, что это новый вид курительной трубки, гораздо лучше предыдущих. Тигр послушно лег и взял в пасть ствол оружия, готовясь вдохнуть пьянящий дым, но, когда человек приблизил к ружью пламя лампы, раздался выстрел и размозжил тигру голову.

В сказке седангов «Старый тигр» сам тигр решил прибегнуть к хитрости, однако его козни были раскрыты лисой, которая спасла не только себя, но и других животных, а старый тигр в итоге околел от голода [Сказки Вьетнама 1970: 183–184]<sup>10</sup>. Сопоставление устной традиции малых этносов даёт основание предположить, что в раскрытии образа тигра на первое место выходит не страх перед ним, а желание высмеять и обмануть сильного врага, по возможности одержав над ним победу<sup>11</sup>. Чем могущественнее поверженный соперник, тем выше и заслуги победителя. Так, в истории народа таи «Кау Кхай» наглядно приукрашен подвиг главного героя, слава о котором разнеслась повсюду, когда он «вырвал из земли сразу несколько стволов бамбука, погнался за тигром и забил его до смерти. Тигр оказался таким большим, что четверо

<sup>10</sup> Это один из распространенных бродячих сюжетов, существует тайская сказка с одноимённым названием, буквально повторяющая данную историю [Серебряный ключ 1961: 141–142]

<sup>11</sup> Этому способствует и их сатирический подтекст, противопоставление спесивых богачей и хитроумных простолюдинов и т.п.

не смогли его поднять. Тогда Кау Кхай подхватил его под мышку и побежал как ни в чём не бывало» [Там же: 335–336].

В ряде случаев тигр обращается к людям за помощью. Так, в рассказе «Тигр и акушерка» он приводит к своей мучающейся тяжёлыми родами самке женщину и в награду за оказанную помощь приносит ей потом украденную свинью<sup>12</sup>. Та же награда служит благодарностью хищника в истории «Признательность тигра» [Landes 1886: 126–127; 293–295], где его спасает от смерти крестьянин, избавив от крепко застрявшей в горле рыбьей кости. Однако в последнем случае тигр выступает уже в роли доброго духа, поскольку опекает семью умершего вскоре мужчины на протяжении нескольких столетий, под его покровительством потомки крестьянина занимают высокие должности и прославляют себя.

В фольклоре Вьетнама нашли отражение тотемистические верования жителей страны. Г.Г. Стратанович писал, что вера в родство именно с тигром, способность общения с ним и даже принятия его облика с возможностью вернуться к своему человеческому обличью встречается у многих горных народов Индокитая<sup>13</sup>. По мнению ученого, примерно в раннеродовой период в мифологии и сказаниях появляются сюжеты о таинственных животных-помощниках [Стратанович 1978: 21, 25], связанные с представлением человека о сверхъестественной силе животных-тотемов. Отсюда, возможно, берет начало и мотив брака мужчины и тигрицы (тигра и женщины). Как правило, инициатором подобной связи выступает звериная половина «тотемной пары», которая похищает человека или вынуждает его к созданию семьи. Так, в сказке мео «Барабан из тигровой шкуры» тигрица – предводительница стаи – берёт в мужья юношу, вынужденного подчиниться, спасая жителей своего селения [Сказки Вьетнама 1970: 318–320], а в «Истории человека-тигра» главный герой рождён женщиной, похищенной тигром во время работы в поле. Ставший со временем оборотнем, частично трансформировавшимся в зверя (голова тигра, тело человека), он обладал необычайными способностями, благодаря которым оказал услугу императору и получил звание Великого генерала с силой тигра, став впоследствии духом *тхан фу*, по названию горы в провинции Ниньбинь, в пещере которой он жил [Landes 1886: 31–33].

В сказке седангов «За добро – добром» юноша, проявив милосердие, спасает из западни белую тигрицу<sup>14</sup>. В знак благодарности та помогает герою жениться на любимой девушке, родители которой противились их браку. И напротив, тигр выступает в роли посланника злого духа и исполнителя его воли в сказке срэ «Как был посрамлен дух, предающий смерти» [Сказки Вьетнама 1970: 186–187; 272–273]. Тема оборотничества и образ тигра-духа часто встречаются и в фольклоре, и в мифологии, и в буддийских сюжетах – житийных историях, имеющих, как отметил Н.И. Никулин, фольклорную сказочно-мифологическую основу, когда сквозь буддийский сюжет просвечивает мифолого-легендарный архетип. Стремление же в ранних

<sup>12</sup> Более объёмный пересказ данного *чуена* приводит в своей статье Нгуен Тхань Лой [Nguyễn Thanh Lợi 2010: 9], однако автор рассматривает легенду скорее как реальное событие прошлого, привязывая события к конкретным именам и географическим местам и освещая историю действующего храма Ба Му Чой, расположенного в Донгнае, в деревне Бенго (Đông Nai, làng Bến Gỗ). Можно встретить и другие варианты локаций храма, связанного (по рассказам местных жителей) с похожей историей к примеру, в Фуйене [Phan Văn Lương: 02.08.2016].

<sup>13</sup> Подобные сюжеты встречаются и в мифологии Восточной и Южной Азии.

<sup>14</sup> Дух-покровитель в дальневосточной культуре, особенно почитаемый в Китае и Вьетнаме.

новеллах указывать место и время события идёт от исторической прозы [Никулин 1977: 124–125]. Так, во многих пагодах Северного Вьетнама, например в тюа Кео (провинция Тхайбинь), Коле (провинция Намха), Куаншы (Ханой), поклоняются монаху Нгуен Минь Кхонгу. По преданию, он был искуснейшим шаманом и обладал магическими силами перевоплощений [Hà Văn Tấn 1993: 25]. Нгуен Минь Кхонг считается человеком, излечившим наследного принца из рода Ли, будущего государя Ли Тхан Тонга, после того как тот в 1138 г. вдруг превратился в тигра. В ознаменование этого чудесного исцеления правящая семья подарила пагоде статую тигра [Dumoutier 1887: 45].

В начале «Правдивого повествования о восстании в Ламшоне» приводятся «факты» о реинкарнации другого правителя, Ле Лоя. До его рождения поблизости в зарослях жил черный тигр, который никому не причинял вреда. После рождения Ле Лоя никто больше не видел этого тигра, однако в детстве Ле Лой «имел сверкающие глаза, широкий рот, высокий нос, лик дракона, на левом плече было семь родинок, ходил, как дракон, шагал, как тигр, имел обильный волосистой покров, голос его был подобен звуку большого колокола, сидел, как тигр» [Кнорозова 2020: 122–123].

Таким образом, во вьетнамской мифологии и фольклоре можно выделить несколько основных образов тигра с разной парадигмой функций: в бытовых сказках он предстает в роли жертвы и обманутого персонажа, в волшебных — наделён особыми способностями, помогающими ему добиться желаемого или прийти на помощь другим. Во втором случае ампула тигра шире, будучи оборотнем или духом, он обладает искусством перевоплощения или же возможностью реинкарнации, воплощая черты и животного, и человека.

### **Заключение**

Популярность и многогранность образа тигра в культуре Вьетнама складываются из нескольких факторов. В стране, где сформировалась сложная синкретическая система религиозных воззрений, важной составляющей которой стали анимистические культы и прочие народные верования, жители издавна признавали существование многочисленных невидимых существ, обитающих в параллельном с ними мире. Наделяя сверхъестественными способностями животных, растения, силы и явления природы, обожествляя их, они закономерно пытались найти у них защиту и покровительство. Тигр как олицетворение силы и мощи вызывал оправданный страх, который люди, обратив в свою пользу, трансформировали в уважение и восхищение зверем, проводя ритуалы и делая подношения, признав тигра своим духом-покровителем. С расширением культовой практики происходит и «очеловечивание» ряда качеств хищника, нашедшее отражение в комплиментарных сравнениях с ним ярких исторических личностей и национальных героев («сильный, как тигр», «храбрый, как тигр» и т.п.). Образ тигра проходит долгий путь развития от тотемного предка отдельных родов до его включения в системы религиозных воззрений (буддизм, даосизм) как носителя ряда качеств, укоренившихся в комплексе представлений вьетнамцев на разных уровнях.

Перенос суеверий и древних верований в сферу устно-поэтической традиции способствует популярности образа и в фольклоре страны, отражающем картину миропонимания ее жителей. Отмеченная в статье амбивалентность образа, с одной стороны, демонстрирует его возвеличивание, подчёркивая авторитет в качестве могущественного духа-покровителя,

способного оградить от злых сил. С другой стороны, те же самые качества и достоинства тигра даны фоном для превознесения других героев произведений, часто маленьких и слабых, угнетаемых и небогатых. Во втором случае образ тигра, несущий в себе совокупность смысловых нагрузок, ряд символических образов и значений, служит для усиления эффекта превосходства других героев, намекая на социальные взаимосвязи, обнажая сатирические подтексты, скрытые, но без труда угадываемые всеми.

### Список литературы

1. Денисович Ю. В дикой природе Вьетнама осталось не более пяти тигров // ТАСС. 21.04.2016. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3226998>
2. Доан Зиой. В джунглях Юга. М.: Детская литература, 1972.
3. Дюран М. Техника и пантеон вьетнамских медиумов (донг) // Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. СПб.: Наука, 2007.
4. Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, 2020.
5. Корбетт Д. Храмовый тигр. М.: Наука, 1964.
6. Маретина С.А. Образ тигра в племенной мифологии Индии // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии: Сб. статей. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 87–95.
7. Маретина С.А. Тигр/лев в мифологической традиции индийцев // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 41–56.
8. Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама. Очерки истории изобразительного искусства. М.: Прогресс, 1982.
9. Никулин Н.И. Вьетнамская литература X–XIX вв. М.: Наука, 1977.
10. Серебряный ключ. Тайские сказки. М.: Востлит, 1963.
11. Сингх Кесри. Тигр Раджастхана. М.: Наука, 1972.
12. Сказки и предания Вьетнама / сост. Ю.Д. Минина. М.: ВШЭ, 2021.
13. Сказки народов Вьетнама / сост. Н.И. Никулин. М.: Наука, 1970.
14. Стратанович Г.Г. Народные верования населения Индокитая. М.: Наука, 1978.
15. Стрельцова Л.А. Тигр в традиционном представлении непальцев // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 84–92.
16. Чой Ч. Образ тигра как национальный символ корейской культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 3. С. 78–80.
17. Шинкарёв В.Н. Кварц, кровь, одержимость: очерки традиционного мировоззрения горных народов Южного Вьетнама. М.: ИЭА РАН, 2002.
18. Cadière R.P. Croyances et dictons populaires de la vallée du Nguón-Son [Кадыер Р.П. Верования и народные поговорки долины Нгуон-Сон]. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient [Бюллетень Французской школы Дальнего Востока]. Т. 1. 1901. P. 119–139.
19. Chivas-Baron Cl. Stories and Legends of Annam / transl. from The French Contes et Légends de l'Annam by E. M. Smith-Dampier. London; New York: A. Melrose Ltd., 1920.
20. Chuyên doi xua: contes plaisants annamites / traduits par Abel Des Michels [Приятные аннамские сказки / пер. Абеля Сен-Мишеля]. Paris: E. Leroux, 1888.
21. Dumoutier G. Les chants et les traditions populaires des annamites [Дюмутье Г. Песни и народные традиции аннамцев]. Paris: E. Leroux, 1890.

22. Dumoutier G. Les pagodes de Hanoi: étude d'archéologie et d'épigraphie annamites [Дюмутье Г. Пагоды Ханоя: изучение аннамской археологии и эпиграфики]. Hanoi, imp. de F.-H. Schneider, 1887.
23. Giran P. Magie et religion annamites: introduction à une philosophie de la civilisation du peuple d'Annam [Гиран П. Аннамская магия и религия: введение в философию цивилизации народа Аннама]. Paris, A. Challamel, 1912.
24. Guérin M., Seveau A. Auprès du Tigre sur les hauts plateaux de l'Indochine. Les mémoires de Pierre Dru, garde principal sur la route du Lang Bian en 1904 [Герен М., Сево А. По следам тигра на высоких плато Индокитая. Воспоминания Пьера Дрю, главного стража на Лангбяньской дороге в 1904 г. // Outre-mers [Зарубежье]. Т. 96. N° 362–363, 1er semestre 2009. L'Atlantique Français. P. 155–192.
25. Guérin M. Européens et prédateurs exotiques en Indochine, le cas du tigre. Repenser le sauvage grâce au retour du loup [Герен М. Европейцы и экзотические хищники в Индокитае на примере тигра. Переосмысление дикой природы благодаря возвращению волка]. Les sciences humaines interpellées, Pôle rural MRSN-Caen. 2010. P. 211–224. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00492359> (дата обращения: 11.11.2021).
26. Hà Văn Tấn. Chùa Việt Nam – Buddhist temples in Vietnam. Hà Nội: Khoa học xã hội, 1993.
27. Landes A. Contes et légendes annamites [Ланд А. Аннамские сказки и легенды]. Saigon: Imprimerie Coloniale, 1886.
28. Nguyễn Thanh Lợi. Cọp trong văn hóa dân gian Đông Nam Bộ [Нгуен Тхань Лой. Образ тигра в народной культуре Юго-Востока] // Tạp chí Nghiên cứu và Phát triển [Изучение и развитие]. Số 1 (78). 2010. P. 3–16. (На вьетн. яз.).
29. Phan Văn Lương. Huyền tích miếu Ông Cọp [Фан Ван Лыонг. Легенда о храме Господина Тигра]. 02.08.2016. URL: <https://cand.com.vn/Muon-mau-cuoc-song/Huyen-tich-mieu-Ong-Cop-i399424>. (На вьетн. яз.).
30. Pouchat J. Superstitions annamites relatives aux plantes et aux animaux [Пуша Ж. Суеверия аннамитов, касающиеся растений и животных], II // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient [Бюллетень Французской школы Дальнего Востока]. Т. 10. 1910. P. 585–611.
31. Taboulet G. Le bestiaire indochinois. La faune sauvage de la Cochinchine française il y a cent ans [Табуле Г. Индокитайский bestiарий. Животный мир французской Кохинхины сто лет назад]. Paris: Académie des Sciences d'Outre-Mer, Nouvelle série n°7, 1978.
32. Vassal G. Mes Trois Ans D'Annam [Вассаль Г. Мои три года Аннама] // Le Tour du monde [Вокруг света]. Т. XVII. Paris, 1911. P. 61–108, 253–300.

## ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105007

### ВКЛЮЧЕНИЕ ВОПРОСА О МЕКОНГЕ В ПОВЕСТКУ АСЕАН И ВЬЕТНАМСКУЮ ДИПЛОМАТИЮ СРЕДНЕЙ ДЕРЖАВЫ

Бу Тхи Тху Нган<sup>1</sup>

**Аннотация.** С тех пор как в 2020 г. Вьетнам исполнял обязанности председателя АСЕАН, вопрос о Меконге был впервые включен в повестку Ассоциации. Это можно считать важной вехой не только для стран, по территории которых протекает Меконг, но и для АСЕАН как регионального сообщества, объединяющего 10 государств-членов. Необходимость изменения статуса вопроса о Меконге в повестке АСЕАН признавали как в академических кругах, так и при принятии политических решений, но, возможно, по объективным и субъективным причинам сегодня это стало актуальным как никогда. Ротационный переход председательства в АСЕАН к Вьетнаму в значительной степени стимулировал сторонников обсуждения проблемы Меконга в рамках АСЕАН и механизмов в составе Ассоциации. В статье дан комплексный (не ограничивающийся только аспектами международных отношений) анализ стратегических мотивов АСЕАН по включению вопроса о Меконге в повестку дня, а также разъяснение, почему год председательства Вьетнама в АСЕАН является поворотным моментом в судьбе Меконга. Вьетнам, находясь в самом нижнем течении реки, особенно уязвим к негативным последствиям естественных процессов и человеческой деятельности на Меконге. Вьетнам и Ассоциация в целом имеют законный интерес, чтобы включить вопрос о Меконге в повестку дня АСЕАН. Автор статьи полагает, что инициатива Вьетнама по его признанию средней державой стала одним из главных катализаторов соответствующего решения АСЕАН.

**Ключевые слова:** Меконг, АСЕАН, вьетнамская дипломатия средней державы, теория международных отношений.

**Для цитирования:** Бу Тхи Тху Нган. Внесение вопроса о Меконге в повестку АСЕАН и вьетнамскую дипломатию средней державы // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 17–27.

Дата поступления статьи: 08.09.2021

Дата поступления в переработанном виде: 25.01.2022

Принята к печати: 21.02.2022

---

<sup>1</sup> Бу Тхи Тху Нган, н. с., Институт международной политики и стратегических исследований, Вьетнамская дипломатическая академия. ORCID: 0000-0003-3959-3010. E-mail: nganvu@dav.edu.vn

## **Введение**

Река Меконг является самой длинной рекой Юго-Восточной Азии, занимает 7-е место по длине в Азии и 12-е – в мире, протекает по территории шести стран: Китая, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи и Вьетнама. Бассейн Меконга является одним из самых богатых регионов мира по биоразнообразию, здесь проживает около 66 млн человек, что составляет 10 % от общей численности населения стран АСЕАН, «включая большую часть населения Лаоса и Камбоджи, треть 65-миллионного населения Таиланда и пятую часть 90-миллионного населения Вьетнама» [Euler 2019: 1–20]. В последние несколько десятилетий в субрегионе наблюдался быстрый и динамичный экономический рост. В настоящее время ввиду того, что с Меконгом связаны стратегические интересы, происходит интенсивное взаимодействие через механизмы сотрудничества средних и великих держав, включая США, Китай, Японию, Южную Корею и Индию. В наши дни на Меконге сосредоточили свою деятельность более 15 механизмов по сотрудничеству, в том числе между странами субрегиона Меконг, а также между странами, непосредственно расположенными вдоль Меконга, и внешними партнерами [To Minh Thu, Le Dinh Tinh 2019: 395–411]. Эти механизмы разработаны и функционируют под сильным политическим влиянием извне, особенно со стороны крупных держав. Между тем проблема Меконга кажется «забытой» в АСЕАН, поскольку Ассоциация оставляет субрегион под плотным внешним контролем.

Как в научных, так и в политических кругах проблема Меконга не привлекала такого же внимания, как проблема Южно-Китайского моря, хотя Меконг и считали либо горячей точкой, либо потенциальной горячей точкой региона [Busbarat 2018; Pongsudhirak 2020; Kausikan 2020]. Существующие исследования проблем Меконга затрагивают преимущественно ныне действующие механизмы сотрудничества в регионе, соперничество великих держав и т.п., при этом не ставя в центр внимания АСЕАН. В 2020 г., когда Вьетнам занимал пост председателя АСЕАН, об этом «забытом» аспекте вспомнили. Вынесение вопроса о Меконге на региональные форумы, особенно в рамках АСЕАН, вызвало разногласия как в директивных органах, так и в академических кругах из-за деликатности вопросов водной дипломатии и сложности согласования интересов всех государств-членов. У Ассоциации, как и у Вьетнама, есть законный интерес, чтобы проблема Меконга была включена в повестку дня АСЕАН. Об актуальности этого говорит тот факт, что в последнее время вопрос Меконга стал часто упоминаться в исследованиях АСЕАН [Pongsudhirak 2020; Kliem 2020; Kausikan 2020; Marwaan Macan-Markar 2020; Le Hai Binh, To Minh Thu 2020; Phan Xuan Dung 2021]. Эти научные труды демонстрируют растущий интерес к проблеме. Современные публикации помогли автору выработать новый подход к проблеме Меконга и исследованию вьетнамской дипломатии.

В статье предпринята попытка комплексного (не ограничивающегося только теоретическими аспектами международных отношений) анализа причин, лежащих в основе решения АСЕАН вывести на региональный уровень субрегиональную проблему Меконга, вызывающую озабоченность как в структурном, так и функциональном контекстах. Применяя теорию о средней державе, чтобы объяснить внешнеполитические шаги Вьетнама, автор показывает, что Вьетнам проводит более ответственную и открытую политическую линию в АСЕАН, ставя вопрос о Меконге в повестку работы Ассоциации.

## **Причины резкого поворота АСЕАН к проблеме Меконга**

Тема «Сближение субрегионального сотрудничества стран Меконга с целями АСЕАН» была в повестке первого Форума АСЕАН по субрегиональному развитию, а также специального заседания Координационного совета АСЕАН (КСА) по субрегиональному развитию. Кроме того, о роли субрегионального сотрудничества также говорилось в совместных документах по итогам встреч на полях 37-го саммита АСЕАН [ASEAN Forum 2020, ASEAN Coordinating Council's Special Session 2020, Chairman's Statement 2020]. Впервые проблема Меконга была включена в политические документы АСЕАН, что указывает на значимость вопроса не только для стран, по территории которых протекает река, но и для всего региона ЮВА.

*Во-первых*, включение вопроса о Меконге в повестку работы АСЕАН реально и институционально помогает региональной группировке не оставаться сторонним наблюдателем при решении собственных проблем, противодействуя тем самым давлению внешних сил. Странам, по территории которых протекает Меконг, необходимо пространство для манёвра, чтобы сохранить региональные сплоченность и взаимозависимость с помощью дипломатии нейтралитета, а также экономических и информационных инструментов. АСЕАН с его действующими механизмами сотрудничества является наиболее подходящим институциональным инструментом, помогающим малым и средним странам обеспечивать свои интересы, а также поддерживать региональное равновесие и говорить «нет» крупным странам в случае давления со стороны последних.

*Во-вторых*, АСЕАН и механизмы в её составе создают для стран-членов стратегическое пространство для сотрудничества по вопросам, связанным с Меконгом. С точки зрения геобезопасности местности в настоящее время бассейн реки Меконг сталкивается с рядом нетрадиционных проблем в области безопасности, такими как водная безопасность, загрязнение окружающей среды, транснациональная преступность и т. п. Поскольку нетрадиционные проблемы безопасности не имеют границ, существует вероятность произвольных негативных последствий для стран, не входящих в АСЕАН. Поэтому для комплексного решения необходим общерегиональный подход. Следует подчеркнуть, что нетрадиционная безопасность является одним из вопросов, вызывающих обеспокоенность в Сообществе политической безопасности АСЕАН (APSC). Таким образом, важное значение имеет участие всех заинтересованных сторон региона в выработке совместной стратегии во имя достижения всеобъемлющей безопасности и сотрудничества.

Далее, с точки зрения геоэкономики общей задачей механизмов сотрудничества в субрегионе, а также в АСЕАН является поиск решений для сокращения разрыва в развитии между континентальным и островным блоками ЮВА (табл. 1). Одновременно это способствует интеграции стран ВКЛМ (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма) в процесс развития всего региона. Укрепление регионального взаимодействия и поддержка создания Сообщества АСЕАН посредством реализации Генерального плана по взаимодействию в АСЕАН (Master Plan on ASEAN Connectivity, МРАС 2025) являются приоритетными в повестке АСЕАН [Master Plan on ASEAN Connectivity 2016].

Таблица 1. Макроэкономические показатели стран АСЕАН: сравнение континентальной и островной частей АСЕАН (данные 2020 г.)

Страна	ВВП (млрд долл. США)	ВВП на душу населения (долл. США)	ВВП по ППС (млрд долл. США)	ВВП по ППС на душу населения (долл. США)
Индонезия	1 060	3 920	3 300	12 220
Таиланд	501,89	7 190	1 270	18 240
Филиппины	362,24	3 330	919,37	8450
Вьетнам	340,82	3 500	1 060	10 870
Сингапур	339,98	58 900	560,21	97 060
Малайзия	338,28	10 270	902,6	27 400
Мьянма	81,26	1 530	278,85	5240
Камбоджа	25,95	1 660	73,61	4700
Лаос	19,08	2 630	58,94	8110
Бруней	12,02	26 090	28,73	62 370
Континентальный блок АСЕАН в среднем	193,8	3 302	548,28	9432
Островной блок АСЕАН в среднем	422,504	20 502	1 142	41 500

Источник: World Economic Outlook database. IMF. April 2021.

К тому же с точки зрения развития (о чём говорят либералы) решение проблемы Меконга в рамках сотрудничества АСЕАН связано с задачами инклюзивного и устойчивого развития. Аспект инклюзивности подразумевает, что динамично развивающийся регион АСЕАН, экономика которого в настоящее время занимает 5-е место в мире, не может допустить отставания своих материковых стран-членов. Между тем аспект инклюзивности, а в последнее время и аспект безопасности все чаще подчёркиваются в контексте восстановления после пандемии COVID-19.

В-третьих, для АСЕАН включение вопроса о Меконге в повестку дня связано с поддержанием идентичности сообщества в целом. Долгое время считалось, что АСЕАН разделена на островной и континентальный блоки [Hoang, Seth 2021]. Таким образом, усиливая собственную роль в решении субрегиональной проблемы, АСЕАН укрепляет сплочённость своих рядов.

### Перевод проблемы Меконга с субрегионального уровня на региональный: мотивы Ханоя

В то время как в теории международных отношений превалирует структурно-ориентированный подход, анализ внешней политики в основном фокусируется на функциональном уровне, отдавая предпочтение деталям. Этот теоретический аргумент помогает понять причину, по которой 2020 г. стал поворотным в судьбе Меконга, то есть рассматривать её как на системном, так и на функциональном уровнях, причём последний в данных обстоятельствах играет решающую роль. Очевидно, что до предпринятых Вьетнамом действий

АСЕАН стояла в стороне от проблемы Меконга [Там же], поскольку больше занималась организационными вопросами встреч средних и великих держав по проблеме Меконга, а не составлением повестки этих встреч.

В региональной панораме последние годы наблюдается растущий интерес средних и великих держав к региону. Совершенствование связанных с субрегионом Меконга механизмов сотрудничества, которые являются частью глобальных стратегий ряда из них («Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», «Один пояс, один путь», «Действуй на Востоке», «Новая южная политика» и др.), а также поддержка другими странами центральной роли АСЕАН показывают, что Ассоциации необходимо воспользоваться этой так называемой мегатенденцией для решения актуальной проблемы Меконга.

Для Вьетнама район Меконга имеет геостратегическое значение, напрямую связанное с безопасностью и развитием страны. Меконг наряду с Южно-Китайским морем играет роль пространства выживания и развития Вьетнама, что связано с законными национальными интересами, включающими защиту суверенитета, экономическое развитие, социальную стабильность и безопасность. Традиционные и нетрадиционные проблемы безопасности в этой области глубоко и непосредственно влияют на жизнь десятков миллионов людей, живущих как в дельте Меконга, так и на всей территории страны. Под воздействием расточительного и нескоординированного водопользования в верховьях Меконга в нижнем течении реки, особенно в её дельте, имела место сильнейшая за всю историю засуха. На данный момент нехватка воды и наносов привели к повышенному засолению вод реки и возникновению серьезных оползней.

Как и в Южно-Китайском море, в районе Меконга наблюдается растущая активность крупных держав. Меконг стал зоной сотрудничества и конкуренции множества гидроэнергетических компаний, которые способствуют расширению влияния своих стран в ЮВА и ИТР. Для Вьетнама эффективное решение проблемы Меконга – это не только решение проблемы шести стран субрегиона, но и гармонизация отношений с тремя главными соседями, с другими странами региона и с крупными державами.

У Вьетнама есть несколько мотивов, чтобы активнее продвигать включение вопроса Меконга в повестку АСЕАН. Попытаемся объяснить это через призму теории дипломатии средней державы. Средняя держава является суверенным государством, находящимся в середине условной шкалы, измеряющей международный авторитет и влияние, страной, дипломатия которой не носит ни чрезмерно радикального и амбициозного, ни закрытого оборонительного характера и одновременно демонстрирует уверенность в своей позиции [Le Dinh Tinh 2018: 6]. Исходя из бихевиористского подхода, во внешней политике средние державы придерживаются принципов мультилатерализма, международного права и сетевой дипломатии [Ungerer, Smith 2010; Emmers, Тео 2014].

В настоящее время в группе материковых стран АСЕАН наряду с Таиландом Вьетнам по потенциалу является самой мощной экономикой (см. табл. 1). Он также хочет сократить разрыв в развитии между странами ВКЛМ (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма,) и более развитыми странами региона. Такая геоэкономическая позиция позволяет ему играть роль связующего звена. Примечательно, что Вьетнам уже выполнил эту роль, когда добился интеграции Камбоджи и Лаоса в региональную архитектуру безопасности и экономики [Emmers, Le Thu Huong 2020: 12].

Что касается дипломатического поведения и идентичности, то на региональном и международном уровнях Вьетнам выступает как активная средняя держава. В последнее время он становится всё более важным членом АСЕАН, несущим сильную и позитивную энергию [Le Thu Huong 2016]. Вьетнам также ярко продемонстрировал типичные характеристики средней державы – инициатор, связующее звено, координатор коалиции, сторонник правового порядка – и получил международное признание [Le Dinh Tinh, Vu Thi Thu Ngan 2020: 127]. Как только Вьетнам стал председателем АСЕАН, региональное и международное сообщества доверили ему возродить и оживить проблему Меконга в АСЕАН [Pongsudhirak 2020].

*Стремление к многостороннему подходу*

Официальное включение вопроса о Меконге в повестку работы АСЕАН является реализацией многостороннего внешнеполитического курса Вьетнама. На XII съезде Компартии Вьетнама многосторонняя дипломатия впервые стала в большей степени стратегическим ориентиром, чем инструментом осуществления политики [Communist Party of Vietnam 2016]. Затем в Директиве № 25 Секретариата ЦК КПВ об укреплении и продвижении многосторонней дипломатии в период до 2030 г. всё так же подчёркивалась необходимость её обновления [Party Central Committee's Secretariat 2018]. Отсюда следует, что внешнеполитические действия Вьетнама на региональном и международном уровнях нацелены на то, чтобы быть не пассивным наблюдателем, но активным участником, «стремящимся играть ключевую роль, организовывать и выступать модератором на форумах и в многосторонних организациях, имеющих стратегическое значение для страны и соответствующих её конкретным возможностям и условиям» [Party Central Committee's Secretariat 2018]. Эти идеи нашли отражение при разработке проектов документов XIII съезда КПВ, особенно в ключевом 2020 г., когда Вьетнам стал председателем АСЕАН [Communist Party of Vietnam 2021]. Главный вопрос для политиков заключается в том, как реализовать линию на то, чтобы Вьетнам определял формирование повестки дня АСЕАН. Вьетнам считается сторонником миропорядка, основанного на соблюдении правил. Этому способствовали его настойчивые и решительные усилия по продвижению вопроса Южно-Китайского моря в АСЕАН (например, включению этого вопроса в официальные документы Ассоциации и выработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море) [Le Hong Hier 2017]. Сохранение этого настроения в вопросе о Меконге, являющемся одним из главных интересов Вьетнама в сфере безопасности и развития, способствует не только отстаиванию жизненных интересов страны, но и расширению влияния Вьетнама в регионе как определяющего правила, а не только их исполнителя.

Включив вопрос о Меконге в официальную повестку АСЕАН, Вьетнам отчасти продемонстрировал свою ключевую, ведущую роль, направленную на согласование интересов, как указано в Директиве №25.

*Во-первых*, о ключевой позиции и лидерстве Вьетнама свидетельствует тот факт, что вместе с Таиландом, возродившим «Стратегию экономического сотрудничества Иравади – Чаупхрайя – Меконг» (АСМЕКС) во время председательства в АСЕАН в 2019 г., Вьетнам, действуя с высочайшей политической решимостью, стремится сделать Меконг общей заботой АСЕАН [Pongsudhirak 2020]. Заняв в 2020 г. пост председателя АСЕАН, Вьетнам интегрировал содержание субрегионального сотрудничества в общее сотрудничество региона АСЕАН. Был

успешно проведен Форум АСЕАН по субрегиональному развитию, главной темой которого было сближение субрегионального сотрудничества стран Меконга с целями АСЕАН, и специальное заседание Координационного совета АСЕАН (КСА) по субрегиональному развитию. Кроме того, роль субрегионального сотрудничества упоминалась в программных документах 37-го саммита АСЕАН [ASEAN Forum 2020, ASEAN Coordinating Council's Special Session 2020, Chairman's Statement 2020].

Включение вопроса о Меконге в повестку свидетельствует о стремлении Ханоя сохранить центральное место АСЕАН в архитектуре региональной безопасности. Фактически ещё до того, как проблема Меконга была вынесена в АСЕАН на передний план, имел место количественный рост механизмов сотрудничества. Тем не менее Ассоциация, в которую входят в том числе пять материковых стран, имеющих прямые интересы в субрегионе Меконга, почти не уделяла ему должного внимания, тем самым оставляя субрегион под плотным контролем внешних партнеров. Сотрудничество по развитию бассейна Меконга (ASEAN Mekong Basin Development Cooperation, AMBDC), учреждённое в 1996 г. с целью усиления экономической интеграции стран-участниц и создания к 2015 г. Экономического сообщества АСЕАН, если сравнивать, не показывает такой прогрессивной динамики, как другие субрегиональные механизмы, возглавляемые внешними игроками [Ho, Pitakdumrongkit 2019]. По оценке высокопоставленного сингапурского дипломата, долгое безразличие к проблеме Меконга, особенно со стороны морских стран АСЕАН, свидетельствует об их «узкофункциональном подходе», который не позволяет воспринимать «Юго-Восточную Азию целостно как один стратегический театр» [Kausikan 2020]. Традиционная многосторонняя архитектура Азиатско-Тихоокеанского региона состоит из механизмов в составе АСЕАН. В этом суть центральной роли АСЕАН, способствующей сохранению целостности региона, несмотря на конфликты и напряжённость. Между тем мультилатерализм в субрегионе Меконга в настоящее время является прерогативой крупных держав. Существующие механизмы управления в субрегионе Меконга – это не многополярная структура, а монополистические институциональные механизмы, которые так или иначе ведут к расширению соперничества США и Китая [Kliem 2020: 5]. В долгосрочной перспективе это ставит под угрозу стратегическую автономию малых и средних стран субрегиона.

*Во-вторых*, примирительная роль здесь подразумевает усилия по гармонизации интересов материковых и островных стран АСЕАН, поскольку Вьетнам имеет интересы в обеих группах и выступает посредником при формировании оптимальной для всех повестки работы АСЕАН. Превращение проблемы Меконга в одну из главных в дискуссионном поле АСЕАН, безусловно, является прогрессом, но этот начальный шаг должен послужить формированию комплексного подхода АСЕАН к своему проблемному субрегиону и неразрывно связать судьбу Меконга с процессом построения Сообщества. Вьетнамская сторона особо выделила в повестке АСЕАН проблемы сокращения разрыва в уровне развития стран и субрегионов АСЕАН, налаживания и согласования усилий по субрегиональному развитию, например в отношении Меконга, с процессом развития всей Ассоциации [ASEAN 2020с].

Благодаря высокому потенциалу и политической воле Вьетнаму удалось поставить вопрос Меконга на обсуждение в АСЕАН, что стало для Ассоциации важным шагом к более глубокому пониманию проблемы Меконга, а также стимулом для усиления в ближайшем будущем своего голоса и роли в решении проблем, связанных с субрегиональным сотрудничеством.

*Соблюдение международных юридических норм*

Что касается проблемы Меконга, Вьетнам занимает позицию, основанную на юридических нормах обеспечения водной безопасности и реализации целей устойчивого развития в соответствии с международной практикой и законодательством, включая Соглашение 1995 г. о сотрудничестве в целях устойчивого развития бассейна реки Меконг, а также в духе уважения законных интересов других сторон [Le Dinh Tinh, Vu Thi Thu Ngan 2021: 10]. В правовом плане Вьетнам является единственным членом субрегиона, подписавшим Конвенцию ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Конвенция ООН о водотоках). Кроме того, ожидается, что Вьетнам возглавит выработку кодекса поведения по использованию и защите реки Меконг [Phan Xuan Dung 2021] благодаря своей достаточно активной сетевой дипломатии с соседями, а также средними и великими державами.

**Перспективы и политическое значение**

Субрегион Меконга, как и Индо-Тихоокеанский регион и мир в целом, претерпевают беспрецедентно глубокие изменения под воздействием COVID-19. Для правительств стран, по территории которых протекает Меконг, проблемы в области безопасности и развития по-прежнему трудно разрешимы. Сейчас в связи с пандемией возникли новые вызовы, и страны не в состоянии преодолеть их в одиночку. Поэтому принципы мультилатерализма для малых и средних государств становятся как никогда актуальными. Но, учитывая возможность дублирования механизмов субрегионального сотрудничества (эффект «комка вермишели»), странам необходимо преобразовать сотрудничество в структуру, ориентированную на них самих, а не отдавать лидерство внешним игрокам. АСЕАН и механизмы в её составе должны стать соответствующей площадкой для обмена информацией, укрепления доверия и поиска общего подхода к решению проблем безопасности и развития, а также для содействия построению сплочённого и ответственного Сообщества, чтобы адаптироваться к новым глобальным политическим тенденциям.

Теоретически и практически очевидно, что продвижение Вьетнамом проблемы Меконга в АСЕАН может помочь, *во-первых*, сформировать общую позицию стран АСЕАН по отношению к внешним партнерам (аналогично ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP). *Во-вторых*, это увеличивает институциональное влияние субрегиональных стран. *В-третьих*, оно способствует установлению в субрегионе правового порядка за счет ускорения принятия Кодекса поведения (КОП) в бассейне Меконга (по аналогии с КОП в Южно-Китайском море). *В-четвертых*, помогает сократить разрыв в развитии между островной и континентальной группами стран АСЕАН (с упором на внутрирегиональную торговлю, обеспечение взаимосвязи, цифровую экономику и т.д.). *И последнее, но не менее важное*: отталкиваясь от вопросов развития и применяя прогрессивный подход, следует включить в повестку проблемы водной безопасности для обсуждения на встречах АСЕАН всех уровней – от рабочих до высшего, а также на форумах СМОА Плюс (ADMM+), АРФ (ARF), ВАС (EAS) и др. Разумеется, важно, чтобы ожидания соответствовали реальности, так как АСЕАН не сверхправительство, а межгосударственная организация, в рамках которой страны преследуют свои собственные интересы и отстаивают собственные ценности. Тем не менее все усилия, направленные на то, чтобы вынести проблему Меконга на уровень АСЕАН, полностью отвечают как интересам Вьетнама, так и общим

интересам других стран. Форум АСЕАН по субрегиональному сотрудничеству в целях устойчивого развития и инклюзивного роста, организованный в ноябре 2021 г. под председательством Брунея, является продолжением такого подхода. Вьетнам вместе с Брунеем выступает за то, чтобы вопрос субрегионального сотрудничества оставался в повестке дня АСЕАН.

В ближайшее время Вьетнаму и другим странам-участницам необходимо в рамках АСЕАН, *во-первых*, поддерживать дискуссионные платформы, где ведётся обсуждение вопросов по Меконгу; сделать регулярными встречи по развитию региона и поднимать эту тему на других встречах с соответствующей повесткой. *Во-вторых*, они должны содействовать развитию регионального правового режима и вести переговоры о подписании нового регионального юридического документа по пользованию ресурсами реки Меконг. Особое значение для стран, лежащих в нижнем течении Меконга, например Вьетнама, имеет тщательное изучение Соглашения 1995 г. и сопроводительных имплементационных документов для выработки рекомендаций по активизации этих правовых актов, а также работа над аргументацией в пользу норм международного права, юридически обязательных для выполнения странами, совместно использующими международные водные ресурсы. В дальнейшем необходимо приступить к разработке Кодекса поведения на реке Меконг [То Minh Thu, Vu Thi Thu Ngan 2020: 232]. *В-третьих*, через каналы неправительственной дипломатии создать совместную исследовательскую сеть стран АСЕАН по Меконгу при содействии сети Институтов стратегических и международных исследований АСЕАН (ASEAN Institutes of Strategic and International Studies, ASEAN ISIS) для обмена и консультаций по научным и политическим вопросам в целях принятия более эффективных политических и стратегических мер в плане сотрудничества. Ожидается, что Камбоджа, как председатель АСЕАН в 2022 г. и одна из стран бассейна Меконга, продолжит шаги по продвижению проблемы Меконга в повестку Ассоциации, поскольку Пномпень является заинтересованной стороной.

### **Заключение**

Автор с помощью комплексного анализа и отдельных теоретических обоснований важности включения вопроса о Меконге в повестку АСЕАН приходит к заключению, что обращение к проблеме Меконга помогает АСЕАН сохранять центральное место в архитектуре экономики и безопасности региона. Это во многом обусловлено ролью Ассоциации в решении вопросов нетрадиционной безопасности, содействии равному и устойчивому развитию стран, а также в формировании коллективной идентичности на пути создания Сообщества АСЕАН.

Что касается позиции Ханоя, то включение вопроса о Меконге в повестку АСЕАН связано с его стратегическими интересами. *Во-первых*, Меконг имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение, что ставит вопрос о реке в повестку национальной безопасности и развития. *Во-вторых*, повышение ставок вокруг темы Меконга, особенно в год председательства в АСЕАН, дало возможность Вьетнаму продемонстрировать свою растущую роль средней державы и секторального лидера в АСЕАН. Вьетнамская дипломатия в вопросе о Меконге отмечена концентрацией усилий по содействию механизмам в составе АСЕАН и соблюдению международных законов и норм. Ожидается, что эти действия Вьетнама как активного и ответственного члена АСЕАН будут продолжены в грядущие годы. Фундамент, заложенный в

2020 г., станет основой для Вьетнама, стран субрегиона и АСЕАН в целом в их общем стремлении к мирному, стабильному, процветающему и единому Меконгу будущего.

#### Список литературы

1. ASEAN Coordinating Council's Special Session on Sub-Regional Development. 2020. URL: <https://asean.org/chairmans-press-statement-of-the-asean-coordinating-councils-special-session-on-sub-regional-development/> (дата обращения: 06.09.2021).
2. ASEAN Forum on Sub-regional Development: Converging Mekong Sub-regional Cooperation with ASEAN goals. 2020. URL: [https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset\\_publisher/ynfWm23dDfpd/content/asean-forum-on-sub-regional-development-opens](https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/asean-forum-on-sub-regional-development-opens) (дата обращения: 06.09.2021).
3. *Busbarat P.* Grabbing the Forgotten: China's Leadership Consolidation in Mainland Southeast Asia through the Mekong-Lancang Cooperation // Institute of Southeast Asian Studies Perspective. 2018. № 7.
4. Chairman's Statement of the 37th ASEAN Summit: Cohesive and Responsive. 2020. URL: [https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset\\_publisher/ynfWm23dDfpd/content/chairman-s-statement-of-the-37th-asean-summit-cohesive-and-responsive](https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/chairman-s-statement-of-the-37th-asean-summit-cohesive-and-responsive) (дата обращения: 06.09.2021).
5. Communist Party of Vietnam. Documents of the 12th National Congress of the Communist Party of Vietnam. Hanoi: National Political Publishing House, 2016.
6. Communist Party of Vietnam. Documents of the 13th National Congress of the Communist Party of Vietnam. Hanoi: National Political Publishing House, 2021.
7. *Emmers R., Le Thu Huong.* Vietnam and the search for security leadership in ASEAN // Asian Security. 2020. P. 1–15. <https://doi.org/10.1080/14799855.2020.1769068>
8. *Emmers R., Teo S.* Regional security strategies of middle powers in the Asia-Pacific // International Relations of the Asia-Pacific. № 15. 2014. P. 185–216. <https://doi.org/10.1093/irap/lcu020>
9. *Eyler B.* Last Days of the Mighty Mekong. London: Zed Books Ltd, 2019.
10. Ho S., Pitakdumrongkit K. Can ASEAN Play a Greater Role in the Mekong Subregion? // The Diplomat. 30.01.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/can-asean-play-a-greater-role-in-the-mekong-subregion/>
11. *Hoang Thi Ha, Seth F.N.* The Mekong River Ecosystem in Crisis: ASEAN Cannot be a Bystander. ISEAS-Yusof Ishak Institute. 09.06.2021. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-69-the-mekong-river-ecosystem-in-crisis-asean-cannot-be-a-bystander-by-hoang-thi-ha-and-farah-nadine-seth/>
12. *Kausikan B.* Why Asean should treat the Mekong like the South China Sea // South China Morning Post. 11.07.2020 URL: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3093546/why-asean-should-treat-mekong-south-china-sea>
13. *Kliem F.* The Geopolitics of the Mekong and a radical proposal for ASEAN to navigate it. S. Rajaratnam School of International Studies, 2020.
14. *Le Dinh Tinh.* The Middle Power Goal and Vietnam's Diplomatic Outlook Beyond 2030 // International Studies. № 39. 2018. P. 5–38.
15. *Le Dinh Tinh, Vu Thi Thu Ngan.* Khái niệm cường quốc tầm trung và liên hệ với Việt Nam [Концепция средней державы и вьетнамский контекст] // Tạp chí Lý luận Chính trị [Политическая теория]. № 3. 2020. Tr. 123–129. (На вьетн. яз.)
16. *Le Dinh Tinh, Vu Thi Thu Ngan.* The COVID-19 Pandemic and the Emergence of Vietnam as a Middle Power // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2021. <https://doi.org/10.1177/18681034211057569>.

17. *Le Hai Binh, To Minh Thu*. Why the Mekong Matters to ASEAN: A Perspective from Vietnam. ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2020/77. <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2020-77-why-the-mekong-matters-to-asean-a-perspective-from-vietnam-by-le-hai-binh-and-to-minh-thu/>
18. *Le Hong Hiep*. Living Next to the Giant. Singapore: ISEAS Publishing, 2017.
19. *Le Thu Huong*. Vietnam's evolving role in ASEAN: From adjusting to advocating // Brookings. 11.07.2016. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/vietnams-evolving-role-in-asean-from-adjusting-to-advocating/>
20. *Marwaan Macan-Markar*. Vietnam puts the Mekong's fate on ASEAN's agenda // Nikkei Asian Review. 26.02.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Vietnam-puts-the-Mekong-s-fate-on-ASEAN-s-agenda>
21. Master Plan on ASEAN Connectivity (MPAC) 2025. ASEAN Member States. 2016. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/01/47.-December-2017-MPAC2025-2nd-Reprint-.pdf> (дата обращения: 06.09.2021).
22. Party Central Committee's Secretariat. Directive No. 25-CT/TW of the Party Central Committee's Secretariat on promoting and enhancing the role of multilateral diplomacy to 2030. 2018.
23. *Phan Xuan Dung*. Vietnam's Mekong Middle Power Diplomacy // Fulcrum – ISEAS – Yusof Ishak Institute. 03.03.2021. URL: <https://fulcrum.sg/vietnams-mekong-middle-power-diplomacy/>
24. *Pongsudhirak T*. Vietnam To Counter China With Asean Backing On Mekong River Region // Forbes. 14.02.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/panel-of-economic-commentators/2020/02/14/vietnam-to-counter-china-with-asean-backing-on-mekong-river-region/#6aefff155ff3>
25. *To Minh Thu, Le Dinh Tinh*. Vietnam and Mekong Cooperative Mechanisms // Southeast Asian Affairs. 2019. P. 395–411. Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute.
26. *To Minh Thu, Vu Thi Thu Ngan*. Water Security: Theoretical and practical issues in the Mekong Subregion // International Studies. № 42. 2020. P. 211–234.
27. *Ungerer C., Smith S*. Australia and South Korea: Middle power cooperation and Asian security. Australian Strategic Policy Institute, 2010.
28. World Economic Outlook database. IMF. April 2021. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx> (дата обращения: 06.09.2021).

## СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105384

### ПРОФИЦИТ ПЛАТЁЖНОГО БАЛАНСА ВЬЕТНАМА: АНАЛИЗ И ВЫВОДЫ<sup>1</sup>

Нгуен Тхи Ву Ха<sup>2</sup>

**Аннотация.** Платёжный баланс – важный макроэкономический показатель, всесторонне отражающий экономические операции той или иной страны с зарубежными партнерами. Все последние годы, даже в тяжелых условиях пандемии COVID-19, платёжный баланс Вьетнама продолжал оставаться положительным. Автор на основании статистических данных и метода сравнительного анализа приходит к выводу, что профицит счета текущих операций образовался главным образом за счет профицита торгового баланса страны. Кроме того, несмотря на значительные денежные поступления, долги иностранным инвесторам постоянно превышали доходы, получаемые от вьетнамских инвестиций за рубежом, что привело к дефициту баланса доходов. Финансовый счет платёжного баланса также был профицитным благодаря поступлению значительных объёмов прямых иностранных инвестиций. Профицит платёжного баланса укрепляет позиции Вьетнама на внешнем рынке, но в то же время он оказывает давление на отечественную валюту, что может привести к макроэкономическим проблемам в будущем. Поэтому Вьетнаму необходимо определить приоритет в своей финансовой политике: стабилизировать обменный курс национальной валюты или проводить независимую монетарную политику по дальнейшей либерализации операций с капиталом.

**Ключевые слова:** платёжный баланс, текущий счет, финансовый счет, Вьетнам, профицит.

**Для цитирования:** *Нгуен Тхи Ву Ха*. Профицит платёжного баланса Вьетнама: анализ и выводы // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 28–39.

Дата поступления статьи: 08.08.2021

Дата поступления в переработанном виде: 14.02.2022

Принята к печати: 28.02.2022

### Введение

Платёжный баланс — это суммарная запись транзакций по всем экономическим операциям между резидентами одной страны и резидентами других стран за определённый период. Отражая общую картину торговли и инвестиций за тот или иной период, эти данные могут помочь соответствующим организациям и лицам, определяющим финансовую политику государства.

---

<sup>1</sup> Исследование было проведено в рамках исследовательского проекта QG.21.46 Ханойского государственного университета «Ежегодный экономический отчет Вьетнама за 2021 год: изменение позиции Вьетнама в рейтинге конкурентоспособности в контексте глобальных изменений».

<sup>2</sup> Нгуен Тхи Ву Ха, к. э. н., преподаватель, Университет экономики и бизнеса, Ханойский государственный университет. ORCID: 0000-0001-6589-0129. E-mail: hantv@vnu.edu.vn

В последние годы, даже в тяжелых условиях пандемии COVID-19, платёжный баланс Вьетнама был профицитным. В 2020 г. профицит составил 7,63 % ВВП, а за три квартала 2021 г. — 4,67 % [GSO 2022]. Это оказало негативное воздействие на стабильность обменного курса национальной валюты и стало причиной макроэкономических проблем. В настоящее время Министерством финансов США Вьетнам включён в список валютных манипуляторов [US Department of the Treasury 2022]. Итак, в чём причины того, что в последние годы платёжный баланс Вьетнама оставался профицитным? Какие задачи стоят перед страной в условиях либерализации движения капитала? На эти вопросы пытался ответить автор данной статьи.

### **Обзор литературы**

Вьетнамские и зарубежные ученые пока не проявляют особого внимания к положению дел в платёжном балансе Вьетнама. О нём лишь кратко в общих чертах говорится в докладах по макроэкономике, публикуемых вьетнамскими исследовательскими учреждениями или агентствами, занимающимися вопросами экономики. В последнее время появились отдельные научные работы по платёжному балансу Вьетнама, написанные То Чунг Тханем [To Trung Thanh 2013], Нгуен Тхи Ву Ха [Nguyen Thi Vu Ha 2017, 2018] и Нгуен Ван Шоном [Nguyen Van Song 2020]. В теоретическом труде Нгуен Ван Шоно на основе метода математического моделирования дан анализ состояния платёжного баланса, а также ключевых факторов, оказывающих влияние на него и соответственно на национальный доход. Исследование установило, что платёжному балансу отводится важная роль в национальном доходе и валютных резервах страны. На платёжный баланс оказывают влияние многие факторы, в том числе банковская учётная ставка, уровень внутренних цен на товары и услуги, степень эластичности экспорта товаров к ценам на отечественные товары и услуги, а также курс обмена национальной валюты. То Чунг Тхань, используя статистические данные, провёл анализ рисков как следствия профицита платёжного баланса и роста валютных резервов страны в контексте монетарной трилеммы. Прежде всего автор показал опасности, подстерегающие Вьетнам при интервенциях на внешнем валютном рынке без эффективной системы по нейтрализации рисков. Он также предложил до 2020 г. принять ряд мер по созданию действенного механизма контроля за движением капитала, чтобы стабилизировать обменный курс, увеличить валютные резервы и повысить эффективность мер по нейтрализации рисков. Нгуен Тхи Ву Ха, применив метод качественного анализа, исследовала динамику платёжного баланса со времени вступления СРВ в ВТО (2007 г.) до 2017 г. Она показала, как сильно повлияла международная интеграция страны на отдельные статьи ее платёжного баланса.

Если исследование состояния платёжного баланса в целом не вызывает особого интереса со стороны аналитиков, то разбор его отдельных статей привлекает многих. Как правило, фокус внимания в таких работах направлен на определение взаимосвязи счёта текущих операций и других макроэкономических показателей. Используя модель векторной коррекции ошибок (VECM), Нгуен Дык Чунг и Ле Хоанг Ань [Nguyen Duc Trung, Le Hoang Anh 2021] выявили, что счёт текущих операций и счёт прямых иностранных инвестиций (ПИИ) положительно воздействуют на экономический рост как в кратко-, так и долгосрочной перспективе. Нгуен Тхи Лиен Хоа и Ле Нгок Тоан [Nguyen Thi Lien Hoa, Le Ngoc Toan 2016] исследовали взаимосвязь между накоплениями, чистыми иностранными активами и волатильностью счёта текущих операций в 44 развитых и развивающихся странах в 1980–

2013 гг., в том числе во Вьетнаме. Чан Тхи Кам Ту [Tran Thi Cam Tu 2018] изучила статьи платёжного баланса, влияющие на состояние государственного бюджета в 10 развивающихся странах Азии. Используя математический метод наименьших квадратов, она выявила прямую зависимость между счётами текущих операций и ПИИ и балансом государственного бюджета.

Хотя в последние годы платёжный баланс СРВ постоянно демонстрировал профицит, анализу этой темы не уделялось надлежащего внимания. Кроме того, недавно появились отдельные признаки макроэкономической нестабильности. США включили Вьетнам в список валютных манипуляторов, поскольку он превысил пороговые значения по всем трём критериям Минфина США на протяжении четырёх кварталов, до конца июня 2021 г. К тому же Вьетнам, как член ВТО, ещё в 2018 г. параллельно с либерализацией счёта текущих операций и финансового счёта был вынужден заменить фиксированный валютный курс на плавающий [То Trung Thanh 2013]. Поэтому так важно знать, как профицит платёжного баланса влияет на другие макроэкономические показатели. На основе материалов Государственного банка Вьетнама (SBV) и Главного статистического управления Вьетнама (GSO), а также баз данных Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ) и Торговой карты Международного торгового центра (ИТС), в данной работе анализируются профицитные статьи платёжного баланса. Кроме того, даётся оценка взаимозависимости между балансом и другими макроэкономическими показателями. Наконец, в ней говорится о ряде мер в финансовой политике страны, ожидаемых в ближайшем будущем.

### **Анализ статей платёжного баланса**

#### ***Торговый баланс***

*С 2016 по 2020 г. торговый баланс Вьетнама был неизменно профицитным. Точнее, профицитным всегда был баланс товаров, а баланс услуг, напротив – дефицитным. Получается, что Вьетнаму выгоднее поставлять товары, чем оказывать услуги нерезидентам. Профицит товарного баланса возрос с 11,94 млрд долл. в 2016 г. до почти 30,59 млрд долл. в 2020 г. По этой причине доля товарного баланса в ВВП возросла с 5,82 % в 2016 г. до 11,35 % в 2020 г. [WDI 2022; SBV 2022]. В 2021 г. из-за пандемии профицит уменьшился более чем на 54 %, по сравнению с 2020 г. [GSO 2022]. Профицит в товарном балансе оказал заметное влияние на рост вьетнамской экономики. Он позволил создать новые рабочие места в стране, особенно на фоне борьбы с пандемией COVID-19. Но в то же время он свидетельствует об излишках товаров и услуг в экономике. Баланс услуг во Вьетнаме всегда был дефицитным, но это слабо влияло на общий показатель, поскольку доля экспорта и импорта услуг значительно уступала торговле товарами. Пандемия негативно сказалась на вьетнамском экспорте услуг: его объём сократился более чем в пять раз – с 19,92 млрд долл. в 2019 г. до 3,64 млрд долл. в 2021 г. [SBV 2022; GSO 2022]. Таким образом, в 2021 г. дефицит баланса услуг взлетел до 15,76 млрд долл., почти в 3,58 раза, по сравнению с показателем 2016 г. [Там же]. В итоге спустя многие годы неизменно положительного сальдо общий торговый баланс Вьетнама ушёл в минус.*

*США остаются крупнейшим покупателем товаров в СРВ, имея дефицит торгового баланса 80,1 млрд долл. в 2021 г., что почти в шесть раз больше профицита торгового баланса Вьетнама и равняется примерно 22 % ВВП Вьетнама в том же году [GSO 2022]. С другой стороны, Китай – крупнейший поставщик импортных товаров во Вьетнам, достигший профицита в 54 млрд долл. [GSO 2022]. Такое положение стало одной из причин постоянных обвинений Вьетнама в валютных манипуляциях со стороны США.*

Благодаря стоимости производства такие товары, как одежда и аксессуары, обувь и чулочно-носочные изделия, техника, электроника и запасные части, весьма способствовали профициту товарного баланса СРВ. Примечательно, что импорт одежды и обуви был минимальным, то есть само географическое положение Вьетнама и стоимость производства такой продукции являются большими преимуществами. Однако это производство находится в сильной зависимости от техники, электрооборудования и запасных частей, поставляемых в основном из-за рубежа. Пластмассы и изделия из них; топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества – по этим товарным группам в 2020 г. Вьетнам имел самый значительный торговый дефицит, но именно данные товары являются исходным сырьем для промышленного производства в стране [Trademap 2022].

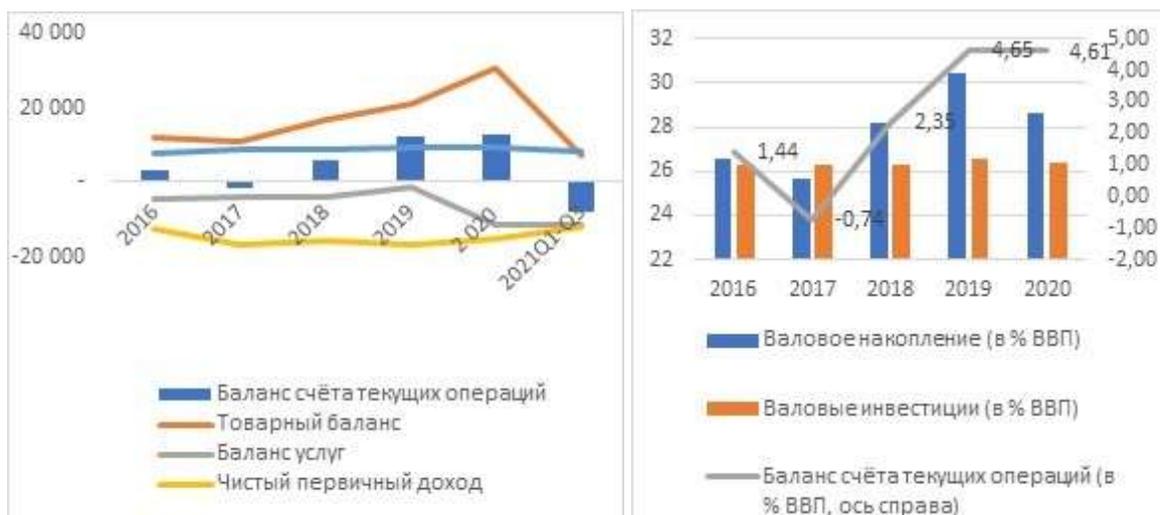
### ***Баланс доходов***

В балансе доходов Вьетнама наблюдаются две противоположные тенденции – постоянное отрицательное сальдо первичных доходов и положительное сальдо вторичных доходов. Доходы от инвестиций в страну намного превышали доходы от вьетнамских инвестиций за рубежом (примерно в 13 раз за рассматриваемый период). С 2016 г. по 3-й квартал 2021 г. доходы от иностранных инвестиций во Вьетнам составили около 96,82 млрд долл., тогда как доходы от его исходящих инвестиций – всего 7,39 млрд долл. Вьетнамцы зарабатывали на своих инвестициях за рубежом меньше, чем иностранцы во Вьетнаме, поэтому сальдо первичных доходов всегда было отрицательным (89,43 млрд долл. за весь период) [SBV 2022]. Это привело к существенному сокращению профицита счета текущих операций в платёжном балансе страны.

В отличие от первичных доходов сальдо вторичных доходов (чистые односторонние трансферты) всегда было положительным. В период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. Вьетнам получил 63,3 млрд долл. текущих односторонних трансфертов, а сумма односторонних трансфертов из Вьетнама составила 10,91 млрд долл. [Там же]. Таким образом, денежные переводы стали существенным ресурсом экономического развития страны. Однако если этот поток использовать неправильно, он может стать причиной спекулятивного пузыря на рынке недвижимости, как уже случилось в прошлом.

### ***Баланс счёта текущих операций***

Колебания торгового баланса и баланса доходов, о которых упоминалось выше, определяют колебания баланса счёта текущих операций. Достигнув наивысшего показателя в 2020 г., из-за пандемии он резко упал в 2021 г. (рис. 1). Профицит текущего платёжного баланса во многом способствовал росту экономики и сокращал разрыв между накоплениями и внутренними инвестициями в стране. Когда внутренние накопления превышали внутренние инвестиции, текущий платёжный баланс был профицитным, если наоборот – дефицитным (рис. 1). Возможно, что на самом деле лица, определяющие финансовую политику, предпочитают использовать внутренние накопления для наращивания объёма внутренних и снижения иностранных инвестиций. Прибыль на внутренний капитал облагается не столь высокими налогами, как прибыль на активы за рубежом. Более того, увеличение внутренних финансовых резервов может сократить безработицу и повысить национальный доход значительно, чем увеличение в тех же объёмах активов за рубежом. Внутренние инвестиции одной фирмы могут иметь косвенный эффект для технологического развития других отечественных производителей, даже если они никак не связаны с инвестирующей фирмой (Krugman 2018: 269).



**Рис. 1.** Текущий платёжный баланс (млн долл.), валовые накопления и инвестиции (в % к ВВП) Вьетнама в 2016–2021 гг. *Источник:* [IFM 2022; SBV 2022]

Чрезмерный профицит текущего платёжного баланса может представлять неудобство и по политическим причинам. Страны с высоким профицитом могут стать объектом для дискриминационных импортных ограничений со стороны торговых партнёров, имеющих внешний дефицит. Например, начатая в 2018 г. США торговая война против Китая отчасти была вызвана положительным сальдо Китая в торговле с США. Таким образом, странам лучше стараться не допускать чрезмерного роста профицита. В настоящее время Министерство финансов США вместе с вьетнамскими властями занимается разработкой плана конкретных действий для решения проблем, вызванных низким курсом вьетнамской валюты и чрезмерным внешнеторговым профицитом СРВ.

### *Баланс прямых инвестиций*

Приток прямых инвестиций остаётся самым стабильным среди всех международных инвестиционных поступлений в страну, их баланс всегда был профицитным (см. Приложение). В 2016–2021 гг. Вьетнам получил более 90 млрд долл. прямых иностранных инвестиций [SBV 2022; GSO 2022]. ПИИ активно способствовали созданию рабочих мест и развитию вьетнамского экспорта. Доля ПИИ составила более 72,33 % ВВП Вьетнама в 2020 г. и 73,6 % его экспорта в 2021 г. [GSO 2022]. В период локдауна приток прямых инвестиций немного уменьшился, но затем вновь набрал обороты. Поэтому в 2020 г. большинства предприятий с иностранным капиталом пандемия почти не коснулась, лишь слегка задев в 2021 г. [GSO 2021].

В период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. вьетнамские инвесторы вложили за рубежом почти 3,06 млрд долл. в 730 проектов. Эти проекты в основном связаны с добычей угля и полезных ископаемых, сельским хозяйством, лесоводством и рыбной ловлей, а также с информационной сферой и коммуникациями. Вьетнам инвестировал в 31 страну и территорию, больше всего вьетнамские инвесторы вложили в Австралию, Лаос, Германию, США, Россию и Камбоджу [GSO 2022].

ПИИ в экономику Вьетнама почти в 30 раз превысили прямые вьетнамские инвестиции за рубеж. Это одна из причин, почему доходы, полученные страной от инвестиций, были гораздо меньше выплат по инвестициям, которые Вьетнам перечислил нерезидентам.

### Баланс портфельных инвестиций

Баланс портфельных инвестиций во Вьетнаме испытал довольно сильные колебания. В период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. страна получила 7,81 млрд долл. в виде портфельных инвестиций. Однако в это же время наблюдался отток портфельных инвестиций вьетнамских резидентов, хотя и в малом объёме. Более того, было семь кварталов из 23 (с 1-го квартала 2016 по 3-й квартал 2021 г. включительно), когда иностранные инвесторы вывели с вьетнамского фондового рынка капиталы общим объёмом около 2,61 млрд долл., что составляет почти 28 % всех портфельных иностранных инвестиций во Вьетнам. Особенно в 1-м квартале 2020 г., когда начавшаяся пандемия стала вызывать обеспокоенность по поводу вьетнамской экономики, иностранные инвесторы изъяли из страны более 1,33 млрд долл. [SBV 2022]. Тем не менее индекс вьетнамских акций в первые месяцы 2021 г. продолжал расти, так как внутренние инвесторы верили во вьетнамский фондовый рынок (рис. 2).

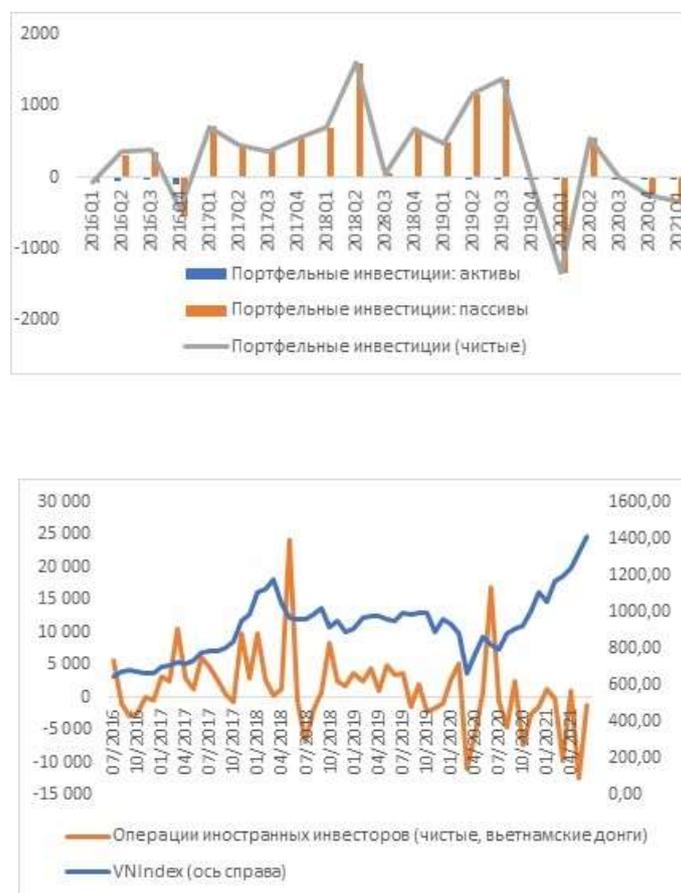


Рис. 2. Баланс портфельных инвестиций (млн долл.) и изменения индекса VN-Index во Вьетнаме (1-й кв. 2016 г. – 1-й кв. 2021 г.). Источник: [SBV 2021]

Разумеется, невозможно отрицать роль иностранных инвесторов на вьетнамском фондовом рынке. За счёт эластичности этого потока действия иностранных инвесторов в последнее время оказывают значительное влияние на индекс вьетнамских акций (VN-Index).

### Баланс прочих инвестиций

Баланс прочих инвестиций во Вьетнаме в период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. также испытал сильные колебания в части активов и пассивов. Объём вьетнамских инвестиций за рубеж по данной статье составил почти 42,07 млрд долл., а объём инвестиций во Вьетнам превысил 42,98 млрд долл. (приблизительно 47,7 % по сравнению с ПИИ). Иными словами, баланс прочих инвестиций оказался в дефиците, который за весь рассматриваемый период составил более 0,91 млрд долл. [SBV 2022]. Это единственная статья, по которой вьетнамские инвестиции за рубеж оказались почти равными иностранным инвестициям во Вьетнам.

Вьетнамские прочие инвестиции за рубеж осуществлялись в основном в денежной форме и депозитах. На банковский сектор пришлось около 32,83%, а на частный — 67,17% денег и депозитов [Там же]. Поток прочих частных инвестиций за рубеж в денежной форме и депозитах, составляя значительную пропорцию, имел тенденцию к снижению и не испытывал столь сильных колебаний, как движение капитала в банковском секторе. В банковском секторе отток капиталов был очень волатильным, в отдельные периоды эти средства возвращались во Вьетнам. Из-за пандемии в 2020 г. прочие инвестиции за рубеж в банковском секторе резко сократились, и в 2021 г. началось их возвращение во Вьетнам. В частности, за три квартала 2021 г. назад вернулось 2,6 млрд долл. [Там же]. Этот процесс свидетельствует о растущей интеграции вьетнамской банковской системы с международными финансовыми рынками и, следовательно, об усилении чувствительности к глобальным рыночным колебаниям.

Прочие иностранные инвестиции во Вьетнам осуществлялись в основном в виде займов (почти 63,12 % всего объёма) и депозитов во вьетнамских банках (31,32 %). С 2016 по 3-й квартал 2021 г. это были в основном средне- и долгосрочные займы общим объёмом более 21,97 млрд долл. Краткосрочные капиталовложения составили всего около 5,15 млрд долл. Однако по каждому пункту наблюдаются довольно сильные колебания в период с 1-го квартала 2016 по 3-й квартал 2021 г. включительно (рис. 3).

В рассматриваемый период (1-й квартал 2016 – 3-й квартал 2021 г.) Вьетнам занял за рубежом на короткий срок более 135,69 млрд долл., что в 1,94 раза больше погашенных средне- и долгосрочных займов и в 1,6 раза больше всех выплаченных ПИИ. Однако основной долг зарубежным странам, который Вьетнам должен был погасить в тот же период, равнялся почти 130,54 млрд долл. [SBV 2022]. Следовательно, краткосрочные заимствования для погашения краткосрочного долга, будут оказывать сильное давление на макроэкономическую стабильность.



Рис. 3. Кратко- и долгосрочные займы (млн долл.) во Вьетнаме (1-й кв. 2016 г. – 3-й кв. 2021 г.).

Источник: [SBV 2022]

Что касается долгосрочных займов, в период с 1-го квартала 2016 по 3-й квартал 2021 г. всего были погашены долги на почти 69,93 млрд долл., в основном относящиеся к частному сектору (около 78 %). Общие выплаты по основному долгосрочному долгу в рассматриваемый период составили почти 47,95 млрд долл., из них на государственный и частный секторы пришлось соответственно около 19,33 % и 80,67 % [Там же]. Однако сумма установленных по графику амортизационных отчислений постепенно росла. Таким образом, баланс по долгосрочным займам нередко оказывался профицитным, что приводило к отрицательному сальдо баланса первичных доходов.

### ***Баланс финансового счёта***

Финансовый счёт фиксирует операции, связанные с капиталовложениями, займами и кредитами Вьетнама с нерезидентами. В период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. баланс финансового счёта постоянно имел профицит в объёме 90,34 млрд долл., что втрое превышало профицит счёта текущих операций. Это означает, что в последние годы Вьетнам был привлекателен для международных капиталовложений, особенно для ПИИ. Однако приток иностранных капиталовложений в страну до сих пор носит неустойчивый характер: колебания составляют от 8,2 млрд до почти 24 млрд долл. в год. Из трёх инвестиционных потоков наибольшую стабильность демонстрируют прямые инвестиции, наименьшую — прочие инвестиции.

Финансовый счёт определяет разницу между приобретёнными иностранными активами и их растущими пассивами. Когда финансовый счёт становится профицитным, это ведёт к выставлению иностранных требований к вьетнамским резидентам. Поэтому профицит финансового счёта может создавать риски в случае внезапного оттока или резкого падения иностранных капиталовложений. Во Вьетнаме профицит финансового счёта в основном определяют прямые инвестиции. Поэтому, если экономические условия за рубежом становятся менее благоприятными или возникает экономическая нестабильность, затрагивающая и Вьетнам (например, прекращение производства во время пандемии COVID-19), эти капиталовложения могут испытывать мощные колебания. Более того, они сильно сказываются на экспорте вьетнамских товаров (выше говорилось, что экспорт вьетнамских товаров в высокой степени зависит от сектора ПИИ).

### ***Баланс официальных резервов***

Баланс официальных резервов отражает операции, проводимые центральными банками на валютном рынке. Дефицит этого баланса предполагает, что центральный банк купил иностранную валюту и увеличил объём инвалютных резервов страны. Во Вьетнаме оба основных счета были профицитными. Прежде всего это сильно сказывается на курсе обмена и заставляет Госбанк Вьетнама (SBV) вмешиваться в валютный рынок. В период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. SBV купил более 79 млрд долл., что составляет примерно две трети всего профицита баланса текущих и финансовых операций. SBV активно действовал на валютном рынке, чтобы стабилизировать обменный курс. В периоды роста предложения иностранной валюты он делал регулярные покупки, при дефиците предложения – продавал. Например, в 4-м квартале 2018 г. (когда и счет текущих операций, и финансовый счет Вьетнама были в дефиците) было продано более 1,9 млрд долл. из резервов. SBV также продал более 1,26 млрд долл. из резервов, чтобы финансировать дефицит счета текущих операций в 4-м квартале 2016 г. [SBV 2022]. Вот еще одна причина того, что в последние годы США обвиняют Вьетнам в манипуляциях валютой.

К концу 2020 г. резервы Вьетнама достигли почти 94 млрд долл., что эквивалентно импорту примерно за 4,5 месяца, или почти 35 % ВВП, или 70 % всего государственного долга в 2020 г. [WDI 2021]. В 3-м квартале 2021 г. вьетнамские резервы составляли около 106 млрд долл. Такой уровень резервов может обеспечить безопасность вьетнамских импортеров и помочь стране избежать экономических потрясений. Однако SBV следует проявлять осторожность, используя этот инструмент, поскольку он может стать причиной напряжённости в торговых отношениях Вьетнама с партнерами. Кроме того, когда центральные банки покупают иностранную валюту, не принимая мер по нейтрализации рисков, происходит рост внутренней денежной базы, что приводит к инфляции. Поэтому SBV постоянно участвует в продажах на открытом рынке, чтобы уменьшить денежную базу и инфляционное давление. В результате общий объём выставленных на открытый рынок в 2016–2019 гг. государственных облигаций Вьетнама составил 3,73 тыс. трлн вьетнамских донгов (приблизительно 162 млрд долл.). В 2019 г. профицит счета текущих операций и финансового счета достиг наивысшего значения: SBV продал гособлигации на сумму почти 1,52 трлн донгов (приблизительно 64,8 млн долл.) [SBV Annual Report 2016, 2017, 2018, 2019, 2020].

На фоне этих рыночных интервенций, по оценке МВФ, в 2019 г. вьетнамский донг был на 7,8 % ниже своей реальной стоимости. В последние годы этот показатель активно сокращается. Так, в 2020 г. донг был уже на 4,3 % и 4,7 % ниже своей номинальной и реальной стоимости соответственно [US Department of the Treasury 2021].

### ***Баланс официальных расчетов***

В соответствии с правилом двойной бухгалтерской записи платёжный баланс всегда сохраняет равновесие. Тем не менее часто говорится о профиците или дефиците платёжного баланса той или иной страны. Если точнее, под этим имеется в виду профицит или дефицит баланса официальных расчетов, или итогового баланса. За последние годы итоговый баланс Вьетнама всегда находился в профиците, составлявшем более 79 млрд долл., то есть на внешних рынках доходы вьетнамской экономики росли быстрее, чем её расходы (за исключением операций с резервными активами). Как результат, по данным 2019 г., внешнее положение СРВ было значительно более прочным, чем это следовало из фундаментального анализа экономики и соответствующих предложений, в которых отечественная экономика выглядела недостаточно эффективной в плане экспортных возможностей и испытывающей нехватку инвестиций в частном секторе [US Department of the Treasury 2021].

Следует дополнить, что величина ошибок и пропусков в соответствующей статье платёжного баланса Вьетнама весьма значительна. Так, в период с 2016 по 3-й квартал 2021 г. её общий объём вплотную приблизился к 35,67 млрд долл., что составило 45,13 % итогового баланса. За весь период 2016–2020 гг. неизвестные или пропущенные поступления денежных средств во Вьетнам оценивались почти в 6,5 млрд долл., а неизвестные оттоки денежных средств из страны приблизились к 40 млрд долл. (в 6 раз больше, чем поступления). Кроме того, число полученных SBV извещений о транзакциях, касающихся отмывания денег, также увеличилось: если в 2016 г. таких извещений было 1300, то в 2019 г. — почти 2000 [SBV 2021]. Лицам, определяющим финансовую политику Вьетнама, необходимо подумать об этом.

### **Заключение**

Анализ профицита платёжного баланса Вьетнама за последние несколько лет позволил сделать некоторые выводы и рекомендации для финансовой политики страны.

*Во-первых*, профицит текущего платёжного баланса в основном был вызван положительным сальдо в торговом балансе и свидетельствует о сравнительном преимуществе Вьетнама в поставляемых товарах. Однако вьетнамский экспорт прежде всего зависел от сектора ПИИ, поэтому любые колебания баланса ПИИ ощутимо на нём сказывались. Что касается баланса доходов, хотя приток денежных средств во Вьетнам значителен, платежи иностранным инвесторам всегда превышают суммы, получаемые от инвестиций за рубежом. Это сказывается на стоимости вьетнамского донга и требует интервенций SBV для стабилизации обменного курса. С одной стороны, такие интервенции оказывают давление на денежную базу и инфляцию, с другой — служат причиной торговых конфликтов со странами-партнерами. Поэтому в будущем Вьетнам должен определить приоритет в своей финансовой политике: стабилизировать обменный курс национальной валюты или проводить независимую монетарную политику в контексте всё большей либерализации движения капитала.

*Во-вторых*, профицит финансового счёта CPB обусловлен в основном входящими прямыми инвестициями. Как только экономические условия за рубежом становятся менее благоприятными или возникает экономическая нестабильность, затрагивающая и Вьетнам, эти капиталовложения испытывают сильные колебания. Профицит вьетнамского финансового счёта не был устойчивым, так как не только прямые инвестиции, но и другие инвестиционные потоки в страну и из неё испытывали сильные колебания. Такая волатильность особенно сказалась на кратко- и долгосрочных займах. Хотя профицит долгосрочных займов мог отчасти компенсировать дефицит краткосрочных, общий объём последних вдвое превышал долгосрочные. Привлечение иностранных капиталовложений в страну может создать риски для возврата вьетнамских капиталов на родину. В настоящее время операции с капиталом ведутся, чтобы привлечь иностранные инвестиции и при этом строго контролировать отток капитала. Как отметил П. Кругман [Krugman et al. 2018: 270], кризис почти не коснулся Китая и Тайваня, которые до кризиса постоянно контролировали движение капиталов и имели профицитные платёжные балансы. Однако Вьетнам как член ВТО был вынужден еще в 2018 г. либерализовать свой финансовый счет. Поэтому контроль капитала придется отложить на будущее.

*В-третьих*, профицит платёжного баланса Вьетнама упрочил внешнеэкономическое положение страны. Однако это отражает и степень неэффективности внутреннего экономического сектора в том, что касается поставки товаров на экспорт или ограничений в секторе внутренних частных инвестиций. Накопление слишком больших валютных резервов может вызвать инфляцию и привести к кредитному буму в будущем. Кроме того, во Вьетнаме стоимость мер нейтрализации сравнительно высока [То Trung Thanh 2013], поэтому продолжение валютных интервенций и мер по нейтрализации рисков их воздействия на рост денежной массы и инфляцию не может длиться вечно. Итак, сегодня крайне необходимо поддерживать и налаживать частные инвестиции, постепенно, не отступая от «дорожной карты», обеспечивать сохранение плавающего курса национальной валюты.

### Список литературы

1. General Statistics Office – GSO. Yearbook 2020. Hanoi, 2021. URL: <https://www.gso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2021/07/nien-giam-thong-ke-2021/> (дата обращения: 15.07.2021).
2. General Statistics Office - GSO. Report on Social and economic situation in 2021. ~~2022~~. URL: <https://www.gso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2021/12/bao-cau-tinh-hinh-kinh-te-xa-hoi-quy-iv-vam-2021/> (дата обращения 10.01.2022).

3. IMF Country Report No. 21/42: Vietnam 2020 Article IV Consultation—Press Release; Staff Report; And Statement By The Executive Director For Vietnam. IMF. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/02/24/Vietnam-2020-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-50121> (дата обращения: 02.08.2021).
4. *Krugman P.R., Obstfeld M., Melitz M.* International Finance: Theory and Policy, 11th Edition. Pearson, 2018.
5. *Nguyen Duc Trung, Le Hoang Anh.* The relationship between economic growth and the current account balance in Vietnam: a unique phenomenon of developing countries // Journal of Banking Science and Training. 2021. №. 226. URL: <https://vjol.info.vn/index.php/HVNH-KHDAOTAONH/article/view/55688/46237>
6. *Nguyen Thi Lien Hoa, Le Ngoc Toan.* Relationship between savings, net foreign asset position and current account volatility // Economic Development Journal. 2016. № 27(11). P. 4–26.
7. *Nguyen Thi Vu Ha.* International Capital Flows in Vietnam from 2006 to 2015 // Vietnam Journal of Social Sciences. 2017. P. 1013–4328.
8. *Nguyen Thi Vu Ha.* Vietnam’s balance of international payments from 2007 to present // Vietnam Journal of Social Sciences. 2018.
9. *Nguyen Van Song.* Balance of Payment (BOP): fundamental influencing factors // Economic Research Journal. 2020. Issue 3 (502).
10. State Bank of Vietnam – SBV. 2022. URL: <https://sbv.gov.vn/webcenter/portal/en/menu/trangchu/tk/ccttqt?> (дата обращения: 15.01.2022).
11. *To Trung Thanh.* Surplus in Balance of Payments and Increase in Reserves – Risks from the trinity // Proceedings of the Spring Forum 2013. P. 253-274.
12. Trademap. 2022. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c> (дата обращения: 15.01.2022).
13. *Tran Thi Cam Tu.* Components of the balance of payments impact on state budget balances in 10 developing countries in Asia. 2018. URL: <https://digital.lib.uoh.edu.vn/handle/UOH/58419> (дата обращения: 15.07.2022).
14. US Department of the Treasury, Office of International Affairs. Report on Macroeconomic and Foreign Exchange Policies of Major Trading Partners of the United States April 2021. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0131> (дата обращения: 15.01.2022).
15. US Department of the Treasury, Office of International Affairs. Report on Macroeconomic and Foreign Exchange Policies of Major Trading Partners of the United States December 2021. ~~2022~~. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/206/December-2021-FXR-FINAL.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
16. World Development Indicators. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/country/vietnam> (дата обращения: 15.01.2022).

## Приложение

### Платёжный баланс Вьетнама, 2016 г. – 3-й кв. 2021 г. (млн долл. США)

Платёжный баланс Вьетнама	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (1–3 кв.)
<b>А. Баланс счета текущих операций</b>	<b>2 960</b>	<b>-1 651</b>	<b>5 769</b>	<b>12 168</b>	<b>12 949</b>	<b>- 7 840</b>
Товары: Экспорт FOB	176 484	215 119	243 697	264 189	282 629	240 632
Товары: Импорт FOB	164 540	204 273	227 158	242 968	252 040	233 213
<b>Баланс товаров</b>	<b>11 944</b>	<b>10 846</b>	<b>16 539</b>	<b>21 221</b>	<b>30 589</b>	<b>7 419</b>
Услуги: Экспорт	12 505	13 070	14 775	19 920	6 512	2 658

<b>Платёжный баланс Вьетнама</b>	<b>2016</b>	<b>2017</b>	<b>2018</b>	<b>2019</b>	<b>2020</b>	<b>2021 (1–3 кв.)</b>
Услуги: Импорт	16 908	17 100	18 585	21 421	18 241	14 345
<b>Баланс услуг</b>	<b>-4 403</b>	<b>-4 030</b>	<b>-3 810</b>	<b>-1 501</b>	<b>- 11 729</b>	<b>- 11 687</b>
Доход от инвестиций (первичный доход): Приход	635	745	1615	2237	1 428	729
Доход от инвестиций (первичный доход): Расход	13 201	17 738	17 433	19 032	16 795	12 617
<b>Баланс первичных доходов</b>	<b>-12 566</b>	<b>-16 993</b>	<b>-15 818</b>	<b>-16 795</b>	<b>- 15 367</b>	<b>- 11 888</b>
Трансферты (вторичный доход): Приход	9 125	10 031	10 870	11 609	11 427	10 240
Трансферты (вторичный доход): Расход	1 140	1 503	2 012	2 366	1 971	1 924
<b>Баланс вторичных доходов</b>	<b>7 985</b>	<b>8 528</b>	<b>8 857</b>	<b>9 243</b>	<b>9 456</b>	<b>8 316</b>
<b>В. Баланс счета движения капитала</b>	<b>0</b>	<b>0</b>	<b>0</b>	<b>0</b>	<b>-</b>	<b>-</b>
<b>С. Баланс финансового счета</b>	<b>10697</b>	<b>20028</b>	<b>8466</b>	<b>18971</b>	<b>8 313</b>	<b>23 864</b>
Прямые инвестиции: Активы	-1 000	-480	-598	-450	- 380	- 148
Прямые инвестиции: Пассивы	12 600	14 100	15 500	16 120	15 800	10 550
<b>Баланс прямых инвестиций</b>	<b>11 600</b>	<b>13 620</b>	<b>14 902</b>	<b>15 670</b>	<b>15 420</b>	<b>10 402</b>
Портфельные инвестиции: Активы	<b>180</b>	<b>0</b>	<b>0</b>	<b>3</b>	<b>4</b>	<b>7</b>
Портфельные инвестиции: Пассивы	<b>48</b>	<b>2 069</b>	<b>3 021</b>	<b>2 995</b>	- 1 048	535
<b>Баланс портфельных инвестиций</b>	<b>228</b>	<b>2 069</b>	<b>3 021</b>	<b>2 998</b>	<b>- 1 044</b>	<b>542</b>
Прочие инвестиции: Активы	-5 322	-9 603	-11 143	-7 789	- 8 746	538
Прочие инвестиции: Пассивы	4 191	13 942	1 686	8 092	2 683	12 382
<b>Баланс прочих инвестиций</b>	<b>-1 131</b>	<b>4 339</b>	<b>-9 457</b>	<b>303</b>	<b>- 6 063</b>	<b>12 920</b>
<b>Д. Ошибки и пропуски</b>	<b>-5 265</b>	<b>-5 833</b>	<b>-8 204</b>	<b>-7 885</b>	<b>- 4 631</b>	<b>- 3 849</b>
<b>Е. Итоговый баланс</b>	<b>8 390</b>	<b>12 544</b>	<b>6 031</b>	<b>23 254</b>	<b>16 632</b>	<b>12 175</b>
<b>Ф. Резервы и связанные с ними статьи</b>	<b>-8 390</b>	<b>-12 544</b>	<b>-6 031</b>	<b>-23 254</b>	<b>- 16 632</b>	<b>- 12 175</b>

Источник: SBV2022

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105388

**МНОГОМЕРНАЯ БЕДНОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВО  
ВЬЕТНАМЕ И СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:  
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**  
Нгуен Динь Туан<sup>1</sup>

**Аннотация.** Согласно ежегодным докладам о человеческом развитии, выпускаемым Программой развития ООН (ПРООН), и данным по многомерной бедности в мире, представленным Оксфордской инициативой по борьбе с бедностью и развитию человеческого потенциала (Oxford Poverty and Human Development Initiative, ОРН), Вьетнам в последние годы добился обнадеживающих достижений в человеческом развитии и снижении уровня многомерной бедности. Однако, по сравнению с другими странами региона, принятые меры выглядят недостаточными. Основываясь на данных ПРООН по индексу человеческого развития (ИЧР) и данных ОРН по индексу многомерной бедности (ИМБ), автор предпринимает попытку проанализировать и сопоставить показатели ИМБ и ИЧР Вьетнама с показателями ряда других стран Юго-Восточной Азии, чтобы выявить направления человеческого развития и пути сокращения многомерной бедности во Вьетнаме в последние годы.

**Ключевые слова:** многомерная бедность, человеческое развитие, Вьетнам, Юго-Восточная Азия, Программа развития ООН (ПРООН).

**Для цитирования:** Нгуен Динь Туан. Многомерная бедность и человеческое развитие во Вьетнаме и странах Юго-Восточной Азии: сравнительный анализ // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 40–51.

Дата поступления статьи: 14.01.2022

Дата поступления в переработанном виде: 06.02.2022

Принята к печати: 14.03.2022

### **Введение**

В настоящее время представления о человеческом развитии и бедности изменились. Бедность оценивается не только в экономическом плане, но и по многим другим аспектам. На изменение подходов к определению и оценке бедности во многом повлияли доклады ПРООН о человеческом развитии. В них представлен набор показателей и методика расчета для отражения ситуации с человеческим развитием и многомерной бедностью в каждой конкретной стране<sup>2</sup>.

ПРООН применяет ИЧР для оценки прогресса, достигнутого конкретной страной в решении задач человеческого развития. ИЧР рассчитывается по трём параметрам: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и валовой национальный доход на душу

---

<sup>1</sup> Нгуен Динь Туан, к. соц. н. (антропология), старший научный сотрудник, Институт исследований человека Вьетнамской академии общественных наук (ВАОН). ORCID: 0000-0002-2079-6750. E-mail: tuanihs@yahoo.com

<sup>2</sup> В ежегодных докладах ПРООН о человеческом развитии оценка многомерной бедности разработана в соответствии с критериями в отношении человеческого развития. Индекс человеческого развития (ИЧР) был впервые подсчитан в Докладе о человеческом развитии в 1990 г. В 2010 г. впервые был включен индекс многомерной бедности (ИМБ), который заменил индекс человеческой бедности (ИЧБ).

населения. Согласно определению ООН, «Бедность – это состояние, при котором у человека отсутствуют минимальные возможности эффективно участвовать в общественной деятельности. Бедность означает отсутствие достаточного количества пищи и одежды, доступности школьного образования, услуг здравоохранения, возможности получить землю для осуществления сельхоздеятельности или работу, чтобы прокормить себя, возможности получить кредит. Это также означает, что бедные люди не защищены и изолированы, не имеют прав и влияния, уязвимы для насилия, живут в условиях риска, не имеют доступа к чистой воде и/или средствам санитарии» [Dang Nguyen Anh 2015]. Поэтому бедность следует оценивать с различных сторон, используя многомерный подход. В большинстве исследований, проводимых в настоящее время организациями и странами, включая ПРООН и ОРНИ, для оценки многомерной бедности используется метод Алкире – Фостера [2011]).

Метод оценки бедности Алкире – Фостера считается наиболее всеохватывающим, так как он оценивает не только общий уровень бедности, но и определяет её масштаб и глубину. Этот метод включает 10 показателей на основе анализа трёх аспектов, связанных с ИЧР: здоровья, образования и условий жизни.

В целом подход ПРООН к оценке человеческого развития и многомерной бедности является наиболее всесторонним и гуманным.

### **Обзор литературы**

В последние десятилетия восприятие бедности сильно изменилось. Так, индийский экономист А. Сен рассматривает бедность как динамичное и многомерное явление. По его мнению, бедность – это прежде всего отсутствие основных возможностей у отдельных лиц или семьи, а не только финансовый фактор, поэтому необходимо укреплять потенциал бедных слоёв населения через образование и здравоохранение, что в свою очередь приведёт к повышению производительности их труда и уровня доходов. А. Сен предложил двухэтапную оценку бедности: 1) определение бедных по порогу депривации и 2) агрегирование информации о бедности в обществе [Sen 1976]. Таким образом, многие ученые при изучении бедности придерживаются принципа комплексности, включающего анализ возможностей, потребностей, места в социальной структуре и т. п., предлагая различные методы оценки многомерной бедности. Например, Аткинсон и Бургинон [Atkinson & Bourguignon 1982] при оценке бедности учитывают два параметра: доход и продолжительность жизни. Фостер и Шоррокс [Foster & Shorrocks 1988] рассчитывают индекс бедности на базе трёх показателей: численность населения, разрыв в уровне доходов на душу населения и коэффициент чувствительности к распределению. Существуют и другие методы оценки многомерной бедности, учитывающие самые разные критерии. Однако сегодня чаще всего используется метод Алкире – Фостера, разработанный ОРНИ. Он основан на трёх главных измерениях: образования, здравоохранения и уровня жизни (что также применимо к ИЧР). Начиная с Доклада о человеческом развитии за 2010 г., ПРООН отказалась от ИЧБ и использует национальные индексы многомерной бедности (ИМБ).

В сравнительном исследовании уровня жизни во Вьетнаме, Китае и Индии Рэй и Синха [Ray & Sinha 2011] применили многомерный подход и вывели индекс многомерной депривации на уровне домохозяйств. Авторы использовали официальную статистику этих трёх стран, в частности Китая – China Health and Nutrition Survey – CHNS (1989–2006), Индии – National Family Health Surveys – NFHS (1992–2006) и Вьетнама – National Family Health Surveys – VLSS (1992–2004). На основе анализа этих данных авторы показали различие между

многомерной депривацией (MDD) по Чакраварти и Д'Амброзио [Chakravarty & D'Ambrosio 2006] и многомерной бедностью (MDP) по методу Алкире – Фостера [Alkire & Foster 2009], что нашло отражение в Докладе по человеческому развитию за 2010 г. и помогло наглядно представить различие в показателях многомерной бедности у этих трёх стран [Ray & Sinha 2011: 17].

В 2016 г. для реализации Программы устойчивого снижения уровня бедности на период 2016–2020 гг. Министерство труда, инвалидов войны и социального обеспечения Вьетнама (MOLISA) утвердило план по замене подхода к измерению бедности – с одномерного, основанного на доходах, на многомерный. Метод многомерной оценки бедности, представленный министерством, сочетает метод Алкире – Фостера и традиционный метод, основанный на уровне дохода. Соответственно, по новым стандартам были повышены критерии выхода из бедности. Таким образом, Вьетнам стал одной из ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона по измерению многомерной бедности в целях снижения её уровня во всех аспектах [Dinh Quang Hai 2021: 97].

На основе нового метода расчёта многомерной бедности, установленного министерством, Лыонг Тхюи Зыонг и Ву Куок Хюи [Luong Thuy Duong & Vu Quoc Huy 2017], используя данные VLSS за 2010, 2012 и 2014 г., рассчитали уровень многомерной бедности по регионам Вьетнама. Авторы скорректировали ряд показателей по доходам, здоровью, доступу к информации и качеству жилья в соответствии с реальными условиями. Общие результаты показывают, что доля бедных домохозяйств, особенно живущих в условиях крайней бедности, за последние годы увеличилась, хотя доступ к основным услугам значительно улучшился [Там же: 15].

Обзор ряда научных работ показывает, что во Вьетнаме были проведены исследования многомерной бедности, методов её расчета, а также сравнительный анализ национального ИМБ. Тем не менее сравнение индекса многомерной бедности и индекса человеческого развития Вьетнама с показателями других стран Юго-Восточной Азии по-прежнему заслуживает исследовательского внимания. В данной статье даётся анализ и сравнение ИМБ и ИЧР Вьетнама и некоторых стран ЮВА, что помогает выявить сложившуюся в последние годы тенденцию к снижению уровня многомерной бедности на фоне человеческого развития во Вьетнаме по сравнению с другими странами региона.

### **Методология**

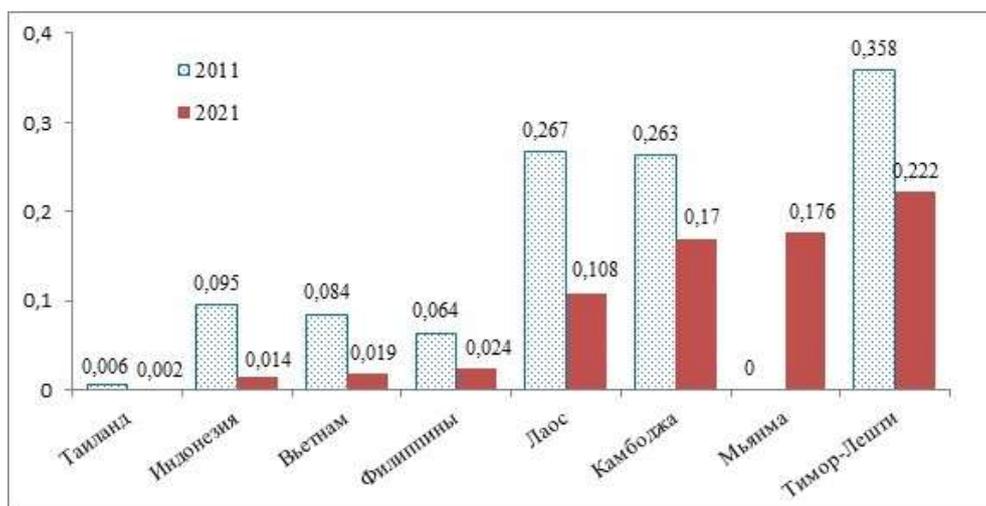
В работе автор опирался на ряд научных трудов, посвящённых разработке методологических подходов к проблеме бедности. Источниками данных послужили доклады Азиатского банка развития (АБР), ОРН и ПРООН за 2011–2020 гг., в которых отражены индексы многомерной бедности и человеческого развития Вьетнама и ряда стран ЮВА.

К странам Юго-Восточной Азии относятся 11 стран: Бруней, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Филиппины и Тимор-Лешти. Однако в базу данных по многомерной бедности ОРН вошли только 8 стран (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Индонезия, Филиппины и Тимор-Лешти), уровень бедности которых стал предметом анализа и сравнения в данной статье.

**Индекс многомерной бедности в ряде стран ЮВА**

*Индекс многомерной бедности в ряде стран ЮВА в 2011 и 2021 г.*

По данным ОРНІ, ИМБ Вьетнама в 2021 г. снизился на 77,4 % (с 0,084 пункта до 0,019), по сравнению с показателем 2011 г. Это второе по величине снижение среди семи стран ЮВА (за исключением Мьянмы, по которой данные за 2011 г. отсутствуют). В Индонезии показатель снизился на 85,3 % (с 0,095 пункта до 0,014), в Таиланде –на 66,7 % (с 0,006 пункта до 0,002), на Филиппинах –на 62,5 % (с 0,064 пункта до 0,024), в Тимор-Лешти –на 38,0 % (с 0,358 пункта до 0,222), в Камбодже – на 35,4 % (с 0,263 пункта до 0,170) и в Лаосе –на 59,6 % (с 0,267 до 0,108 пункта). В 2021 г. ИМБ Вьетнама был выше, чем у Таиланда и Индонезии, и ниже, чем у Филиппин, Лаоса, Камбоджи, Мьянмы и Тимора-Лешти (рис. 1).



**Рис. 1.** ИМБ ряда стран ЮВА в 2011 и 2021 г.<sup>3</sup> *Источник:* [UNDP 2011: 143–144; ОРНІ 2021].

*Доля бедных домохозяйств, интенсивность депривации и рейтинги ИМБ ряда стран ЮВА в 2021 г.*

Согласно рейтингу стран по ИМБ за 2021 г., опубликованному ОРНІ, Вьетнам находится в группе с низким ИМБ (и не только в ЮВА). В 2021 г. Вьетнам с уровнем многомерной бедности 4,9 % и интенсивностью депривации 39,50 % занял 38-е место из 109 стран. Согласно рейтингу, лучшей из восьми стран ЮВА является Таиланд (12-е место), за ним следует Индонезия (30-е место). В то же время Лаос, Камбоджа, Мьянма и Тимор-Лешти оказались в нижней группе (Лаос – 62-е, Камбоджа – 68-е, Мьянма – 71-е и Тимор-Лешти – 78-е место из 109).

<sup>3</sup> Национальные индексы многомерной бедности были опубликованы ОРНІ в 2011 и 2021 гг., однако данные, использованные для расчёта индексов, были собраны за несколько лет до этого. По Мьянме за 2011 г. данные отсутствуют. Из-за недостатка данных не все индексы стран рассчитывались на основе всех десяти показателей. Например, ИМБ Вьетнама, Индонезии и Филиппин за 2021 г. определялся без учёта показателя питания.

Табл. 1. Доля бедных домохозяйств, интенсивность депривации и рейтинги по ИМБ ряда стран Юго-Восточной Азии в 2021 г.

Страна	Многомерная бедность населения (Н) %	Интенсивность депривации среди бедных (А) %	ИМБ по странам
Таиланд	0,58	36,07	12/109
Индонезия	3,62	38,71	30/109
Вьетнам	4,9	39,05	38/109
Филиппины	5,8	41,84	41/109
Лаос	23,07	46,95	62/109
Камбоджа	37,19	45,81	68/109
Мьянма	38,32	45,89	71/109
Тимор-Лешти	48,25	45,91	78/109

Источник: [ОРНІ 2021]

Согласно данным по многомерной бедности, опубликованным ОРНІ в 2021 г., в Таиланде самый низкий её уровень среди домохозяйств (0,58 %), за ним следуют Индонезия (3,62 %), Вьетнам (4,90 %), Филиппины (5,80 %), Лаос (23,07 %), Камбоджа (37,19 %) и Тимор-Лешти (48,25 %) (табл. 1). Показатели многомерной бедности домохозяйств в этих семи странах ЮВА демонстрируют, что между ними существуют большие различия: достаточно сравнить Таиланд, страну с самым низким показателем, и Тимор-Лешти (0,58 % по сравнению с 48,25 %). Если сравнивать уровень многомерной бедности во Вьетнаме с семью странами региона, то во Вьетнаме уровень в четыре раза выше, чем в Таиланде, и в 1,4 раза ниже, чем на Филиппинах. Показатель многомерной бедности домохозяйств во Вьетнаме примерно в девять раз ниже, чем в Тиморе-Лешти.

**Показатели многомерной бедности домохозяйств и бедности по уровню доходов в соответствии с национальными стандартами ряда стран ЮВА в 2021 г.**

Статистические данные (рис. 2) выявляют значительную разницу в уровнях многомерной бедности и бедности по доходам в странах ЮВА (за исключением Вьетнама). Таиланд и Филиппины – две страны, где уровень многомерной бедности ниже, чем уровень бедности по доходам. Напротив, в Лаосе, Камбодже, Мьянме и Тимор-Лешти уровень многомерной бедности значительно выше уровня бедности по доходам. Это показывает, что, несмотря на то что в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах по-прежнему отмечается высокий уровень бедности по доходам, население в этих странах испытывает меньше трудностей в отношении доступа к социальным услугам и удовлетворения своих основных потребностей в повседневной жизни. Между тем в Камбодже, Мьянме, Лаосе и особенно Тиморе-Лешти не только высокий уровень бедности по доходам, но и многие люди в этих странах сталкиваются с трудностями в отношении доступа к социальным услугам и удовлетворения своих основных потребностей в повседневной жизни.



**Рис. 2.** Показатели многомерной бедности домохозяйств и бедности по уровню доходов в соответствии с национальными стандартами ряда стран ЮВА в 2021 г. (%) *Источник:* [ОРНІ 2021; ADB 2021].

*Доля беднейших домохозяйств в ряде стран ЮВА в 2021 г.*

По доле нуждающихся домохозяйств в плане многомерной бедности в восьми странах региона Таиланд, Индонезия, Вьетнам и Филиппины являются странами с относительно низким уровнем депривации по различным показателям. В Таиланде самый низкий уровень нуждающихся домохозяйств в плане многомерной бедности (с показателем питания 0,34 %). Что касается Индонезии, Вьетнама и Филиппин, то самый высокий уровень нуждающихся домохозяйств приходится на показатели топлива для приготовления пищи. Вместе с тем Тимор-Лешти имеет высокие показатели по большинству позиций. В Тимор-Лешти по четырем из десяти показателей доля нуждающихся домохозяйств в плане многомерной бедности составляет более 30 %, а по семи показателям более чем в десять раз превышает показатели Вьетнама (табл. 2).

*Таблица 2. Доля беднейших домохозяйств по показателям в ряде стран ЮВА в 2021 г. (%)*

Показатели	Таиланд	Индонезия	Вьетнам	Филиппины	Лаос	Камбоджа	Мьянма	Тимор-Лешти
Питание	0,34	н/д	н/д	н/д	12,04	20,41	17,51	35,37
Детская смертность	0,15	1,46	0,88	1,48	1,93	1,83	2,01	3,56
Продолжительность обучения в школе	0,40	1,55	3,62	2,95	16,65	21,56	25,01	15,87
Школьная посещаемость	0,17	0,70	1,32	1,57	9,13	10,81	9,04	14,90
Топливо для приготовления пищи	0,28	2,38	4,44	5,20	22,90	36,24	37,25	46,97
Санитария	0,08	2,18	4,05	3,62	17,19	30,61	27,64	32,49
Питьевая вода	0,03	1,35	1,50	1,98	10,44	21,31	13,60	19,06
Электричество	0,03	0,77	0,45	2,53	6,07	26,22	26,64	19,55
Жилищные условия	0,10	1,31	3,08	4,43	12,02	21,80	34,95	41,86
Активы	0,11	1,71	1,16	3,47	7,12	6,62	15,73	29,70

*Источник:* [ОРНІ 2021]

Согласно статистике ОРНИ, по уровню депривации по показателям ИМБ восьми стран ЮВА в 2021 г. между этими странами наблюдаются существенные различия.

В частности, при рассмотрении уровня депривации по трём параметрам ИМБ в этих странах четыре страны – Лаос, Филиппины, Тимор-Лешти и Мьянма – имеют самый высокий уровень депривации по условиям жизни (49,23 %, 48,67 %, 47,56 % и 46,57 % соответственно); Таиланд, Вьетнам и Камбоджа заметно отстают по показателю образования, влияющему на ИМБ (45,07 %, 42,62 % и 39,67 %), в то время как расходы на здравоохранение в наименьшей степени влияют на ИМБ (рис. 3).

Таким образом, по сравнению с семью другими странами региона, Вьетнам не имеет высокого уровня многомерной бедности. Однако во Вьетнаме интенсивность депривации домохозяйств в плане многомерной бедности относительно высока. Кроме того, количество лет обучения в значительной степени влияет на ИМБ страны.

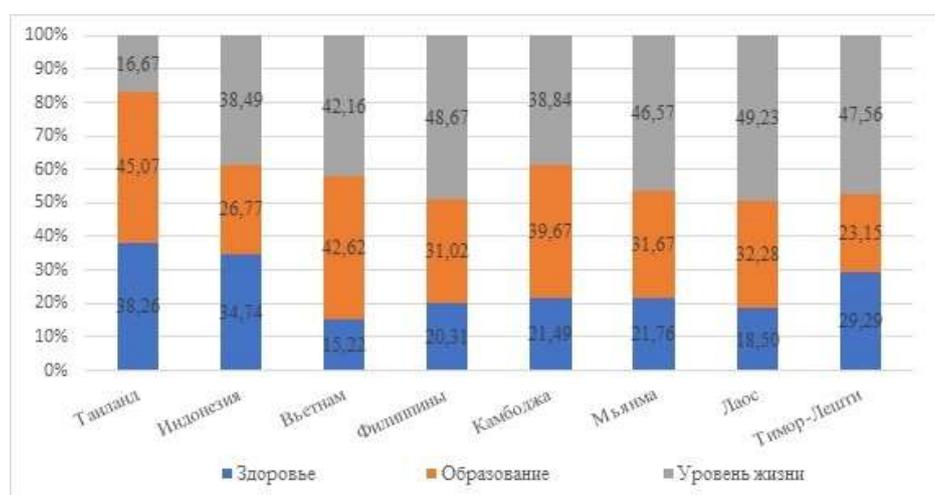


Рис. 3. Уровень депривации по показателям ИМБ в ряде стран ЮВА в 2021 г.

Источник: [ОРНИ 2021].

### Индекс человеческого развития в ряде стран ЮВА

Со времени разработки ИЧР ПРООН, особенно за последние 10 лет, национальные индексы человеческого развития большинства стран ЮВА выросли. Среди восьми рассматриваемых стран Мьянма, Камбоджа и Лаос показали наиболее впечатляющие темпы роста (ежегодно ИЧР Мьянмы увеличивался на 1,3 %; Камбоджи – на 1,1 %; Лаоса – на 1,0 %). Индексы Филиппин, Тимор-Лешти, Таиланда и Вьетнама росли медленнее (ИЧР Филиппин ежегодно увеличивался на 0,76 %, Таиланда – на 0,73 %, Вьетнама – на 0,60 %). Относительно медленный рост в этих странах объясняется тем, что они уже входят в группу стран с более высоким уровнем человеческого развития, поэтому прорыв к быстрому росту осуществить сложнее, чем у группы стран со средним уровнем человеческого развития (за исключением Тимор-Лешти).

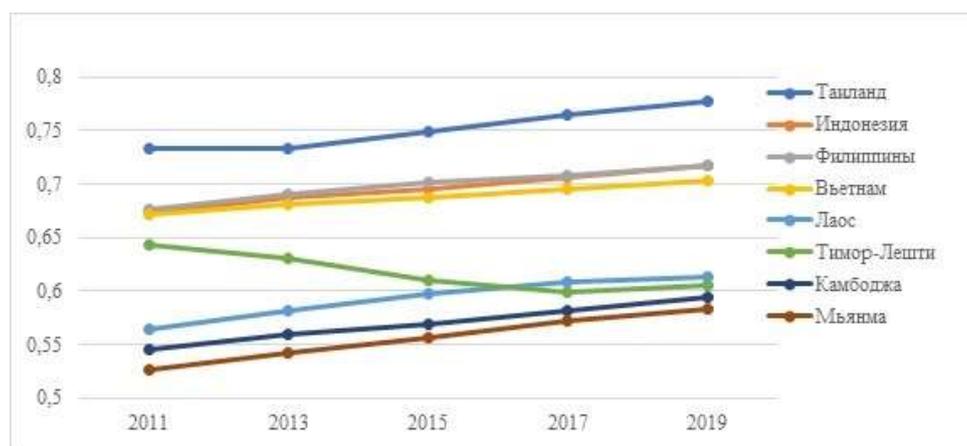


Рис. 4. Индекс человеческого развития ряда стран Юго-Восточной Азии в 2011–2019 гг.

Источник: [UNDP]

За последние 10 лет темпы роста ИЧР во Вьетнаме были ниже, чем в остальных семи странах (рис.4). Это приводит к увеличению разрыва с группой стран с более высоким индексом ИЧР, чем у Вьетнама, а именно с Таиландом, Индонезией и Филиппинами (например, по сравнению с Индонезией разрыв в 2011 г. составлял всего 0,002 пункта, тогда как к 2019 г. он составил 0,014 пункта). Напротив, разрыв со странами с более низким ИЧР – Лаосом, Тимор-Лешти, Камбоджей и Мьянмой – сократился (например, с Мьянмой разрыв сократился с 0,145 до 0,121 пункта).

Анализ компонентных показателей ИЧР Вьетнама в 2020 г., по сравнению с семью странами ЮВА (табл.3), показывает, что Вьетнам не сильно отстает от семи других стран с точки зрения ожидаемой продолжительности жизни, ожидаемой продолжительности обучения и средней продолжительности обучения. Вьетнам даже лидирует в регионе по продолжительности жизни. По сравнению с Таиландом, у которого лучший ИЧР среди семи стран ЮВА, Вьетнам имеет более высокий средний показатель продолжительности обучения (8,3 против 7,9). Это можно рассматривать как достижение Вьетнама за последние годы в улучшении средней продолжительности обучения своего населения.

Таблица 3. Индекс и субиндексы человеческого развития ряда стран ЮВА в 2019 г.

Страна	ИЧР	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (годы)	Ожидаемая продолжительность обучения (годы)	Средняя продолжительность обучения (годы)	ВНД на душу населения (по ППС), долл. США	ИЧР по странам
Таиланд	0,777	77,2	15,0	7,9	17781	79/189
Индонезия	0,718	71,7	13,6	8,2	11459	107/189
Филиппины	0,718	71,2	13,1	9,4	9778	107/189
Вьетнам	0,704	75,4	12,7	8,3	7433	117/189
Тимор-Лешти	0,606	69,5	12,6	4,8	4440	141/189
Лаос	0,613	67,9	11,0	5,3	7413	137/189

Камбоджа	0,594	69,8	11,5	5,0	4246	144/189
Мьянма	0,583	67,1	10,7	5,0	4961	147/189

Однако валовой национальный доход (ВНД) Вьетнама на душу населения остаётся низким: он в 2,4 раза ниже, чем у Таиланда, в 1,6 раза – чем у Индонезии, в 1,3 раза – чем на Филиппинах. В 2015 г. ВНД на душу населения Вьетнама составил по ППС 7433 долл., Таиланда –17781 долл., Индонезии – 11459 долл. и Филиппин – 9778 долл. ВНД на душу населения Вьетнама выше только чем в Мьянме, Тимор-Лешти и Камбодже (4961 долл., 4440 долл. и 4246 долл. соответственно). Низкий ВНД на душу населения приводит к тому, что ИЧР Вьетнама ниже, чем у других стран ЮВА, даже несмотря на то, что у Вьетнама остальные показатели более высокие. В рейтинге ИЧР за 2020 г. Вьетнам отставал от Таиланда, Индонезии и Филиппин, но опережал Тимор-Лешти, Лаос, Камбоджу и Мьянму. Вьетнам отстаёт от Таиланда на 38 позиций и опережает Мьянму (имеющую самый низкий ИЧР среди восьми стран) на 30 позиций. В будущем для улучшения ИЧР Вьетнама и его места в рейтинге ИЧР наряду с сохранением достижений по показателям параметров здоровья и образования Вьетнаму необходимо в большей степени сосредоточиться на показателе условий жизни.

По другим показателям Вьетнам достиг относительно высокого уровня, поэтому темпы роста этих показателей со временем могут замедлиться. Между тем показатели в ряде стран региона с низким в настоящее время рейтингом ИЧР могут расти быстрее, поскольку они сосредоточились на реализации политики в области здравоохранения и образования, направленной на снижение детской смертности и увеличение средней продолжительности жизни, а также средней продолжительности обучения. В ближайшие годы в Лаосе, Камбодже и Мьянме будет наблюдаться быстрый рост, поскольку за последние пять лет в этих странах происходило самое быстрое улучшение показателей человеческого развития в регионе. В 2015–2019 гг. ИЧР Лаоса в среднем ежегодно рос на 2,06 %, Камбоджи –на 2,13 % и Мьянмы – на 2,61 %. В этот же период среднегодовые темпы роста ИЧР Вьетнама составляли всего 1,21%, Таиланда –1,47 %, Филиппин –1,52 %, Индонезии –1,63 %. Между тем в Тимор-Лешти этот индекс снижался в среднем на 1,51 % в год.

### **Индекс многомерной бедности и индекс человеческого развития**

Исследования показывают, что бедность – и по доходам, и многомерная – негативно влияет на возможности людей развиваться [UNDP 2010; Madan 2012; Nguyen Dinh Tuan 2014; Dang Nguyen Anh 2015; UNDP, VASS 2015; Wang, Feng, Xia et al. 2016]. Мадан в исследовании человеческого развития и бедности в Индии, используя данные по ИМБ и ИЧР отдельных штатов, показал статистически тесную связь между ИМБ и ИЧР. То есть высокий уровень многомерной бедности приводит к низкому уровню человеческого развития и наоборот [Madan 2012]. Бедность ограничивает доступ к образованию, работе, медицинскому обслуживанию и т.д. и напрямую влияет на человеческое развитие. Это видно из анализа данных по многомерной бедности и человеческому развитию в некоторых странах ЮВА.

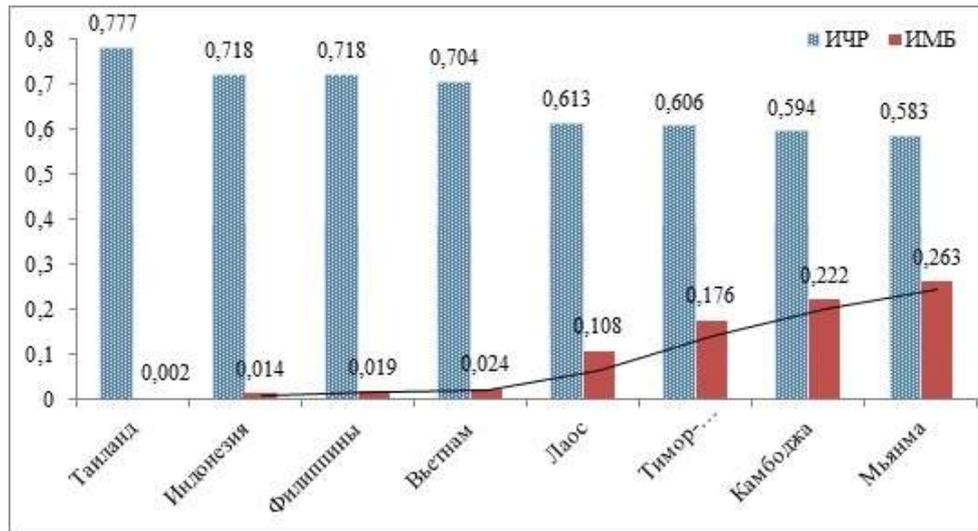


Рис. 5. ИМБ и ИЧР ряда стран Юго-Восточной Азии в 2020 г.

Источник: [UNDP 2020: 352–353; OPHI, UNDP 2021: 29–30]

Данные по ИМБ и ИЧР некоторых стран ЮВА (рис. 5) показывают, что страны с высоким ИМБ имеют низкий ИЧР и наоборот. Это означает, что при высоком уровне многомерной бедности многие домохозяйства по-прежнему сталкиваются с трудностями в доступе к социальным услугам и улучшении условий жизни. Ограничение доступа к социальным услугам, ресурсам развития и улучшению условий жизни негативно влияет на возможности человека (как умственные, так и физические) и, что более важно, влияет на человеческое развитие. Из рассматриваемых восьми стран ЮВА у Таиланда самый низкий ИМБ и самый высокий ИЧР, за ним следуют Индонезия, Филиппины и Вьетнам, которые входят в число стран с низким ИМБ и высоким ИЧР. Лаос, Тимор-Лешти, Камбоджа и Мьянма относятся к группе с высоким ИМБ и низким ИЧР.

### Заключение

Анализ данных по ИМБ и ИЧР ряда стран ЮВА показывает значительные страновые различия. Из восьми стран лучшие рейтинги как по ИМБ, так и по ИЧР имеет Таиланд. Это свидетельствует о том, что Таиланд уделяет внимание человеческому развитию и сокращению масштабов нищеты не только в плане повышения доходов, но и других, не связанных с доходами факторов. Вьетнам находится в группе стран с довольно хорошим рейтингом по этим двум показателям, но по сравнению с Таиландом Вьетнаму ещё предстоит долгий путь, чтобы сократить отставание. Результаты анализа также показывают, что страны с высоким ИМБ в основном имеют низкий ИЧР и наоборот.

В целом в последние годы уровень многомерной бедности в странах региона имеет тенденцию к снижению, а ИЧР – к росту. Однако между странами сохраняются определённые различия. Индонезия, Вьетнам, Таиланд и Филиппины – страны, где уровень многомерной бедности имеет тенденцию к быстрому снижению. В Лаосе, Камбодже и Мьянме за последние пять лет наблюдается самый высокий темп роста ИЧР среди восьми стран ЮВА.

В последние годы благодаря качественной реализации политики в области здравоохранения, образования и сокращения бедности Вьетнам добился положительных результатов в снижении уровня бедности и входит в группу стран с относительно высоким ИЧР. Однако, чтобы сохранить это достижение и эффективно реализовывать социальную

политику, Вьетнаму следует продолжать повышать доход на душу населения, поскольку этот показатель в стране относительно низок, по сравнению с другими странами региона.

### Список литературы

1. *Alkire S. & Foster J.* Counting and Multidimensional Poverty // Von Braun J. (ed.) *The Poorest and Hungry: Assessment, Analysis and Actions*. Washington D.C.: International Food Policy Research Institute, 2009.
2. *Alkire S. & Foster J.* Counting and Multidimensional Poverty Measurement // *Journal of Public Economics*. 2011. No. 95 (7–8). P. 476–487. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.11.006.
3. ADB – Asian Development Bank. Basic statistics 2021. URL: <https://www.adb.org/publications/basic-statistics-2021> (дата обращения: 19.01.2022).
4. *Atkinson A.B. & Bourguignon F.* The of Comparison of Economic Distributions Multi-Dimensioned Status // *The Review of Economic Studies*. 1982. No. 49 (2). P. 183–201.
5. *Chakravarty S.R., D'Ambrosio C.* The Measurement of Social Exclusion // *Review of Income and Wealth*. 2006, Sept. Vol. 52 (3). P. 377–398.
6. *Dang Nguyen Anh.* Multidimensional Poverty in Vietnam: Policies and Reality. 2015. URL: [https://vass.gov.vn/noidung/tintuc/Lists/KhoaHocCongNghe/View\\_Detail.aspx?ItemID=21](https://vass.gov.vn/noidung/tintuc/Lists/KhoaHocCongNghe/View_Detail.aspx?ItemID=21) (дата обращения: 20.08.2021).
7. *Dinh Quang Hai.* The Rich–Poor Polarisation in Vietnam and its Impacts on Vietnamese Society // *Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2021. No. 1. P. 79–101. DOI: 10.24411/2618-9453-2021-10004.
8. *Foster J.E. & Shorrocks A.F.* Poverty Orderings and Welfare Dominance // *Social Choice and Welfare*. 1988. No. 5 (2–3). P. 179–198. DOI: 10.1007/BF00735760.
9. *Luong Thuy Duong & Vu Quoc Huy.* Measuring Multi-Dimensional Poverty for Regions in Vietnam for the Period 2010–2014 // *Human Studies*. 2017. No. 2 (89). P. 15–30.
10. *Madan S.* Human Development and Poverty –a Perspective Across Indian States. 2012. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/20550301/e-180212q4k08.pdf/2ff5cd45-ad59-480f-88bb-b853567a88aa?version=1.0>
11. *Nguyen Dinh Tuan.* Some Factors Affect the Poor People’s Opportunity to Access Health Care Services in Our Country Today // *Journal of Sociology*. № 3 (127). 2014. P. 43–52.
12. OPHI – Oxford Poverty and Human Development Initiative. Global MPI data tables 2021. URL: <https://ophi.org.uk/multidimensional-poverty-index/data-tables-do-files/> (дата обращения: 10.01.2022).
13. OPHI and UNDP – Oxford Poverty and Human Development Initiative and United Nations Development Programme. Global Multidimensional Poverty Index 2021: Unmasking Disparities by Ethnicity, Caste and Gender. URL: [https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/UNDP\\_OPHI\\_GMPI\\_2021\\_Report\\_Unmasking.pdf](https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/UNDP_OPHI_GMPI_2021_Report_Unmasking.pdf) (дата обращения: 10.01.2022).
14. *Ray R. & Sinha K.* Multidimensional Deprivation in China, India and Vietnam: A Comparative Study on Micro Data // *Micro*. № 16 (1). 2011. P. 1–38. DOI: 10.1080/19452829.2014.897311.
15. *Sen A.* Poverty: An Ordinal Approach to Measurement // *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. 1976. P. 219–231. DOI: 10.2307/1912718.
16. UNDP – United Nations Development Programme. Human Development Data Center. URL: <http://hdr.undp.org/en/data#> (дата обращения: 10.01.2022).
17. UNDP (2010) – Human Development Report 2010. URL: [http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr\\_2010\\_en\\_complete\\_reprint.pdf](http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf)
18. UNDP (2011) – Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. URL: [https://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/271/hdr\\_2011\\_en\\_complete.pdf](https://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/271/hdr_2011_en_complete.pdf).
19. UNDP 2020 – Human Development Report 2020: The Next Frontier Human Development and the Anthropocene. 2020. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>

20. UNDP and VASS – United Nations Development Programme (UNDP) and Viet Nam Academy of Social Sciences (VASS). Growth That Works for All: Viet Nam Human Development Report 2015 on Inclusive Growth. Ha Noi: Social Sciences Publishing House, 2015.

21. Wang X., Feng H., Xia Q. *et al.* On the Relationship between Income Poverty and Multidimensional Poverty in China // OPHI working paper. 2016. No. 101. URL: [https://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/OPHIWP101\\_1.pdf](https://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/OPHIWP101_1.pdf)

## ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.54631/VS.2022.61-100179

### ВЬЕТНАМСКОЕ ОРУЖИЕ XVII В. ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ НИДЕРЛАНДОВ

В.А. Ветюков<sup>1</sup>

**Аннотация.** Статья знакомит с малоизвестной коллекцией восточного оружия голландского адмирала Корнелиса Тромпа (1629–1691), ныне принадлежащей Государственному музею Нидерландов (Амстердам), в частности с образцами холодного и огнестрельного оружия в японском стиле из Тонкина (Северный Вьетнам). Рассматривается история коллекции и проблемы ее атрибуции. В исследовании обозначены вероятные пути, которыми в XVII в. оружие из Вьетнама могло попасть в Амстердам, затронуты вопросы торговой деятельности Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии.

**Ключевые слова:** традиционное оружие Вьетнама, Рийксмузеум, Корнелис Тромп, Ост-Индская компания, оружейная стойка, пика, боевая коса, сабля, катана, лук, колчан, аркебуза.

**Для цитирования:** Ветюков В.А. Вьетнамское оружие XVII в. из собрания Государственного музея Нидерландов // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 52–62.

Дата поступления статьи: 28.09.2021

Дата поступления в переработанном виде: 22.02.2022

Принята к печати: 10.03.2022

### Введение

Традиционное старинное вооружение Вьетнама – тема, на сегодняшний день малоизученная. Приходится констатировать не только нехватку исследований, но и отсутствие сколько-нибудь значительных собраний старинного вьетнамского оружия в стране и за её пределами.

Отдельные экземпляры старинных сабель и другого оружия, действительно, встречаются в музеях Ханоя и некоторых других городов, но чаще имеют позднюю (XVIII–XX вв.) датировку. Исключением являются археологические находки. Здесь уместно вспомнить топоры и другое оружие периода бронзы, относящееся к культуре Донгшон (1 тыс. до н.э.), а также богатое собрание предметов вооружения периода Поздних Ле (1428–1789), обнаруженное в ходе раскопок на территории бывшей Военной академии в ханойском районе Зянгво и подробно описанное археологом д-ром Нгуен Тхи Зон [Nguyễn Thị Sơn 2001].

Что касается образцов, представленных в зарубежных коллекциях, то установить их вьетнамское происхождение не всегда представляется возможным в связи с обилием

---

<sup>1</sup> Ветюков Владимир Александрович, к. и. н., н. с., Институт восточных рукописей РАН (СПб). ORCID: 0000-0003-4604-7712. E-mail: vladimirvetiukov@yahoo.com

иноземных влияний. Оружие из Индокитая часто бывает атрибутировано как китайское, а в ряде случаев – японское.

В свете сказанного неподдельный интерес вызывает группа экспонатов под инвентарными номерами NG-NM-6087-A – NG-NM-6094-A-2, представленная в собрании Государственного музея Нидерландов в Амстердаме – знаменитого Рийксмузеума [Rijksmuseum: 05.10.2021] (рис. 1).



**Рис. 1.** Стойка NG-NM-6087-A. *Фото:* Rijksmuseum, Amsterdam

Это прямоугольная (200x132 см) стойка из нескольких досок дерева джати<sup>2</sup>, обрамлённая резной рамой с растительным орнаментом и фигурами фениксов. Перпендикулярно основной плоскости расположены три параллельных ряда изящно изогнутых выступов, функционально являющихся полками и крючками одновременно (по десять в каждом ряду). Каждый выступ завершается резным изображением головы фантастического животного, сжимающей в пасти жемчужину. Дерево покрыто красным лаком, а на резных частях сохранилась позолота. Вся конструкция вертикально крепится к стене. На стойке размещён набор вооружения и дополнительных аксессуаров (инвентарные номера с NG-NM-6088 по NG-NM-6099). Он включает две парные длинные пики, три боевые косы, две длинные и одну короткую сабли, два композитных лука (прилагаются колчаны с набором стрел, наручи и браслеты для лучника), а также две фитильные аркебузы (прилагаются необычного вида крышки-накладки, две патронные сумки и круглые коробки с фитилями). Экспонаты находятся в прекрасной сохранности. Клинки и наконечники начищены до блеска и не имеют следов ржавчины.

<sup>2</sup> Разновидность тикового дерева.

Согласно описанию, размещённому на сайте музея, коллекция принадлежала выдающемуся государственному деятелю Корнелису Мартенсзону Тромпу (1629–1691), адмиралу флота Республики Соединенных провинций (рис. 2).



**Рис. 2.** Адмирал Корнелис Тромп. Портрет кисти П. Лили. Национальный морской музей в Гринвиче (Лондон).

*Фото из открытых источников*

По этой причине она экспонируется в главной морской галерее, посвящённой «золотому веку» Нидерландов – эпохе могущества голландского флота. Стойка и размещённый на ней набор оружия датирован XVII в., а происхождение большинства предметов идентифицировано сотрудниками музея как северовьетнамское (Тонкин).

Биографы адмирала Тромпа установили, что на исходе 1680 г. он получил из Батавии (ныне Джакарта) посылку от своего друга детства Корнелиса Веманса, купца Ост-Индской компании [Sint Nicolaas 2014: 94–95]. Из сопроводительного письма, датированного 16 марта того же года, явствует, что посылка – ответный подарок на портрет Тромпа, который тот годом раньше послал Вемансу со своим племянником Дирком Бломом, направлявшимся на Яву, чтобы занять важный служебный пост в представительстве Ост-Индской компании. Веманс был весьма польщён подарком и первоначально хотел отблагодарить адмирала собственным портретом, работа над которым, однако, могла быть завершена лишь к концу года [Там же]. Не желая ждать столь долго, Корнелис Веманс отправил Тромпу упомянутую стойку, добавив к ней «по паре патронных сумок, пороховниц, фитильных футляров (каждый с фитилём внутри), двое “свинцовых наручей”, по два – лука, колчана со стрелами, мушкета в футлярах, два клинка с узкими лезвиями [в] лакированных [ножках] и пики с лакированными же ножнами для наконечников» [Rijksmuseum: 05.10.2021]. Последние четыре предмета, как явствует из сопроводительного письма, были завёрнуты в льняное полотно с именем получателя. К оружейному набору даритель присовокупил несколько коробок чая, о чём также сообщил в письме [Sint Nicolaas 2014: 95].

Корнелис Тромп разместил прибывший из Батавии экзотический подарок в амстердамском особняке своей супруги на канале Херенграхт, добавив к собранию шесть пистолетов европейской работы. В особняке демонстрировались и другие предметы азиатского вооружения. Экспонаты были внесены в домашнюю инвентарную книгу. В дальнейшем эта коллекция азиатского оружия передавалась по наследству представителями параллельной линии рода Тромпов, восходящей к отцу Корнелиса – адмиралу Мартину Харпертсу Тромпу (1598–1653). В 1819 г. наследники намеревались продать ее Королевскому кабинету редкостей, однако сделка не состоялась из-за нехватки средств в бюджете последнего [Там же: 92]. В 1863 и 1869 г. собрание экспонировалось владельцами на выставках в Дельфте и Амстердаме, причём в каталогах оно значилось как «подарок алжирского дея» М.Х. Тромпу, чьим гербом и была тогда украшена стойка с оружием [Там же]. В 1884 г. наследники наконец продали собрание находившемуся в стадии формирования

Рийксмузеуму, и всего год спустя оно демонстрировалось в торжественно открытой экспозиции главного музея Голландии. В начале 1960-х годов у сотрудников музея появились сомнения в том, что правитель Алжира мог быть дарителем данного оружейного собрания [Там же: 93]. Возникло предположение, что это подарок администрации Голландской Ост-Индской компании не Мартину Харпертсу, а его сыну Корнелису Тромпу, в связи с чем герб отца был удален со стойки. Более тридцати лет спустя историк Роберт Прюдом ван-дер Рейн, биограф обоих Тромпов, обнаружил то самое датированное 18 марта 1680 г. сопроводительное письмо от Корнелиса Веманса своему прославленному тезке, которое наконец пролило свет на личность дарителя экзотического оружейного собрания и место отправки подарка [Там же: 93–94]. Что касается страны происхождения стойки и размещённых на ней предметов, то на этот вопрос пока не было ясного ответа.

Экспонат под инвентарным номером NG-NM-6087-A был в 1992 г. атрибутирован сотрудниками музея как «...покрытая красным лаком стойка... европейского типа, но украшенная птицами и цветами в стиле *песисир* – космополитичном декоративном стиле, применявшемся в XVII–XVIII вв. на северном побережье Явы в первую очередь китайскими ремесленниками» [Veenendal 2014: 93]. Версию об изготовлении стойки плотниками-хакка 客家, выходцами из провинции Фуцзянь, казалось бы, подтверждал декоративный орнамент, включающий фигуры фениксов-*фэнхуанг* 鳳凰. Однако для предметов, изготовлявшихся этой ремесленной корпорацией в Батавии, характерен смешанный стиль, включающий не только собственно китайские, но и яванские, и даже голландские мотивы. Последние полностью отсутствуют в декоре экспоната номер NG-NM-6087-A.

В 2014 г. голландский исследователь Ян Винендаал предположил, что стойка происходит не с о. Явы, а из Тонкина (как в ту эпоху европейцы называли Северный Вьетнам – Дангнгоай, находившийся под фактической властью военных правителей из клана Чинь) [Там же: 93–94]. Своё предположение учёный обосновывает очевидным сходством львиных голов, украшающих изогнутые выступы-крючья, со скульптурным изображением фантастической «собаки-льва» *нге* из вьетнамской провинции Футхо, представленным в собрании Музея искусств Вьетнама в г. Ханое и датированным 1600–1800 гг.<sup>3</sup> [Там же: 94] (рис. 3).

Г-н Винендаал указывает и на характерные орнаментальные мотивы представленных в том же собрании массивных резных дверей пагоды Кео (провинция Тхайбинь), созданных в 1650–1700 гг. (рис.4), а также на резные декоративные элементы старинной деревянной архитектуры, сохраняющиеся в некоторых домах городов Хойан и Хюэ. Как предполагает исследователь, стойка NG-NM-6087-A может быть датирована тем же периодом — 1650–1679 гг. [Там же].

<sup>3</sup> Речь идет о скульптуре из общинного дома Лау Тхьонг (пров. Футхо), датированной XVII в. (по состоянию на январь 2022 г.).



**Рис. 3.** Слева – фрагмент стойки NG-NM-6087-А. Выступы, декорированные головами *нге*. Фото: Rijksmuseum, Amsterdam. В середине – статуя *нге* из общинного дома Лау Тхюнг, пров. Футхо. Справа – фрагмент статуи. Музей искусств Вьетнама, Ханой. Фото автора, январь 2022 г.

Все вышеописанные образцы отличает декоративный мотив, напоминающий облако или язык пламени с зигзагообразным основанием и прямым острым завершением. Этот элемент может являться как частью абстрактного орнамента, так и украшать экспрессивно выгравированные изображения фантастических животных: львов, драконов и фениксов. На дверных створках из пагоды Кео он многократно повторяется, образуя ряды облаков, на фоне которых резвятся попарно изображенные фантастические животные: большие и малые драконы, а также «собаки-львы» *нге* (рис. 4).

Вьетнамские авторы сравнивают этот орнамент с «лесом из облаков, стилизованных под длинные клинки и пики» (*rừng mây cách điệu hình đao mác kéo dài*) [Tinh Lê 2020], «выступающих из драконьей головы, спины, тела и локтей» (*vút ra từ đầu, lưng, thân, khuỷu chân rồng*) [Vũ Thị Hằng]. Точно таким же узором очерчены гривы львиных голов, украшающих стойку из Рийксмузеума. На настоящий момент автору не удалось найти специального искусствоведческого термина, которым обозначался бы этот орнаментальный мотив. По мнению д-ра Нгуен Тхи Зон, он может выступать и в качестве «облачной завесы» (*vân mây*), и как плавник (*vây*) или чешуя (*vẩy*) фантастического существа<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Мнение высказано в личной переписке и беседах д-ра Нгуен Тхи Зон с автором настоящей статьи (сентябрь 2021 и январь 2022).



**Рис. 4.** Створки дверей пагоды Кео, пров. Тхайбинь. Музей искусств Вьетнама, Ханой.  
*Фото автора, январь 2022 г.*

Данный элемент автору удалось обнаружить и в декоре других скульптурных изображений, представленных в собрании Музея искусств Вьетнама. В частности, это датированная началом XVII в. статуя нге из поминального храма в честь императора Ле Тхань Тонга в провинции Тханьхоа, равно как и три другие статуи «собак-львов» из общинных домов Лау Тхыонг и Хыу Бо провинции Футхо, датированные XVII–XVIII вв. Интересен также декор короны, венчающей деревянную статую государыни Чинь Тхи Нгок Чук (1595–1660) из пагоды Мат в Тханьхоа, где такую же форму имеют языки пламени, обрамляющие мандорлу с небольшим позолоченным изображением Будды Амитабха в середине (рис. 5).



**Рис. 5.** Статуя государыни Чинь Тхи Нгок Чук из пагоды Мат, пров. Тханьхоа, фрагмент. Музей искусств Вьетнама, Ханой. *Фото автора, январь 2022 г.*

Таким образом, стилистически стойка (инв. № NG-NM-6087-А) вполне вписывается в контекст вьетнамского изобразительного и декоративно-прикладного искусства XVII в. Что касается размещённых на ней предметов вооружения, то в 2010-х годах эксперты Рийскмузеума также идентифицировали их вьетнамское происхождение [Rijksmuseum: 05.10.2021].

Среди отечественных исследователей первым на данное собрание обратил внимание московский специалист по оружию Индокитая С.В. Барчевский. Доклад, прочитанный им в мае 2015 г. на конференции «Война и оружие», проходившей в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге [Барчевский 2015: 106–110],

побудил автора статьи посетить Рийксмузеум для непосредственного ознакомления с коллекцией.

Предложенная сотрудниками Государственного музея Нидерландов атрибуция предметов из коллекции адмирала Тромпа ставит перед исследовательским сообществом ряд вопросов.

1. Каким именно путём стойка с богато декорированным оружием могла попасть из Тонкина в Батавию к Корнелису Вемансу?

2. Насколько активными были торговые связи Ост-Индской компании с Дайвьетом, известны ли из источников факты приобретения вьетнамского оружия голландскими дипломатическими представителями, торговцами и моряками той эпохи?

3. Можно ли считать, что конструктивные особенности стойки из коллекции адмирала Тромпа и размещённых на ней предметов вооружения вполне подтверждают факт их вьетнамского происхождения?

4. Есть ли в музейных либо частных собраниях оружия в самом Вьетнаме или за рубежом аналогичные предметы, которые обосновывали бы данную версию?

5. Существуют ли в письменных, а также изобразительных источниках указания на то, что в феодальных княжествах, на которые делился в XVII в. Вьетнам, подобные предметы вооружения встречались и применялись?

Голландская исследовательница Эвелин Синт Николаас в статье “A Diplomatic Gift Full of Surprises” приводит несколько предположений относительно маршрута, которым коллекция могла попасть из Тонкина в Амстердам. В ответном письме Корнелиса Веманса адмиралу Тромпу упомянут сын генерал-губернатора Голландской Ост-Индской компании Рийклофа ван Гоенса Волькерт, лишившийся официального статуса батавского купца из-за того, что совершал торговые сделки тайно. Перед своим возвращением в Нидерланды в 1680 г. он мог распродать часть своей домашней коллекции на торгах, и это один из возможных путей, которым оружейная стойка из Тонкина могла попасть к Корнелису Вемансу [Sint Nicolaas 2014: 104].

Более вероятным исследовательница считает предположение, что оружейная коллекция была приобретена Вемансом у некоего Йоханнеса Бессельмана, возглавлявшего в 1677–1679 гг. торговый пост Ост-Индской компании в Тонкине, а затем перебравшегося в Батавию и открывшего там 3 марта 1680 г. собственный магазин [Sint Nicolaas 2014: 104–105]. Способный предприниматель (через год он уже стал бухгалтером в Батавском замке<sup>5</sup>, а затем был назначен директором фактории на о. Дэсима в Нагасаки, где и умер в 1684 г.), очевидно, стремился сбыть привезённые им из Тонкина разнообразные редкости. Таким образом, Веманс, спешивший отыскать достойный подарок для своего именитого друга, мог стать одним из первых покупателей в магазине экзотических товаров г-на Бессельмана [Там же].

В самом факте появления вьетнамского оружия в одной из лавок Батавии нет ничего невероятного. Голландцы впервые оказались на юге современного Вьетнама, во владениях правителей Нгуен, еще в 1601 г. [Kleinen 2008: 20]. С фактическим закрытием Японии для внешнего мира в 1630-е годы Голландская Ост-Индская компания (основана в 1602 г.) стала главным торговым посредником между Страной восходящего солнца и Вьетнамом [Там же: 20, 25]. Голландцам не удалось наладить устойчивые торговые связи с княжеством Дангчонг,

---

<sup>5</sup> Замок Батавия — форт в Джакарте, административный центр Голландской Ост-Индской компании в Азии.

где правили Нгуены. Это, однако, в определённой мере способствовало усилению контактов с северной частью страны (Дангнгоай, Тонкин), где правил враждебный Нгуенам клан Чинь [Там же: 36]. В 1637 г. Ост-Индская компания открыла там свое представительство, располагавшееся первоначально в городке Фохиен. В начале следующего десятилетия фактория переместилась непосредственно в столицу Тханглонг [Hoang Anh Tuan 2007:189]. В Тонкин голландцы привозили европейские товары, в частности огнестрельное оружие [Там же: 139–141].

При этом компания не только доставляла товары из Европы, но и выступала в роли паназиатского торгового перевозчика, став, в частности, эксклюзивным посредником между Японией и другими странами Востока. Её корабли из гавани Нагасаки направлялись прямым курсом в порты Тонкина Фохиен и легендарную Домею [Nguyen Van Kim 2008: 75–78], куда доставляли серебряные слитки, медь, шёлковые ткани, лаковые и фарфоровые изделия высокого качества [Hoang Anh Tuan 2007: 127–132, 183]. В обратном направлении голландские суда везли дешёвый шёлк-сырец и недорогую фарфоровую посуду. Эти товары попадали и на другие азиатские рынки (Гуанчжоу, Коромандельское побережье, Цейлон) [Там же: 29–30, 181–182]. В 1671 г. (всего за девять лет до того, как Корнелис Веманс отправил посылку адмиралу Тромпу) прямой морской путь, связующий Тонкин и Страну восходящего солнца, перестал функционировать [Там же: 191]. Таким образом, корабли Ост-Индской компании начали курсировать из Тонкина сначала в Батавию, а уже оттуда в Нидерланды и Японию, затем обратно с самыми разнообразными товарами на борту. В те же годы отмечены примеры полулегальной частной торговли, которую вели сотрудники голландской фактории в Тханглонге, а также доставки ими местных товаров в Батавию [Там же: 192–193].

Корреспонденция Компании также свидетельствует, что оружие, причем не только огнестрельное европейское, но и холодное японское, также было частью этого грандиозного товарооборота. Так, в датированном 1643 г. письме «Аннам Кокбуенга, короля Тонкина» (император Ле Тхань Тонг (1619–1643; 1649–1662), в международной переписке пользовавшийся титулом *Аннам куок выонг* – правитель Аннама) тогдашнему главе Компании генерал-губернатору Антонию ван Димену говорится буквально следующее: «Раньше японцы имели обыкновение приплывать сюда на своих джонках и снабжать меня всякими редкими товарами, такими, как железо, сера, медь, мечи, и многим другим, а в уплату получали шёлк. Теперь и Вы можете привозить нам эти и другие товары на тех же условиях» [Берзин 1987: 92]. Кроме того, холодное оружие выступало порой и в качестве дипломатических подарков. В этом же письме монарх сообщает: «Я дал капитану два меча с золотой инкрустацией, чтобы он поднёс их голландскому принцу в знак моего уважения. Я также подарил этому капитану меч с золотой инкрустацией, а младшему капитану — меч с серебряной инкрустацией» [Там же]. В 1652 г. в письме генерал-губернатору Карелу Рейнирзону «великий мандарин Тонкина Онг Сиади» (Чинь Чанг, военный правитель княжества Дангнгоай в 1623–1657 гг.) писал: «В знак моей благосклонности к голландцам посылаю Вам подарки: меч с золотой инкрустацией и два катти мускуса» [Там же: 93].

Интересно, что, кроме шёлка и дешёвого фарфора, в Страну восходящего солнца попадали порой и вьетнамские подражания японскому же оружию. Так, известны гарды-цуба для самурайских мечей, имеющие вьетнамское происхождение [McElhinney: 06.10.2021].

Учитывая изложенное, можно вполне допустить, что интересующая нас коллекция действительно попала сначала в Батавию, а затем в Амстердам из Тонкина. Тем не менее

остаётся вопрос, какие именно особенности конструкции и декора входящих в нее предметов доказывают их вьетнамское происхождение.

Выше были приведены наглядные образцы северовьетнамской деревянной скульптуры XVII в., имеющие очевидное декоративное сходство со стойкой из коллекции адмирала Тромпа. Что касается функциональных аналогов последней, то один предмет нам удалось обнаружить.

В ходе работы над статьей автор получил от С.В. Барчевского любопытное фото другой оружейной стойки с размещённым на ней луком и набором стрел, которая представлена в собрании Дворцового музея древностей в г. Хюэ. Она также выполнена из дерева и покрыта красным лаком с позолотой, но, в отличие от экспоната из Рийксмузеума, не крепится к стене, а стоит на подставке. Крючья расположены с обеих сторон в два ряда, образуя по три симметричные пары. Своей изогнутой формой и отделкой в виде позолоченных львиных либо драконьих голов (увы, качество фото не позволяет определить точно) они очень напоминают аналогичные детали стойки из амстердамской коллекции [Unstrung bow: 06.10.2021]. Судя по тому, что на крючьях размещён лук, а в отверстия закреплённой на подставке деревянной рамы вставлены шесть стрел, перед нами именно оружейная стойка. Последнее позволяет усомниться в утверждении г-жи Синт Николаас о том, что экспонат NG-NM-6087-A специально не предназначался для размещения оружия [Sint Nicolaas 2014: 103]. Кроме того, необходимо добавить, что амстердамский экспонат конструктивно весьма напоминает японские стойки для аркебуз и другого оружия, встречающиеся в замках эпохи феодальных войн (1467–1615)<sup>6</sup>. Они также представляют собой закреплённые на стене вертикальные стенды с параллельными рядами выступающих крючков-полок. Эти предметы, впрочем, не раскрашены и лишены какого-либо декора и позолоты (рис. 6).

Размещённые на стойке из коллекции адмирала Тромпа образцы холодного и огнестрельного вооружения, на первый взгляд, также могут показаться японскими. Легко можно подумать, что представленные предметы — это пики-*яри* 槍, «алебарды»-*нагината* 長刀, самурайские мечи-*катана* 刀 и японские же модификации западных аркебуз, известные под названием *танэгасима* 種子島. Из всех размещённых на стойке предметов «неяпонский» вид имеют лишь короткие луки, кардинально отличающиеся от асимметричных самурайских *юми* 弓, однако прилегающие к ним колчаны явно стилизованы под островной (японский) прототип и украшены имитацией фамильных гербов *монсё* 紋章.

Всё это наводит на мысли об экспорте японского оружия на азиатский материк, особенно интенсивном в эпоху феодальных войн [Sesko: 2013]. Он продолжался до закрытия страны сёгунатом Токугава (1600–1868) около 1635 г. В Китае императорская гвардия *юйлиньцзюнь* 御林軍 в эпоху Мин (1368–1643) была вооружена японскими *нагината* и большими двуручными мечами *одати* 大太刀 [Чжоу Вэй 1957: 263, илл. 82]. Некоторые образцы такого рода оружия, поднесённого в дар минским императорам японскими дипломатическими миссиями, сохранялись в дворцовых хранилищах и при следующей династии Цин (1644–1912) [Там же: 263]. Высокое качество японских клинков, которые по целому ряду параметров (качество стали, конструктивные особенности, эстетическое оформление) считались непревзойденными, приводило к появлению их многочисленных местных подражаний [Там же: 262].

<sup>6</sup> Автор лично видел такие стойки для аркебуз и копий в замке Химэдзи в феврале 2020 г.

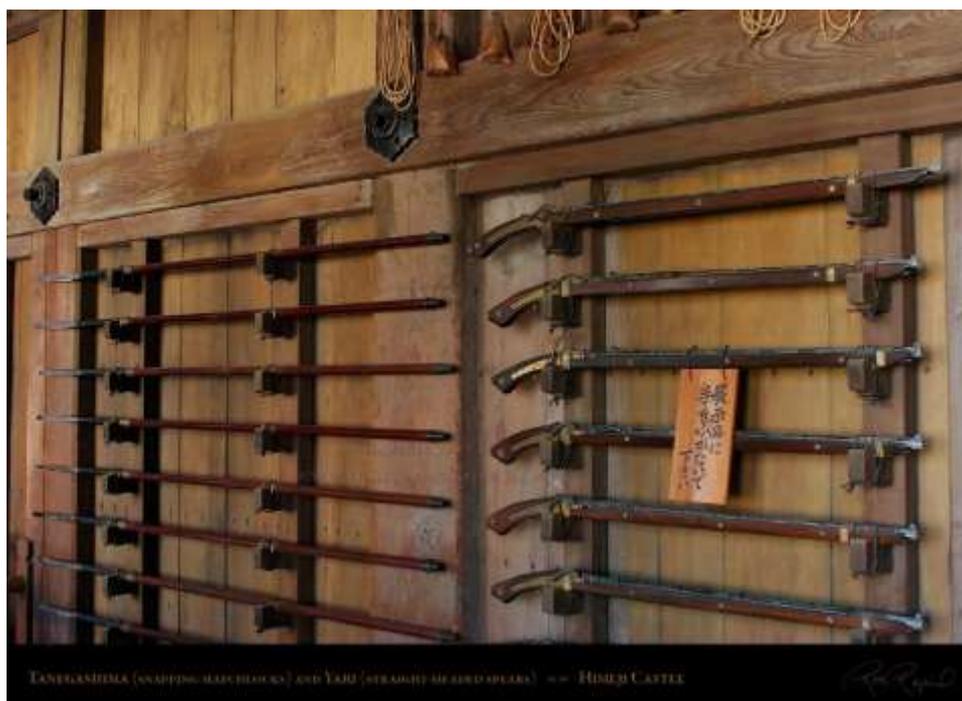


Рис. 6. Стойка для оружия. Замок Химэдзи, Япония. Фото из открытых источников

Японское холодное оружие пользовалось большой популярностью и во Вьетнаме. Знаменитый миссионер Александр де Род (1591–1660) в своей «Истории королевства Тонкин» пишет: «Японцы прибывали [в Тонкин] с большим количеством серебра, чтобы закупать здесь шёлк. Они также привозили большое количество оружия и [в частности] мечи на продажу» [Nguyen Van Kim 2008: 78]. В процитированном выше письме императора Ле Тхань Тонга генерал-губернатору Антонию ван Димену также сказано о том, что японцы доставляли в Дангнгоай в том числе и мечи. Текст документа подтверждает заинтересованность тонкинской аристократии в продолжении поставок — в письме прямо сказано, что после закрытия Страны восходящего солнца этот же товар могут привозить в Тонкин и голландцы, сохранившие свою факторию в бухте Нагасаки.

Согласно данным французских исследователей, в XVI–XVII вв. Япония была основным поставщиком холодного оружия в Дайвьет и другие государства Индокитая [Huard 1954: 117]. Экземпляры оригинального японского оружия можно видеть в экспозициях ханойских музеев (Государственный исторический музей, Музей военной истории), где также представлены и их местные подражания. Последние есть также в ряде музейных и частных коллекций за пределами Вьетнама. Как правило, они не являются точной копией японских прототипов, а имеют ряд отличий в конструкции клинка/наконечника, рукояти/древка и их монтировке, а также в декоре.

Именно такие отличия и были выявлены сотрудниками Рийксмузеума в ходе изучения «японских» предметов с оружейной стойки Корнелиса Тромпа. Для определения возможного вьетнамского происхождения этих экспонатов необходимо рассмотреть их подробнее. Детальное рассмотрение предметов вооружения из коллекции адмирала Тромпа станет предметом дальнейшего исследования.

### Список литературы

1. Барчевский С.В. Клинковое холодное оружие Вьетнама XIX – первой половины XX в. Проблемы атрибуции // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой

международной научно-практической конференции. 13–15 мая 2015 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 106–110.

2. Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII — начале XVIII в. М., 1987.
3. Чжоу Вэй. Чжунго бинци шигао [Очерки по истории китайского оружия]. Пекин, 1957. (На кит. яз.)
4. Hoang Anh Tuan. Silk for Silver. Dutch-Vietnamese Relations, 1637–1700. TANAP Monographs on the History of Asian-European Interaction. Ed. by L. Blussé, C. Viallé. Vol. 5. Leiden–Boston, 2007.
5. Huard P., Durand M. Connaissance du Viet Nam [Познание Вьетнама]. Paris; Hanoi, 1954.
6. Kleinen J. About former friends and feigned foes. Dutch relations with “Quinam” in the 17 th century // Lion and Dragon. Four centuries of Dutch-Vietnamese relations. Amsterdam: Boom Publishers, 2008. P. 17–36.
7. McElhinney J.L. Excerpts from “Nanban Tsuba and Asian Export Sword Guards”. URL: <http://www.shibuiswords.com/asianexportguards.html> (дата обращения: 06.10.2021).
8. Nguyen Van Kim. The position of Pho Hien and Domea in the Tonkin trading system in the 16th and 17th century // Lion and Dragon. Four centuries of Dutch-Vietnamese relations. Amsterdam: Boom Publishers, 2008. P. 75–86.
9. Nguyễn Thị Дон. Suru tập vũ khí thời Lê ở Ngọc Khánh (Hà Nội). Luận án Tiến sĩ lịch sử [Нгуен Тхи Дон. Собрание оружия эпохи Ле из Нгоккхань (Ханой): дис. ... д-ра ист. наук]. Hà Nội, 2001. (На вьет. яз.)
10. Rijksmuseum (NG-NM-6087-A). Cornelis Tromp’s Weapon Rack, anonymous, c. 1650 – c. 1679. URL: <http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.355194> (дата обращения: 05. 10.2021).
11. Sesko M. Japanese Sword trade with Ming. 11.01.2013. URL: <https://markussesko.com/2013/11/01/japanese-sword-trade-with-ming-china/>
12. Sint Nicolaas E. A Diplomatic Gift Full of Surprises: The weapon rack of Cornelis Tromp and other ‘exotic’ arms belonging to Tromp and Michiel de Ruyter // Richardson Th. East Meets West: Diplomatic Gifts of Arms and Armour between Europe and Asia, proceedings of the Royal Armouries conference held at H.M. Tower of London. September 14, 2013. Leeds: Royal Armouries, 2014. P. 89–111.
13. Tinh Lê. Bảo vật quốc gia: Hai cánh cửa chạm rồng 400 tuổi đẹp nhất Việt Nam [Тинь Ле. Национальное сокровище: самая красивая пара дверных створок с резными драконами во Вьетнаме]. URL: <https://vietnamnet.vn/vn/thong-tin-unesco/di-san/bao-vat-quoc-gia-hai-canh-cua-cham-rong-632502.html> (дата обращения: 29.09.2021). (На вьет. яз.)
14. Unstrung bow and arrows — Huế citadel. URL: <https://www.pinterest.com.au/pin/310115124316730481/> (дата обращения: 06.10.2021).
15. Veenendal J. Asian Art and Dutch Taste. Zwolle/den Haag, 2014.
16. Vũ Thị Hằng. 9 Bảo vật quốc gia ở Bảo tàng Mỹ thuật Việt Nam [Бу Тхи Ханг. Девять национальных сокровищ в Музее искусства Вьетнама]. URL: <http://ape.gov.vn/9-bao-vat-quoc-gia-o-bao-tang-my-thuat-viet-nam-ds2126.th> (дата обращения: 29 сентября 2021). (На вьет. яз.)

DOI: 10.54631/VS.2022.61-97146

**ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА МУЖСКОГО КУЛЬТА:  
БОГИНИ-ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЫ МЕСТНОСТИ НА ЮГЕ  
СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА**

**(по материалам полевых исследований в г. Вунгтау)**

**Е.В. Гордиенко<sup>1</sup>**

**Аннотация.** Статья посвящена описанию пантеона женских божеств храма богинь пяти стихий (Miếu Bà Ngũ Hành), расположенного в г. Вунгтау на юге Вьетнама, на основе материалов полевых исследований, проведённых автором в 2018 г. Почитаемые в храме духи отличаются разнообразием, которое отсутствует в традиционных формах культа на севере Вьетнама. Жители Вунгтау поклоняются духам, заимствованным у соседей, — чамской и кхмерской богиням, а также женским божествам, воплощающим пять первоэлементов китайской философской системы. Особенностью храма является женское служение духам, хотя обычно женщины выполняют вспомогательную функцию в церемониях в честь духов-покровителей местности, а в традиционном Вьетнаме и вовсе не допускались к алтарям. Судя по плану застройки территории общинного дома (нач. XIX в.), участие женщин в церемониях изначально предполагалось и, что важно, допускалось властями.

**Ключевые слова:** Вьетнам, Вунгтау, народные верования, духи-покровители местности, женские божества, женское богослужение.

**Для цитирования:** Гордиенко Е.В. Богини-покровительницы местности на юге современного Вьетнама (по материалам полевых исследований в г. Вунгтау) // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 63–72.

Дата поступления: 18.07.2021

Дата поступления в переработанном виде: 26.01.2022

Принята к печати: 22.02.2022

**Введение**

Среди почитаемых вьетнамцами божеств важное место занимают женские духи. Наряду с мужскими божествами они выполняют различные сакральные функции, в том числе покровительствуют местности. В статье представлено этнографическое описание одного из храмов на юге Вьетнама, посвящённого женским духам. За основу работы взяты полевые исследования, проведённые в 2018 г., и авторская интерпретация собранного материала. Исследуемый храм интересен тем, что находится в южных землях, заселённых вьетнамцами лишь в XVII в. (на территории приморского города Вунгтау). Для пантеона почитаемых здесь духов местности характерна особенность, которая не встречается в традиционных формах культа на севере Вьетнама: местные жители (и особенно жительницы) поклоняются чамской и кхмерской богиням и пяти женским божествам, воплощающим у-син – пять первоэлементов китайской философской системы. Кроме того, именно женщины проводят здесь ритуальные

---

<sup>1</sup> Гордиенко Елена Витальевна, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет. ORCID: 0000-0003-3922-7686. Email: gordylena@gmail.com

церемонии и алтарные службы. Поэтому задачей исследования стало не только описание пантеона храмовых божеств, но и анализ феномена женского служения культу духов-покровителей местности (традиционно мужской культ, где религиозные обряды выполнялись исключительно мужчинами).

При исследовании автор опирался на труды, посвящённые культуре женских духов во Вьетнаме, в том числе описаниям происхождения богинь, их роли в пантеоне, анализу соответствующих фольклорных и литературных текстов. Важнейшей обзорной работой по данной теме является труд Нго Дык Тхиня «Поклонение богиням-матерям во Вьетнаме» [Ngô Đức Thịnh 2009]. Российские вьетнамисты также занимались исследованием женских духов [Кнорозова 2000, 2020; Шарипов 2001]. В основном их труды базируются на изучении мифологии и литературного наследия Вьетнама. Вышеперечисленные работы послужили отправной точкой в интерпретации материала, собранного автором в ходе полевых исследований. Также следует отметить труды, посвящённые истории культа духов-покровителей отдельных местностей Вьетнама [Nguyễn Văn Khoan 1930; Nguyễn Vinh Phúc, Nguyễn Duy Ninh 2009; Tạ Chí Đại Trường 2014; Антощенко 1997; Новакова 2012].

Данная статья продолжает цикл работ автора, посвящённых изучению вьетнамских народных верований на основе полевых исследований и перевода сакральных текстов, в частности о духах [Гордиенко 2018, 2021].

### Храм богинь пяти стихий и его алтари

Исследуемый храм (рис. 1) расположен в городе Вунгтау на территории общинного дома квартала Тхангтам (Đình thần Thăng Tam), в центральной части города (адрес: 77 Hoàng Hoa Thám). Он именуется храмом богинь пяти стихий (Miếu Bà Ngũ Hành 廟婆五行, или Miếu Ngũ Hành 廟五行).



**Рис. 1.** Храм богинь пяти стихий на территории общинного дома Тхангтам г. Вунгтау.  
*Фото автора, март 2018 г.*

Общинный дом Тхангтам представляет собой храмовый комплекс, расположенный в жилом квартале. Все храмы на территории этого комплекса – одноэтажные здания, построенные в 1820–1830-х годах. Главный павильон – собственно общинный дом с алтарём

верховному духу-покровителю квартала – возведен в 1820 г.<sup>2</sup> К его задней стене пристроен обрядовый зал с дополнительными алтарями, установленными для почитания мифических персонажей, также покровительствующих местности. Позднее в глубине двора были построены ещё два храма: справа от главного павильона – храм духа кита со склепом для хранения костей этих священных животных (1824), слева – храм богинь пяти стихий (1832).

Главные алтари храма богинь пяти стихий посвящены женским духам (рис. 2), причём в храме почитаются сразу несколько божеств, заимствованных у соседних народов – китайцев, под чьим влиянием веками находилась страна, а также чамов и кхмеров, которых вьетнамцы потеснили на юге<sup>3</sup>. Главной причиной включения чамских и кхмерских божеств во вьетнамский пантеон было, по-видимому, представление о том, что «чужие» духи также способны вредить или покровительствовать и поэтому требуют жертвоприношений для установления добрых взаимоотношений.



Рис. 2. Главные алтари храма богинь пяти стихий на территории общинного дома Тхангтам г. Вунгтау. Фото автора, март 2018 г.

В соответствии с названием храма его центральный алтарь посвящен **пяти богиням** (năm bà Ngũ Hành), воплощающим пять основ мироздания – воду, огонь, дерево, металл и землю. Хотя в данном культе прослеживаются отсылки к китайской философии, эти богини не имеют прямых аналогов в народных верованиях Китая. Их почитание мы расцениваем скорее как осмысление вьетнамских реалий в категориях китайской культуры. Ведущий исследователь женских духов Нго Дык Тхинь считает, что влияние китайской культуры на вьетнамскую носило «патриархальный» характер (phụ quyền), в то время как вьетнамцы

<sup>2</sup> Фигура верховного духа-покровителя восходит к историческому лицу — полководцу начала XIX в. Нго Ван Хюйену (Ngô Văn Huyèn), основателю поселения Тхангтам [Гордиенко 2021].

<sup>3</sup> До XVII в. земли от Вунгтау до крайнего юга Вьетнама населяли кхмеры. На территории современного Вунгтау, в устье реки Сайгон находилось кхмерское поселение Оукап (кхм. អូកាប). С начала XVII в. вьетнамские крестьяне начали постепенно заселять земли по реке Сайгон и дельту Меконга. К концу XVII в. здесь сложилось значительное вьетнамское население, а также проживали многочисленные китайские переселенцы. Уже к концу XVII в. вьетнамцы захватили чамские земли к северу от Вунгтау и кхмерские земли по левому берегу дельты Меконга, включая территории современных городов Вунгтау и Хошимин [История Кампучии 1981: 89–93; Деопик 1994: 262–263].

издревле отождествляли силы природы с женским началом, поэтому стихии были «отождествлены» (đồng nhất) с женскими дүхами [Ngô Đức Thịnh 2009: 257]. По мнению Нго Дык Тхиня, почитание пяти богинь распространено в приморских городах, поскольку пять первоэлементов ассоциируются с разнообразием местных промыслов (не только земледелие, ремесло и торговля, но и рыболовство и соляной промысел) [Там же: 259].

Правый алтарь (рис. 2, фото справа) посвящен **богине Тхиен-и А-на** (Thiên Ý A Na), изображённой в сопровождении своих сыновей. Тхиен-и А-на ведет свое происхождение от По Нагар — наиболее влиятельной богини чамов, покровительствующей земледелию. У вьетнамцев она выступает в роли богини бурь, наводнений и подательницы дождя [Кнорозова 2020: 371–375]. Предание повествует о девушке-подростке, удочерённой пожилыми родителями, которая, повзрослев, исчезла в море во время бури, спаслась «на севере», вышла замуж за принца и родила ему двоих сыновей, но затем, оставив мужа, вернулась с детьми в родные места и, поставив храм уже умершим родителям, вознеслась феей на небо [Кнорозова 2000: 72–73, 173]. Почитание Тхиен-и А-на чрезвычайно распространено в центральном и южном Вьетнаме. В общинном доме Тхангтам, помимо алтаря в храме женских духов, ей установлен ещё один алтарь в дополнительном павильоне, пристроенном к общинному дому.

Левый алтарь (рис. 2, фото слева) посвящён местной **богине Тхюи Лонг** (bà Thủy Long), покровительнице рек, каналов, островов, почитаемой рыбаками в зоне муссонных ветров и тайфунов [Dương Hoàng Lộc 2010]. Богиня Тхюи Лонг нередко воспринимается как местное божество, «воплощающее» (hóa thân) богиню Тхиен-и А-на [Ngô Đức Thịnh 2009: 259]. Кроме того, Тхюи Лонг в описаниях посвящённого ей храма на острове Фукуок ассоциируется с кхмерской принцессой. Сюжет повествует о бегстве на Фукуок представителей свергнутой кхмерской династии, в том числе принцессы, устроившей на новых землях поля и пастбища [Phuong Trần 2021]. Поскольку почитание богини Тхюи Лонг выходит за пределы освоенных принцессой земель, мы рассматриваем её культ на Фукуоке как поклонение более древней богине – покровительнице водной стихии, локально персонифицированной в (псевдо)исторической личности, связанной с островом и почитаемой там за свои заслуги. Вопрос о том, какая именно кхмерская богиня была заимствована или оказала влияние на вьетнамский пантеон, остается открытым. Возможно, речь идет о духах местности *неак-та* (кхм. ផ្ទៃក្រុង), почитаемых кхмерами в этом приморском районе, либо о божестве более высокого порядка, например, о прародительнице кхмеров — принцессе-нагине (кхм. នាងនាគ, букв. девушке-змее)<sup>4</sup>.

Богини пяти стихий, богиня Тхиен-и А-на и богиня Тхюи Лонг, почитаемые в храме в Вунгтау, взаимосвязаны, оказывают взаимное влияние и могут выступать воплощением друг друга. По мнению Нго Дык Тхиня, это вызвано тем, что традиционные верования вьетнамцев, чамов и кхмеров обладают сходными чертами, и поэтому, «встречаясь» (gặp gỡ nhau) на одной территории, эти культуры неизбежно «смешиваются» (pha trộn) [Ngô Đức Thịnh 2009: 286]. И всё же, на наш взгляд, здесь смешения не произошло: у создателей храма и его алтарей в Вунгтау возникла необходимость диверсифицировать женское божество и изобразить его в виде персонажей, восходящих к традициям различных народов и обладающих

<sup>4</sup> В мифе об основании первой династии древнего кхмерского государства повествуется о брачном союзе индийского принца с кхмерской принцессой нагов (кхм. ព្រះនាងនាងនាគ). Автор благодарит И.Н. Шмелёву за подсказанную идею.

отличающимися функциями. Речь в данном случае идет об интеграции заимствованных божеств во вьетнамский пантеон. По словам вьетнамского автора из г. Вунгтау Фам Тхи Тхана, «жители провинции Бариа-Вунгтау не склонны отвергать культуру соседних народов, в частности, китайскую культуру. Напротив, они всегда открыто выбирают самое ценное, основополагающее, чтобы обогатить сокровищницу древних культурных ценностей вьетнамского народа» [Phạm Chí Thân 2008: 936].

### Женские божества в роли духов-покровителей местности

Культ духов-покровителей местности (thành hoàng 城隍) сформировался во Вьетнаме в XV в. в процессе оформления неоконфуцианской государственной идеологии. Сотни духов местности, издревле почитавшихся в рамках вернакулярной религии<sup>5</sup>, были поставлены на службу государству: их алтари устанавливались в общинных домах (đình) – местах собраний и принятия важнейших решений деревенской общины. Кроме того, придворной канцелярией утверждался пантеон и в XV–XVIII вв. составлялись и редактировались нормативные жизнеописания духов на классическом китайском языке (thần tích 神蹟) [Nguyễn Vinh Phúc, Nguyễn Duy Hình 2009: 74–97]. Духи-покровители утверждались двором с помощью специальных указов (sắc phong 敕封, тж. sắc phong thần 敕封神, thần sắc 神敕), издававшихся вплоть до 1924 г. [Đặng Chí Huyền 1987: 34–63; Новакова 2012: 84–85].

Среди духов-покровителей могли быть как мифические, так и исторические (псевдоисторические) персонажи [Антощенко 1997]. Наиболее приоритетными для властей были основатели той или иной местности (зачинатели ремесла той или иной местности), а также духи воинов, имевших заслуги перед страной. Последним часто присваивался статус главного (верховного) духа-покровителя, а остальным доставались второстепенные алтари, или они вовсе вытеснялись из общинного дома [Nguyễn Minh Tường 2013: 99]. Среди всех этих категорий обнаруживаются женские божества, оказавшиеся среди «государственных» духов в силу их традиционного почитания в рамках вернакулярной религии.

В Вунгтау общинный дом был построен в начале XIX в., когда придворные тексты о духах уже не составлялись, но императорский двор все еще утверждал их пантеон, издавая соответствующие указы. Главным духом-покровителем поселения Тхангтам стал его основатель – полководец, а «вспомогательные» духи (в том числе богиня Тхиен-и А-на) получили алтари в пристроенном павильоне. Позднее на территории общинного дома появились дополнительные храмы, что, по-видимому, стало шагом властей навстречу вернакулярным культам, издавна распространённым в этой местности, – культу женских духов и культу духа кита. Эти духи, оказавшись на территории общинного дома, получили признание двора, издавшего указы, которые объявляли их также покровителями местности [Phạm Chí Thân 2008]. Некоторые из этих указов автору удалось увидеть во время праздника в честь главного духа-покровителя в апреле 2018 г. (рис. 3).

<sup>5</sup> Под вернакулярной религией (англ. vernacular religion, от лат. vernaculus – туземный, местный) здесь понимаются повседневные локальные религиозные практики.



**Рис. 3.** Демонстрация императорского указа о женских духах (сер. XIX в.) после церемонии в общинном доме Тхангтам г. Вунгтау. *Фото автора, апрель 2018 г.*

Главной особенностью почитания женских духов в качестве официально признанных покровителей местности является проведение обрядовых ритуалов женщинами, хотя традиционно во Вьетнаме «коммуникацию» с потусторонним миром осуществляли только мужчины, обладавшие к тому же управленческими полномочиями в той или иной общине<sup>6</sup>. Праздник в храме богинь пяти стихий проходит один раз в год в течение трех дней с 16-го по 18-й день десятого лунного месяца (в ноябре по григорианскому календарю) (рис. 4). Поклонение богиням состоит в подношении им ритуальной пищи и цветов, зажжении и установке на алтарях благовоний, молитвенных обращениях к духам с поклонами – все эти ритуалы выполняют женщины. Церемонии сопровождаются ударами в барабаны и гонг, а также традиционной музыкой (в исполнении мужчин).

По нашим наблюдениям, активность женщин в религиозной сфере, в частности, в отправлении мужских обрядовых практик в рамках культа духов-покровителей общин, в настоящее время стала повсеместно распространённым явлением во Вьетнаме. Как пишет ханойский культуролог Фам Лан Оань, «наиболее примечательным сегодня является участие женщин в ритуалах. Во многих деревнях при организации праздников появились символические жертвоприношения с участием женщин. Такого явления не было на деревенских праздниках на Севере до 1945 г.» [Фам Лань Оань 2020: 111]<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> Отметим, что в колониальные времена (1862–1954) под влиянием западной культуры и с утратой фактической власти императорского двора и поддержки им буддизма, в народных религиозных культах распространились женские богослужения [Tạ Chí Đại Trường 2014: 307]. В то же время в общинном доме, даже в условиях кризиса традиционной культуры, ритуальные обряды оставались прерогативой мужчин.

<sup>7</sup> Активность женщин в религиозных практиках имеет во Вьетнаме свою историю. Американский антрополог Ш.К. Маларни пишет, что еще в 1990-е годы, когда началось постепенное оживление религиозной жизни, именно женщинам принадлежала инициатива восстановления религиозных церемоний в общинных домах (мужчины же не решались возобновить почитание духов перед алтарями, разрушенными ими же несколько десятилетий назад) [Malarney 2002: 189–207].



**Рис. 4.** Праздничная церемония перед алтарями храма богинь пяти стихий на территории общинного дома Тхангтам г. Вунгтау. Фото автора, ноябрь 2018 г.

### Пространственные характеристики культа

Для уточнения особенностей женского служения в храме богинь пяти стихий обратимся к пространственным характеристикам храма. Этот прием антропологов оказывается результативным особенно в тех случаях, когда те или иные религиозные практики носителями культуры не артикулируются (или не осознаются как значимые) [Гордиенко 2020]. Рассмотрим план расположения храмов на территории общинного дома Тхангтам г. Вунгтау (рис. 5а) и сравним его с классическим общинным домом колониальных времен [Nguyễn Văn Khoan 1930:114] (рис. 5б).



**Рис. 5а.** Здания типичного общинного дома на севере Вьетнама (схема).  
Источник: [Nguyễn Văn Khoan 1930:114]



**Рис. 5б.** Здания на территории общинного дома р-на Тхангтам г. Вунгтау. Схема автора

Классический вариант общинного дома (рис. 5а) предполагает перемещение по территории от профанного пространства к сакральному: на входе мы видим вспомогательные помещения, а в глубине двора – собственно общинный дом с алтарями. В общинном доме Тхангтам в г. Вунгтау этот принцип нарушен (рис. 5б). Оказываясь на территории, мы сразу видим главный павильон общинного дома с алтарём верховного духа-покровителя, а уже за ним находятся хозяйственные пристройки и дополнительные храмы. Если расположенный справа храм духа кита является местом поклонения рыбаков, то храм богинь пяти стихий, построенный слева за главным павильоном, можно охарактеризовать как место поклонения жен рыбаков. Как видим, дополнительные храмы носят гендерный характер. При этом от входа на территорию открывается вид на главный павильон и на храм кита, тогда как женский храм «спрятан» за павильонами и пристройками. Вероятно, участие женщин в церемониях в общинном доме (в целом недопустимое) в данном храме предполагалось изначально, но не демонстрировалось широкой аудитории.

Почему же местные власти уже в начале XIX в. пошли на нарушение табу и допустили участие женщин в ритуальных церемониях на территории общинного дома, пусть и в скрытом от взора небольшом храме? Во-первых, приморская деревенская община находилась вдали от столицы, на новых землях, где центральная власть в повседневной жизни была менее ощутимой, чем в районах, издавна заселённых вьетнамцами. Во-вторых, причина лояльности местных властей заключалась в особом статусе женщины в приморских районах, поскольку морское рыболовство относится к крайне рискованному виду хозяйственной деятельности, и смертность рыбаков в море из-за частых штормов до настоящего времени остается высокой. Как следствие, возрастает роль жен рыбаков в локальных религиозных практиках.

### **Заключение**

Исследование данной темы позволило выявить некоторые особенности, характерные для вьетнамских народных верований. Это, прежде всего, её способность перенимать и интегрировать инородные элементы, «вьетнамизируя», превращая их в органичную часть собственной системы верований и культов через переосмысление заимствованного материала и насыщение его содержанием, характерным именно для вьетнамской культуры. Благодаря глубинному остаточному влиянию чамских и кхмерских традиций, женские божества сохранили свой сакральный статус во вьетнамском пантеоне и значение в религиозных практиках вьетнамцев в процессе расселения последних на новых территориях в XVII–XVIII вв. Как видим, значение женских божеств актуализировалось в приморской зоне рискованного рыбацкого промысла, благодаря чему активность женщин в религиозной сфере оказалась востребованной во время общинных церемоний и праздников.

Однако наиболее значимым феноменом, по нашему мнению, является лояльность властей и гибкость их политики в отношении пантеона местных божеств и участия женщин в религиозных обрядах, несмотря на всю жёсткость контроля над культом духов-покровителей деревенских общин. Поскольку общинный дом Тхангтам в Вунгтау был построен значительно позднее эпохи формирования государственного культа духов-покровителей местности, его не коснулись реформы по унификации культов и утверждению пантеона местных духов. Расположение Вунгтау в новых землях вдали от столицы сообщило культу женских божеств на юге его особую гибкость и, судя по плану застройки общинного дома и его храмов, дало возможность женщинам проводить религиозные обряды на мужской территории – в

общинном доме. Следовательно, придворная канцелярия не только признала здесь женских духов покровителями местности (с помощью специальных указов), но и допустила женское служение в храме женских божеств. Так, на примере храма богинь пяти стихий мы видим, что издавна существовавшие в данной местности народные религиозные верования еще в начале XIX в. трансформировались в государственный культ духов, веками оставшийся прерогативой мужчин – представителей местной элиты как опоры центральной власти.

В 1945 г. с падением последней императорской династии государственный культ духов перестал существовать, и общинные дома утратили свое значение<sup>8</sup>. С 1986 г. церемонии постепенно стали возобновляться в общинных домах уже в контексте культа, поощряемого государством в качестве значимой части вьетнамской национальной идентичности и культуры. В то же время в общинных домах стало возможным участие женщин в ритуалах, что можно рассматривать как проявление более масштабного явления – общей тенденции расширения роли женщин в обрядовых практиках различных религиозных традиций мира. В настоящее время женские богослужения встречаются во Вьетнаме повсеместно, поэтому женское почитание богинь в г. Вунгтау всё органичнее вписывается в современную систему обрядовых практик и культов вьетнамской народной религии.

### Список литературы

1. Антощенко В.И. Тхань хоанги – почитаемые общинные духи как одна из сакральных опор верховной власти во Вьетнаме: доклад // III российско-французский научный симпозиум «Государственная идеология и традиционные религии Юго-Восточной Азии». 8 окт. 1997 г. Москва. (Не опубликовано)
2. Гордиенко Е.В. Повествования о вьетнамских духах-хранителях общин (тхантыть) как исторический источник: проблемы интерпретации // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 14: Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Т. II. М.: ИВ РАН, 2018. С. 94–108.
3. Гордиенко Е.В. От воссоздания традиций к практикам эпохи модерна: религиозный бум в постсекулярном Вьетнаме глазами антропологов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (4). С. 373–385.
4. Гордиенко Е.В. Деревенские духи в городе: вьетнамский культ духов-покровителей деревенских общин в условиях современного города (по материалам полевых исследований в г. Вунгтау, Вьетнам) // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 148–160.
5. Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1994.
6. Михеев Ю.Я., Дементьев Ю.П., Кожевников В.А. История Кампучии. Краткий очерк. М.: Наука, 1981.
7. Мифы и предания Вьетнама / пер. с вьет. и ханваня, коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
8. Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, 2020.
9. Новакова О.В. Крест и Дракон: у истоков вьетнамской католической церкви (XVI–XVII века) / отв. ред. П.Ю. Цветов. М.: Ключ-С, 2012.
10. Фам Лан Оань. Изменение вьетнамских народных верований в контексте глобализации // Известия Восточного института. 2020. № 4 (48). С. 101–117.

<sup>8</sup> Забвение и разрушение общинных домов коснулось и южных провинций Вьетнама [Tạ Chí Đại Trường 2014: 373–374], хотя политика компартии с 1976 г. не имела антирелигиозной направленности, а позднее стала вообще поддерживать конфессиональную деятельность.

11. Шарипов А.Ш. Женские божества и особенности мифологической символики (по материалам вьетнамской мифологии) // Религиоведение. 2001. № 2. С. 45–55.
12. Di sản Hán Nôm / Viện nghiên cứu Hán Nôm [Электронный каталог текстов Института иероглифики Вьетнама]. URL: <http://www.hannom.org.vn/default.asp?CatID=131> (дата обращения: 01.07.2021). (На вьетн. яз.)
13. Dương Hoàng Lộc. Tín ngưỡng thờ Bà Thủy của cộng đồng ngư dân An Thủy (Huyện Ba Tri – Tỉnh Bến Tre) [Зыонг Хоанг Лок. Почитание богини Ба Тхюи рыбаками деревенской общины Антхюи (уезд Бачи провинции Бенче)] // Nguồn sáng Dân gian, 2/2010. URL: [http://www.khoavanhoc-ngonngu.edu.vn/home/index.php?option=com\\_content&view=article&id=1350:tin-ngung-th-ba-thuy-ca-cng-ng-ng-dan-anthuy-huyn-ba-tri-tnh-bn-tre&catid=97:vn-hoa-dan-gian&Itemid=155](http://www.khoavanhoc-ngonngu.edu.vn/home/index.php?option=com_content&view=article&id=1350:tin-ngung-th-ba-thuy-ca-cng-ng-ng-dan-anthuy-huyn-ba-tri-tnh-bn-tre&catid=97:vn-hoa-dan-gian&Itemid=155) (дата обращения: 01.07.2021). (На вьетн. яз.)
14. Đặng Chí Huyềп. Những loại văn bản chữ Hán thường dùng trong đời sống xã hội Việt Nam thời phong kiến [Данг Чи Хюйен. Виды иероглифических текстов, использовавшихся в жизни вьетнамского общества в феодальный период]. Cơ sở ngữ văn Hán Nôm. Tập 4. Phần I. Hanoi, 1987. (На вьетн. яз.)
15. Malarney S.K. Culture, Ritual, and Revolution in Vietnam. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002.
16. Ngô Đức Thịnh. Đạo Mẫu Việt Nam [Нго Дык Тхинь. Поклонение богиням-матерям во Вьетнаме]. Tập 1. Hà Nội, Nxb. Tôn giáo, 2009. (На вьетн. яз.)
17. Nguyễn Minh Tường. Tín ngưỡng thờ thần Thành hoàng trong các làng xã Việt Nam [Нгуен Минь Тьонг. Поклонение духам-покровителям в деревнях и общинах Вьетнама] // Khoa học xã hội Việt Nam. 2013. № 10 (71). Tr. 96–104. (На вьетн. яз.)
18. Nguyễn Văn Khoaп. Essai sur le Đình et le culte du génie tutélaire des villages au Tonkin [Нгуен Ван Кохан. Очерк об общинном доме и культе духа-покровителя деревень в Тонкине] // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. 1930. T. 30. P. 107–139. (На вьетн. яз.)
19. Nguyễn Vinh Phúc, Nguyễn Duy Hinh. Các Thành hoàng và tín ngưỡng Thăng Long – Hà Nội [Нгуен Винь Фук, Нгуен Зуи Хинь. Духи-покровители и верования Тханглонга – Ханоя]. Hanoi, 2009. (На вьетн. яз.)
20. Phạm Chí Thân. Chữ Hán-Nôm, góc nhìn quản lý bảo tồn di sản văn hóa Bà Rịa – Vũng Tàu [Фам Чи Тхан. Иероглифика в памятниках культуры провинции Бариа – Вунгтау] // Thông báo Hán Nôm học, 2008. Tr. 926–938. (На вьетн. яз.)
21. Phương Trần. Lễ hội Thủy Long Thánh Mẫu – lễ hội bày tỏ lòng biết ơn vị thần có công khai phá đảo Phú Quốc [Фьонг Чан. Праздник в честь богини Тхюи Лонг – праздник выражения благодарности духу, почитаемому за освоение острова Фукуок]. URL: <https://mia.vn/cam-nang-du-lich/le-hoi-thuy-long-thanh-mau-le-hoi-bay-to-long-biet-on-vi-than-co-cong-khai-pha-dao-phu-quoc-88> (дата обращения: 01.07.2021). (На вьетн. яз.)
22. Tạ Chí Đại Trùng. Thần, người và đất Việt [Та Чи Дай Чьонг. Духи, люди и земля Вьетнама]. Hà Nội, 2014. (На вьетн. яз.)
23. Trần Trọng Dương. Tín ngưỡng Bà Thủy Long: Phúc thể liên văn hóa [Чан Чонг Зыонг. Почитание богини Тхюи Лонг: межкультурный комплекс] // Khoa học công nghệ Việt Nam. № 17(6). 6.2017. Tr. 60–64. (На вьетн. яз.)

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105389

## ПЕРВЫЕ ШАГИ АВАНГАРДНОГО ИСКУССТВА В ХАНОЕ 1990-х И РЕФОРМЫ ДОЙ МОЙ

Йола Ленци<sup>1</sup>

**Аннотация.** Социальные последствия вьетнамских экономических реформ *Дой мой* (Обновление), объявленных в 1986 г., детально изучены. Однако этого нельзя сказать о влиянии изменений, вызванных этими реформами, на художественную жизнь 1990-х годов. В данной работе предпринята попытка показать первые шаги вьетнамского авангарда, порвавшего с господствующим в стране художественным направлением. Задача статьи с помощью художественного и источниковедческого анализа выявить влияние на развитие искусства экономической и социальной жизни Ханоя 1990-х, а также проследить параллели с современным искусством Юго-Восточной Азии. Вьетнамский авангард открыл новый вектор развития искусства в стране, который, будучи абсолютно самобытным художественным явлением, обогатил искусство XX в.

**Ключевые слова:** Вьетнам, глобализация, искусство Вьетнама, искусство Юго-Восточной Азии, авангард, реформы *Дой мой*, урбанизация.

**Для цитирования:** Ленци Й. Первые шаги авангардного искусства в Ханое 1990-х и реформы *Дой мой* // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 73–85.

Дата поступления статьи: 22.07.2021

Дата поступления в переработанном виде: 19.02.20

Принята к печати: 04.03.2022

### Введение

На VI съезде Коммунистической партии Вьетнама в 1986 г. было объявлено о начале реформ *Дой мой* (Đổi Mới, Обновление), призванных преобразовать плановую экономику страны в рыночную с сохранением достижений социалистической системы [Beresford 2006]. К 1995 г., после снятия торгового эмбарго США и вступления Вьетнама в АСЕАН, в стране появились импортные товары, стал развиваться частный бизнес. Историки искусства сходятся в том, что экономическая открытость изменила художественное пространство Ханоя, распахнувшего двери для международного капитала [Taylor 2009: 133; Huynh-Beattie 2006: 277]. А что же само искусство? Одни исследователи отмечают только умеренную эволюцию живописи 1990-х [Nguyễn Quân 2008: 11–12; Taylor 2012; Bùi Thị Thanh Mai 2014], другие – продолжающийся застой в искусстве, объясняя его контролем со стороны государства и отсутствием иностранных образцов [Huynh-Beattie 2006: 275; Taylor & Corey 2019: 25]. Но требуется ли стремлению к новаторству политическая свобода? Должны ли художники, изобретая новые формы, полагаться на иноземные образцы? Разве

---

<sup>1</sup> Ленци Йола, канд. искусствоведения, преподаватель, Наньянский технологический университет, Сингапур, Школа гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-0953-010X. E-mail: iolalenzi7@gmail.com; iola.lenzi@ntu.edu.sg

что некоторые, но приверженцы генеральной линии редко становятся во главе перемен. Пока главные живописные течения умеренно эволюционировали, в художественной жизни Ханоя 1990-х вдруг возникло множество эстетически и концептуально оригинальных и современных произведений искусства, достойных быть представленными на выставках современного искусства в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе [Lenzi 2020: 2].

На основе новейших исследований в статье представлен анализ первых шагов авангардного искусства в Ханое 1990-х, прежде не привлекавших внимания учёных, и предпринята попытка ответить, что повлияло на его появление в отсутствие иностранных примеров, как оно пробивалось во времена, не ведавшие Интернета, существуя на обочине художественного мейнстрима. Начиная с хозяйственных изменений на местах, происшедших во вьетнамской деревне в 1980-е годы [Kerkvliet 2005], экономическое развитие, подстегнутое реформой *Дой мой*, привело к стремительным переменам: из нищей страны Вьетнам превратился в страну с доходом около среднего уровня [Thoburn 2009: 1–2]. Резкий подъем содействовал не только росту благосостояния, но и вызвал изменение социальной городской сферы [Beresford 2006: 204–208] – в статье показана связь нового искусства с этими переменами. Тема вьетнамских новаций 1990-х широко освещается в различных научных трудах: эти исследования помогают понять, как художники, воспользовавшись образами и парадигмами *Дой мой*, пришли к неофициальному, выходящему за институциональные рамки искусству. Это авангардное творчество аналогично тому, что происходит в художественной жизни Таиланда, Индонезии и Сингапура, вписываясь таким образом в историю современного искусства Юго-Восточной Азии. Поскольку вьетнамское современное искусство возникло вне связи с какими-либо зарубежными примерами, его появление объясняют в том числе способностью народов ЮВА к эндогенному художественному новаторству. В статье содержится обращение к художественным традициям Вьетнама, дается характеристика современного искусства, а также прослеживаются его истоки и их связь с *Дой мой*, – все, что позволяет вписать вьетнамский авангард в историю искусства ЮВА.

### Импульс начала 1990-х

После 1956 г. художники Демократической Республики Вьетнам (Северного Вьетнама) писали образы крестьян и рабочих, следуя канонам соцреализма. Импрессионизм и абстракционизм, напомиравшие о французском колониальном правлении, стали табу. Реформы *Дой мой* в какой-то степени ослабили контроль в сфере культуры, особенно после краха коммунизма в Европе и событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. [Abuza 2001: 17–18]. Уже к концу 1980-х ханойские художники-реформаторы Нгуен Куан (р. 1948) и Данг Тхи Кхюэ (р. 1946) выступали за отступление от канонов соцреализма в живописи. В 1984 г. Буй Суан Фай (1920–1988) выставил свои ханойские пейзажи, явно не отвечающие идеям соцреализма, которые он никогда не признавал<sup>2</sup>. Как в деревне, так и в культурной жизни стремление к переменам было вызвано индивидуальной активностью, шедшей из низов [Kerkvliet 2005: 240], что обуславливало и насущную необходимость проведения реформ. Обновление вьетнамского искусства, таким образом, выглядело органичным. Но это было не новаторство, а скорее, возвращение к вьетнамской

<sup>2</sup> Выставка живописи Буй Суан Фая проходила в Ханое с 22.12.1984 г. по 22.01.1985 г.

живописи XX в. в стиле модерн. Это старомодное, но технически виртуозное и изысканное направление живописи поддерживали иностранные дилеры [Huynh-Beattie 2006: 275]. Важно отметить, что оно, будучи востребованным на международном рынке, пользовалось и официальной поддержкой, о чём свидетельствуют изданные во Вьетнаме альбомы. Один из них дает понять, что эти анахроничные абстракции и пейзажи воспринимались как вполне «реформистские» и отвечавшие мейнстриму 1990-х.

Тем не менее отдельные художники, отрицавшие прежний мейнстрим, восприняли сопровождавшийся противоречиями процесс *Дой мой* как содержание нового искусства, сделав социальные перемены материалом для творчества, подобно своим единоверцам из других стран Юго-Восточной Азии. Авангардистами-первопроходцами были Ву Зан Тан (1946–2009), рисовавший мультики для государственных студий и живший в годы перестройки (1987–1990) в СССР, где его работы выставлялись официально<sup>3</sup>, а также молодые студенты Ханойской высшей школы изобразительных искусств Чыонг Тан (р. 1963), Нгуен Ван Кыонг (р. 1972), Нгуен Куанг Хюи (р. 1971) и Нгуен Минь Тхань (р. 1971)<sup>4</sup>. Относясь к разным поколениям, отличаясь уровнем образования и социального положения, но будучи одинаково независимыми, они собирались в «Салоне Наташа», который Ву Зан Тан с женой открыли в 1990 г. по возвращении в Ханой [Asia Art Archive 10.05.2021]. Это также была первая во Вьетнаме частная галерея. К 1995 г. «Салон Наташа» превратился в магнит, притягивавший художников-авангардистов, которые обсуждали там невидимые внутренние следствия реформ и пытались через образы и парадигмы нового Ханоя найти свежие визуально-концептуальные средства для выражения сложности момента.

### Новые времена — новое искусство

Исторические перемены повлияли на превращение вьетнамского модерна в разновидность современного искусства.

#### *Определение современного искусства*

«Современное искусство» не как период, а как глобальное направление контекстуально означает современный передовой художественный опыт, который переходит от принципа «искусство для искусства» к многополярному миру [Smith 2011: 82]. Современное искусство ЮВА мультимедийно, подчинено содержанию и связано с социальными вопросами [Clark 1998: 290–291; Turner 2005; Lenzi 2011], порой оппозиционно [Lenzi 2014]. Мои трансрегиональные исследования выявили существующие в ЮВА формально-концептуальные методы, связанные с локальным контекстом и обращённые к социально-политической действительности. Несмотря на национальные особенности, анализ художественных произведений показывает общность стратегий, присущих всему региону начиная с 1970 г. Это служит доказательством того, что в ЮВА искусство модерна переходит в разряд современного по мере интеграции эстетики в концептуальные формы, призванные критически отражать действительность [Lenzi 2014]. К основным характеристикам искусства ЮВА, осваивающего коллективную реальность

<sup>3</sup> Например, в Доме советско-вьетнамской дружбы, культурном центре, кинотеатре (Москва, 1988); в Пензенской картинной галерее (1990).

<sup>4</sup> Также нонконформистами были Динь Тхи Тхам Поонг, Ле Хонг Тхай и др.

после 1970-х, можно отнести повествовательный принцип, концептуальную форму точных метафорических сопоставлений, эстетическую привлекательность, обращение к известным (местным) материалам, средствам и иконографии; использование публичного пространства. Ханойский художественный авангард имеет общие черты с современным искусством ЮВА, каким оно предстает в исследованиях, начиная с 1990-х годов. Таким образом, он неотъемлемая часть дискурса о современном искусстве ЮВА, в котором эстетика наделена критической функцией, привлекая внимание аудитории к современному состоянию общества.

В Ханое переход к современному искусству был связан с городскими изменениями в результате *Дой мой*. Анализ произведений показывает, как, в отличие от мейнстримовой живописи, авангардное искусство использовало знакомые (или местные) материалы и особенности, чтобы привлечь внимание аудитории к сложным вопросам современности, меняя их восприятие и вовлекая зрителей в актуальный диалог.

#### *Новое в концептуальных методах*

В начале XX в. вьетнамская живопись развивалась в стиле модерн, вьетнамско-французский гибрид, сплавивший техники и жанры европейской живописи маслом на полотне с вьетнамской эстетикой. Вьетнамцы увидели возможности этой формы живописи, особенно когда к ней обратились известные художники, своим новым искусством превосходившие ремесленников, механически копировавших картины. К 1990-м годам живопись модерна, которой традиционно обучали и занимались во Вьетнаме, делала попытки обратиться к сложным аспектам *Дой мой*. Некоторые искусствоведы [Taylor 2012; Vũ Thị Thanh Mai 2014] предполагают, что этот процесс обрёл новое дыхание в самом начале 2000-х, как только вьетнамские художники смогли познакомиться с современными зарубежными течениями, когда страна полностью открылась и подключилась к цифровой связи. В этом убеждены почти все исследователи. Однако несмотря на полузакрытое положение Ханоя, художественное новаторство возникло уже в 1990-е, о чём свидетельствует присутствие картин, созданных в эти годы, на выставках современной живописи, организуемых по всему миру. Это наводит на мысль, что художники, первыми выступившие с новыми формами живописи, каждый по-своему реагировали на меняющиеся обстоятельства, независимо от иностранных веяний<sup>5</sup>. Ву Зан Тан, Чьонг Тан,

<sup>5</sup> До открытия Вьетнама в 1990-е годы некоторые ханойские художники получили образование в восточноевропейских странах, где они приобретали знания о современном искусстве, а иногда и о современных стилях живописи. Например, Фунг Куок Чи (1957 г.р.), который учился в московском Суриковском училище в 1980–1986 гг.; Нгуен Куан (1948 г.р.) – художник, получивший математическое образование в Восточной Германии; Ле Тхонг (1961 г.р.), закончивший Киевский государственный художественный институт и сейчас преподающий во Вьетнамском университете изящных искусств. Их модернистские картины, возможно, оказали влияние на некоторых художников в Ханое. Тем не менее анализ произведений искусства, созданных в Ханое в 1990-х годы, которым посвящена эта статья, не обнаруживает никакой эстетической или тематической связи с модернистскими работами вернувшихся художников или других лиц. Вместо этого авангардные работы ханойских мастеров 1990-х годов демонстрируют новый критический и концептуальный эстетический язык, связавший не поддающимся описанию нитями с вьетнамским Обновлением творчество Ву Зан Тана и других художников, создававших современное искусство на его ранней стадии [Lenzi 2020: 290-297; 139 (прим. 375)]. Наш анализ показывает, что точно так же, как после воссоединения Севера и Юга в 1976 г. южные стили живописи, которые сами находились под влиянием американского искусства 1960–1970-х годов, проникли в

Нгуен Ван Кыонг и некоторые другие воспринимали такие новые городские явления, как мопеды, автомобили, караоке, СПИД, яркие упаковки товаров, скорость, противоречия между городом и деревней и многое другое, как объекты отечественного современного искусства, призывающего зрителей отреагировать на ханойскую действительность 1990-х годов. Эстетически-концептуальное построение произведений, их размещение и демонстрация явились новаторскими в силу изменившихся видов коммуникации и взаимоотношений внутри самой зрительской аудитории. Более того, деление азиатского искусства модерна на низкое и высокое было отвергнуто, и произведения, если они не были продуктом утилитарного ремесла, приобрели силу воздействия – главное качество современного искусства ЮВА [Lenzi 2014].

К 1995 г. такие художники, как Данг Суан Хоа и другие из «Группы пяти» («Gang of Five») возвестили о начале обновления искусства живописи в Ханое. Но их экспрессионистические пейзажи и абстракции, хотя и порвали с соцреализмом, ещё не обрели ни критической функции, ни концептуальных основ, типичных для авангарда. В данном контексте вьетнамское современное искусство привлекло всеобщее внимание, лишь когда в 1996 г. в Австралии на Втором Азиатско-Тихоокеанском триеннале современного искусства (ART2) Ву Зан Тан выставил серии *Монстры, дьяволы и ангелы* (1992–1996) и *Чемоданы паломника* (1996–2009). В этих сериях можно было увидеть выброшенные упаковки сигарет и фотопленок наряду с этикетками из модного магазина. При этом они были не нарисованы, а представляли собой просто мусор (в серии *Чемоданы*, например, выставленный под стеклом уличных витрин ханойских магазинов) – самые банальные предметы превратились в художественные образы (рис. 1).



**Рис. 1.** Ву Зан Тан. Чемоданы паломника. 1996 г.  
Смешанная техника с текстом, часть серии.  
Фото: Ж.Л. Моризо

художественный мир Ханоя, ранний авангард в современном искусстве Ханоя для развития нового языка опирался на местные социально-эстетические сдвиги, а не на южный формализм [Lenzi 2020: 30–33].

Непривычные по форме, эти серии привлекли посетителей непритязательностью представленных на них предметов, которые, будучи изъятыми из обыденного контекста, придавали искусству социальную значимость. Множественность значений, предлагающих миллион толкований, – вот главное, что присуще аллюзивным основам, отличавшим эти серии от стандартной живописи. Вместо полотна и красок, наличия обязательного смысла либо произвольных дадаистских объектов, *Монстры* и *Чемоданы*, намеренно используя такие социальные предметы, как выброшенные упаковки сигарет и уличные прилавки, создавали многозначное искусство, «говорящее» со зрителями на своем языке. Западные сигареты «Мальборо» были тогда новинкой в Ханое, а местным брендом были «Винитаба», поэтому один лишь вид сигаретных упаковок говорил о новых вкусах и возможностях во Вьетнаме эпохи глобализации. Подобно соблазнительным псевдоценникам, высмеивавшим потребительский ажиотаж, охвативший страну, такие художественные объекты сами превращались в «товары массового потребления», которые продаются, но доступны немногим, что заставляет критически взглянуть на реформы *Дой мой*. С тех пор как отвергнутый ранее капитализм приветствовался во Вьетнаме эпохи глобализации, эти произведения побуждали пристально проанализировать возникшие идеологические противоречия. Сумки торговцев, использованные для *Чемоданов паломника*, тоже обретали значимость, напоминая о прежде незаконной уличной торговле. Согласно одному авторитетному мнению, «продажей на улице зарабатывают на жизнь... жители Ханоя, которые чувствуют, что имеют право на свое скромное место в общественном пространстве... торговое предпринимательство и повседневная политика образуют податливую смесь уступчивости и сопротивления со стороны подчинённых» [Turner, Schoenberger 2012: 1029]. Каков был замысел работы Ву Зан Тана? Из дискуссий, интервью [Were 1997] и самих произведений вырисовывается его цель – сделать искусство частью динамичной, сложной жизни. Своей новой многозначной конструкцией, столь непохожей на традиционную живопись, эти произведения начала 1990-х словно негласно вопрошают о возможности свободы во Вьетнаме периода глобализации.



Точно так же, через функциональность и ассоциативность, *Скатерти (Nappes)* (1995) Чьонг Тана, состоящие из осязаемых, подсказанных контекстом предметов, ликвидировали отчуждение зрителя от произведения [Vũ, Phạm 2012: 31]. Красочные *Скатерти* художник написал для вечеринки в ресторане, во время которой произведение изменялось с каждым новым пятном от еды [Там же: 31] (рис. 2).

**Рис. 2.** Чьонг Тан. Скатерти. 1995 г.  
Акриловая краска по ткани, часть серии.  
Фото: Йола Ленци

Созданное для конкретного места и события, но подходящее для множества событий и любого пространства произведение напоминает инсталляцию. Именно смешение искусства и функциональности (высокого и низкого искусства)

превращает его в произведение современного искусства ЮВА, поскольку скатерти, эта воплощённая повседневность, заставляют пользователей рассматривать изображения на них, приобщаясь к происходящим во Вьетнаме переменам: мобильности, выбору, сексуальной свободе. Не так давно представленные на выставке *Скатерти* продолжают притягивать к себе посетителей, которые украдкой глядят формально-функциональную ткань, подтверждая тем самым, что материал может вовлечь посетителей в общение<sup>6</sup>.

Нгуен Ван Кыонг также использовал материалы из арсенала «низкого» искусства, которые обрели критическое звучание, так как органически включены в жизнь вьетнамского общества. *Фарфоровый дневник* (1999–2001), над которым Кыонг работал в старинной деревне Батчанг (на родине вьетнамского фарфора), состоял из 80 фарфоровых ваз с рисунками, показывающими изнанку Вьетнама эпохи глобализации: разбитных девиц из ночных баров, алчных бизнесменов, обездоленных крестьян. Фарфоровые вазы занимают значимое место в культуре Вьетнама благодаря своим ритуальным и бытовым функциям, и потому они оказались самым подходящим материалом для *Фарфорового дневника*, выставляя на всеобщее обозрение шокирующие образы, появившиеся в результате *Дой мой*: проявления сексуальной свободы и капиталистических отношений [Lenzi 2013: 132]. *Фарфоровый дневник* не декларировал какой-либо позиции, но, новаторски используя материал и иконографию, представил открывающийся Вьетнам (оказавшийся слишком сложным для обычной подражательной живописи) и отразил его образы на новом визуальном языке всем понятной критики (рис. 3).



**Рис. 3.** Нгуен Ван Кыонг. Фарфоровый дневник. Фарфоровые вазы с полихромной ручной росписью, часть серии из около 80 шт. 1999–2001 гг. Фото: Йола Ленци

Эти примеры, равно как и другие с использованием денег, пианино, часов и т.д. в качестве арт-объектов, свидетельствуют, что авангардное искусство развернуло нетрадиционную систему образов, материалов и средств, связанных с жизнью 1990-х годов. Эти компоненты, носящие социальную окраску, через ассоциативный ряд обеспечивали эстетически-концептуальное восприятие неосязаемых, трудных для изображения сторон реформы, таких как капиталистические отношения, потребительская культура, коррупция и возможность выбора. Но художники-авангардисты не оставляли и живопись, поэтому не стоит считать, что появление новых форм и материалов было направлено против неё. Изменения, происходящие повсеместно, действительно потребовали и нового критического языка в

<sup>6</sup> Автор наблюдал это на выставке современного искусства в Сингапуре (2018).

искусстве, который бы сделал отношение художественное произведение – зритель интерактивным, в отличие от традиционной созерцательной живописи.

Новые художественные языки изобретал не только ханойский авангард. С 1970-х годов по всей ЮВА независимо друг от друга художники остро реагировали на начавшиеся перемены, отыскивая в повседневной городской жизни материал для создания произведений с критической направленностью. Знакомство с этими произведениями показывает, что поиск конкретных выразительных форм, через социальный ассоциативный ряд несущих критический смысл, как метод художественного выражения после 1970 г. был присущ всему современному искусству ЮВА [Lenzi 2014]. Филиппинское искусство 1980-х и индонезийское 1970-х годов использовали объекты, служившие поводом для социальной критики и расширения гражданской ответственности. Харсоно и Дж. Супангкат, представители индонезийского движения «Новое изобразительное искусство» («Gerakan Seni Rupa Baru», GSRB), в 1975 г. создали работы *Пистолет (Paling Top)* и *Кен Дедес*, использовав игрушечные пистолеты и копию скульптуры яванской царицы Кен Дедес, тем самым наводя зрителей на размышления о спорных социальных вопросах. Визуальные языки авангардного искусства ЮВА, отказавшегося от традиционных приёмов живописи, отвечали особенностям регионального контекста, когда граждане искали больше возможностей для выражения своего мнения. Мало кто из художников имел возможность путешествовать, и поэтому они имели весьма слабые представления о западном современном искусстве. Харсоно уверял, что термин инсталляция был неведом в Индонезии 1970-х, когда он впервые объединил предметы для создания произведения с концептуальным подтекстом [Там же]. Если в Индонезии вышеупомянутые приверженцы новых форм художественного выражения бросали вызов академическому сообществу и социальным устоям, то вьетнамский авангард не отвергал живопись и не противостоял официальному искусству, но скорее занимался новаторством как внутри, так и вне соответствующих институтов [Lenzi 2020].

В дополнение к появлению новых объектов художественного выражения *Дой мой* также способствовало возникновению новых способов представления произведений искусства, спланировав город и его жителей.

#### *Представление авангардного искусства*

Выставки 1990-х годов носили закрытый характер, представленные на них полотна могли видеть только приглашённые зрители. Но художники-авангардисты придумали альтернативные способы представления своего творчества в общем городском пространстве, инсталлируя работы в публичных или относительно публичных местах, посещаемых рядовыми жителями Ханоя. Это позволило искусству вступить в прямой диалог с согражданами. «Моё творчество было для всех, и ради этого все мы экспериментировали», – говорил Кыонг<sup>7</sup>. Скатерти Чыонг Тана были необычны как своим материалом, так и появлением в ресторанах, где многие пользовались ими по назначению. В 1995 г. его уличные баннеры недолго украшали фасад одного ханойского здания, выставляя причудливые образы на обозрение всем ханойцам, а не только избранным посетителям эксклюзивной галереи. Используя общественное пространство, еще более настойчиво привлекал анонимных зрителей к соучастию Ву Зан Тан. Устроившись в окне

<sup>7</sup> Из письма Нгуен Ван Кыонга автору. Ханой, 16.12.2014.

своего выходящего на улицу «Салона Наташа», одновременно студии, жилья и галереи, он творил искусство на глазах у прохожих, наглядно демонстрируя всем собственный художественный метод. Вероятно, Тан видел своё творчество частью городской жизни, занятием, столь же необходимым рядовым горожанам, как работа торговцев, наводнивших тротуары Ханоя. Это подтверждают и его слова: «Моя работа – это часть улицы с её повседневной публикой и неоднозначностью» [Were 1997: 39]. Так, в 1998 г. художник наполнил улицу звуками, придав им статус художественного творения. Что касается материальных объектов, то в 1990-х появилась серия *Деньги* из рисованных купюр для использования в торговле. Однако лучшим примером убеждённости художника в необходимости новых способов демонстрации и восприятия творчества, показавшим эксперименты современного искусства во Вьетнаме, стала его инсталляция-перформанс *Кадиллак-Икар* (1999–2000). Созданная в Калифорнии в 1999 г., где художник недолгое время работал по программе «Artist in Residence» фонда «Pacific Bridge Arts», инсталляция представляла собой кадиллак модели 1961 г., который Тан совместно с Ле Хонг Тхаем превратил в объект искусства, уже без «плавников» и окрашенный в золото, для выставки *RienCarNation*. Кинорежиссер Николас Брукс вынашивал план отправить *Кадиллак-Икар* по морю во Вьетнам и там снять фильм об этом автомобиле в действии, но план не реализовался: вьетнамские таможенники конфисковали мотор. Это не обескуражило Тана; он погрузил *Кадиллак-Икар* на грузовую платформу и повёз свое творение по улицам столицы (рис. 4).



**Рис. 4.** Ву Зан Тан. Кадиллак-Икар. Инсталляция 1999 г. Окленд, Калифорния, резиденция Pacific Bridge; перформанс на улицах Ханоя, 2000 г.  
Фото: Наталья Краевская

Такой перформанс с огромным золотым кадиллаком, едва помещавшимся на узких улочках, изумил Ханой, где автомобили всё ещё были редкостью, произвёл шок как символ американской культуры потребления. Лицеизреть всё это стало возможным благодаря *Дой мой*. Тан использовал игру слов: в Икаре улавливалось английское car (автомобиль); также напомнил о древнегреческом мифе об Икаре, который, являясь аллегорией опрометчивого тщеславия, ассоциировался с надеждой воспользоваться плодами капитализма, приход которого радостно приветствовали, несмотря на то что совсем недавно – в течение жизни одного поколения – праздновали победу над ним. Появившись на оживлённых улицах, *Кадиллак-Икар*, материальное воплощение понятного критичного языка современного искусства, вызывал у всех сложные и противоречивые мысли и представления.

Нгуен Ван Кыонг также экспериментировал со средствами передвижения, создавая звуковые перформансы из колёсных спиц мопедов<sup>8</sup>. Мопеды стали эмблемой азиатской урбанизации конца XX в., поэтому мопеды «Хонда» Кыонга словно символизировали открывающийся мобильный Ханой и перемены, вызванные *Дой мой*, – эту связь впоследствии изучали социологи [Hansen 2015]. Но ещё больше, чем мопеды, местную публику привлекали настенные «всплывающие окна» Кыонга (рис. 5).

**Рис. 5.** Нгуен Ван Кыонг. Художник рисует фреску в Доме мировых культур. Берлин, 1999 г.

Фото: Наталья Краевская

Один из таких муралов (огромных настенных изображений) – *Дай этому название* (1998), украшавший все поверхности пространства коммерческого Ханоя, словно окружал публику, покончив с отстранением искусства от зрителя. Плотная композиция произведения, включавшая образы (в натуральную величину) бизнесменов с акульими головами, девиц из караоке, шприцев (символа кампании против наркотиков и СПИДа), крестьян и многого другого, буквально погружала зрителей в проблемы Ханоя 1990-х. Рассказывая множество историй сразу, ошеломляющие «окна» живописали потрясения Вьетнама периода глобализации: сексуальную свободу, насилие, конкуренцию, алчность. *Дай этому название* словно ожидало ответа, призывая зрителей хоть как-то «окрестить» увиденное изображение и тем самым найти своё место в нарративе реформ *Дой мой*. Произведение призывало к участию и критическому диалогу. Этот типичный для ЮВА эстетический прием (англ. play), порой трактуемый как игра (англ. play), вовлекавший зрителей в болезненные темы, смягчал риск эксперимента [Lenzi 2016]. Художественный посыл Кыонга, включавший выразительную форму, место представления и название произведения, действовал эффективно: его временное творение еще долго продолжало оказывать влияние, как впоследствии подтверждалось в печати [Vũ & Phạm 2012: 17]. *Дай этому название* – произведение понятное, даже несмотря на передачу трудных для изображения явлений, оно стало частью современного искусства прежде, чем сам термин «современное искусство» вошел в художественную жизнь Вьетнама.



Такие перформансы, как *Кадиллак-Икар* и *Дай этому название*, напрямую ставили неудобные вопросы о жизни во Вьетнаме, о вьетнамском обществе периода глобализации непосредственно перед рядовыми гражданами на городских улицах или деревенских площадях, как например, в случае перформанса *Буйвол*, созданного Чыонг Таном и Нгуен Куанг Хюи в 1996 г. в деревне Моктяу. Во Вьетнаме 1990-х такой эстетический шаг был беспрецедентен; лишь художник Динь К. Ле, получивший образование в США, применил подобный прием в своих *Повреждённых генах* (1998), место которым нашлось на одном из

<sup>8</sup> Перформанс 1995 г. «Звонок мопеда», совместно с Тилем Шонхерром.

сайгонских рынков<sup>9</sup>. Методы, использовавшиеся Ву Зан Таном, Чыонг Таном, Нгуен Ван Кыонгом, Нгуен Куанг Хюи и Нгуен Минь Тханем, сходны с методами Танг Да Ву, Харсоно, Аманды Хенг, Васана Ситтхикета, Ли Веня и других художников ЮВА, которые после 1970-х годов разрабатывали глобальные новаторские эстетико-концептуальные приёмы, отвечавшие региональному контексту. Названия для данного художественного направления во Вьетнаме не существовало, но новаторские методы авангардистов Ханоя, такие как представление своих работ в общественных местах массовой аудитории, отвечали местным условиям и вовлекали рядовых зрителей в те или иные социальные парадигмы, поощряя к действию, что являлось главной отличительной чертой современного искусства ЮВА<sup>10</sup>.

Ханой 1990-х годов мог гордиться лишь немногими пространствами для нетрадиционного или большого искусства, поэтому инсталляции, муралы и звуковые перформансы поневоле демонстрировались в общественных зонах. Однако и ход *Дой мой* требовал художественных форм с новыми функциями наряду с формально-концептуальными изменениями, это также повлияло на инклюзивную публичную форму презентации. *Дай этому название* и *Кадиллак-Икар*, помогая переосмыслить новшества глобализации, обретали значимость в публичных местах.

Анализ политического ландшафта и материального мира Ханоя периода глобализации определяет общественное пространство как конкурирующие зоны, где соприкасаются интересы бизнеса, государства и граждан, причём последние вторгаются в общественное пространство ради своего рода самоутверждения, иногда создавая конфликтную ситуацию, сталкиваясь с государством [Thomas 2001; Kurfürst 2012: 101–103]. Такая перспектива придаёт смысл произведениям художников авангарда, которые не только формулировали, но и использовали в своём творчестве новые противоречия между личным и общественным, заставляя задаться вопросом: а что дальше? Открытость и доступность были повсюду. В начале 2000-х социальные географы столкнулись с борьбой жителей Ханоя за городское пространство, но десятилетием раньше работы Ву Зан Тана, Нгуен Ван Кыонга и Чыонг Тана заполнили город, сила их влияния заключалась в возможности внести критический настрой непосредственно в публичную зону и таким образом ответить на острые вопросы времени [Lenzi 2020: 130–137].

Реформы *Дой мой* изменили всё и для всех. Так считали художники-авангардисты, применяя в своём творчестве элементы окружающей действительности, хорошо знакомые и притягивающие внимание публики, иными словами, противоречия *Дой мой* послужили темой, драйвером и материалом для нового направления в искусстве. Идея, что социальные перемены являются питающей силой художественного новаторства, находит поддержку в трудах, посвящённых последствиям *Дой мой*, например, факту превращения общественных зон в площадку для выяснения отношений между гражданами и государством, «чреватому противоречиями и аномалиями» [Thomas 2001: 306]. В Ханое и ЮВА в целом современное

<sup>9</sup> Исследование не доказывает, что работы Динь К. Ле оказали влияние на ханойский авангард. Динь вернулся жить во Вьетнам в 1997 г., когда современное искусство в Ханое уже возникло, он выставлялся в Хошимине, где редко бывали ханойские художники-авангардисты, и, наконец, художники, рассмотренные в статье, создавали работы, вдохновлённые и обусловленные местными контекстуальными сдвигами в Ханое, не связанными с произведениями Диня 1990-х годов.

<sup>10</sup> Некоторые оспаривают принадлежность Ву Зан Тана и Нгуен Ван Кыонга к мировому авангарду, поскольку они ничего не знали о трендах Нью-Йорка [Taylor & Corey 2019: 25].

искусство, возвращаемое художниками-авангардистами, отличалось способностью критического вовлечения публики, отвергая при этом только созерцательную роль зрителей, присущую традиционному искусству, и было неразрывно связано с социальными изменениями конца XX в. Эти взаимосвязи, в целом наблюдаемые в разных странах Азии, но имевшие свои национальные отличия, стали содержанием изменений начиная с 1990-х годов.

### Заключение

Несмотря на разные биографии и способы художественного выражения авангардистов Ханоя, произведения Ву Зан Тана, Нгуен Ван Кыонга, Чыонг Тана и их коллег, созданные в 1990-е годы, соизмеримы по эстетике диалога, тестирующего социальные новации реформ «Обновление» *Дой мой*, – в отличие от традиционного искусства их работы не повествуют и не описывают, а ставят вопросы. Будучи лишь частицей визуального искусства Вьетнама 1990-х, эти произведения, порвавшие с традиционным отчуждением зрителя от художественного произведения и делением искусства на высокое и низкое, использовавшие концептуальные стратегии и вступавшие в критический интерактивный контакт со зрителем, знаменовали собой начало экспериментов современного искусства Вьетнама.

Новаторский художественный язык мог появиться только при расширении пространства вьетнамского искусства. Во Вьетнаме 1990-х произошло мощное изменение парадигмы, которое породило в том числе новые эстетико-концептуальные связи, соединив искусство и жизнь. Спустя полвека войны и изоляции социальные перемены, вызванные реформами, дали толчок новшествам, в том числе на улицах Ханоя: его жители сменили велосипеды на мопеды «Хонда», а сигареты «Винатаба» на «Мальборо». У приверженцев авангарда не было художественных образцов, так как несмотря на открытие страны, знакомство с современным мировым искусством состоялось лишь в самом начале 2000-х годов. Тем не менее обещания и противоречия, заложенные в *Дой мой*, послужили толчком для новых творческих поисков, даже в условиях существовавшего политического контроля. Это подтверждает факт, что индивидуальный художественный ответ на окружающую действительность является ключевым условием обновления выразительных средств. Авангардистов было мало, они не были объединены в какие-либо группы, но, создавая произведения, идейно соответствующие эпохе перемен, сумели перенаправить вьетнамское художественное творчество в русло поиска современных форм. Более того, разработав самостоятельную концептуальную эстетику, они разрушили мнение, что новаторство азиатского искусства неизбежно должно исходить из западных образцов, как в случае заимствования традиционной европейской живописи. Вьетнамское современное искусство демонстрирует способность к самообновлению и вправе занять одно из главных мест в истории искусства Юго-Восточной Азии после окончания холодной войны.

*Автор благодарит рецензента за ценные и полезные замечания.*

### Список литературы

1. *Abuza Z. Renovating Politics in Contemporary Vietnam. Boulder: Lynne Rienner. 2001.*
2. *Asia Art Archive/Salon Natasha. URL: <https://aaa.org.hk/en/collections/search/archive/salon-natasha-archive> (дата обращения 10.05.2021)*

3. *Beresford M.* Vietnam: The Transition from Central Planning // The Political Economy of South-East Asia: Markets, Power and Contestation / eds. Rodan, Hewison, Robison. 3rd ed. Melbourne: Oxford University Press, 2006. P. 197–220.
4. *Bùi Như Hương, Phạm Trung.* Vietnamese Contemporary Art 1990–2010. Hanoi: Knowledge Publishing, 2012
5. *Bùi Thị Thanh Mai.* Nghiên cứu xác định thời gian và đặc điểm: mỹ thuật hậu Đổi Mới [Периодизация и особенности изобразительных искусств после политики обновления] // Nghiên cứu Mỹ thuật [Исследования изобразительного искусства]. 2014. No. 4. P. 6–19. (На вьетн. яз.)
6. *Clark, J.* Modern Asian Art. North Ryde: Craftsman House, 1998.
7. *Hansen A.* Motorbike Madness? Development and Two-Wheeled Mobility in Hanoi // Asia in Focus. 2015. No. 2. P. 5–13.
8. *Huynh-Beattie B.* Post Doi Moi International Reception of Vietnamese Contemporary Art // Eye of the Beholder: Reception, Audience, and Practice of Modern Asian Art / eds. Clark, Sabapathy, Peleggi. Honolulu: U. Hawaii, 2006. P. 217–287.
9. *Kerkvliet B.J.T.* The Power of Everyday Politics – How Vietnamese Peasants Transformed National Policy. Singapore: ISEAS, 2005.
10. *Kurfürst S.* Redefining public space in Hanoi – Places, practices and meaning. Berlin: LIT Verlag, 2012.
11. *Lenzi I.* Negotiating Home History and Nation. Negotiating Home History and Nation: Two Decades of Contemporary Art in Southeast Asia 1991–2011 / ed. Lenzi. Singapore: SAM, 2011. P.7–28.
12. *Lenzi I.* Lost and Found: Tracing Pre-Modern Cultural Heritages in Southeast Asian Contemporary Art // Connecting Art and Heritage / ed. Bùi Thị Thanh Mai. Hanoi: VUFA/Thế Giới, 2013. P. 117–141.
13. *Lenzi I.* Conceptual Strategies in Southeast Asian Art: a Local Narrative // Concept Context Contestation: Art and the Collective in Southeast Asia/ ed. Lenzi. Bangkok: BACC, 2014. P. 10–25.
14. *Lenzi I.* Public Play: Audience Involvement and Decoding Concept in Socially-Engaged Southeast Asian Contemporary Art // Obieg. 2016. No. 2. P. 1–10. URL: <http://obieg.u-jazdowski.pl/en/numery/azja/public-play--audience-involvement-and-the-decoding-of-concept-in-socially-engaged-southeast-asian-co> (дата обращения: 21.06.2021)
15. *Lenzi I.* The Contemporary Turn in Hanoi, Vietnam, 1989–2002: Vu Dan Tan, Nguyen Van Cuong, Salon Natasha, and Doi Moi-in-Art. PhD diss. Nanyang Technological University. Singapore, 2020.
16. *Nguyễn Quân.* Vietnamese Fine Arts in the Doimoi Period. Hanoi: Fine Arts Publishing, 2008.
17. *Smith T.* Contemporary Art World Currents. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2011.
18. *Taylor N.* Painters in Hanoi: An Ethnography of Vietnamese Art. Singapore: NUS Press, 2009.
19. *Taylor N.* What is *Đổi Mới* in Art? Southeast Asia Digital Library, Northern Illinois University, 2012. URL: <https://sea.lib.niu.edu/seadl/whatisdoimoi> (дата обращения: 03.03.2021).
20. *Taylor N., Corey P.* *Đổi Mới* and the Globalization of Vietnamese Art // Journal of Vietnamese Studies. 2019. No. 14 (1). P. 1–34.
21. *Thoburn J.* Vietnam as a role model for development. WIDER Research Paper No. 2009/30. UNUW Institute for Development Economics Research UNU-WIDER, 2009. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/45161/1/60181276X.pdf> (дата обращения: 26.06.2021).
22. *Thomas M.* Public spaces/public disgraces: Crowds and the state in contemporary Vietnam // SOJOURN Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2001. No. 16 (2). P. 306–317.
23. *Turner C.* ed. Art and Social Change-Contemporary Art in Asia and the Pacific. Canberra: Pandanus/ANU, 2005.
24. *Turner S., Schoenberger L.* Street Vendor Livelihoods and Everyday Politics in Hanoi, Vietnam: The Seeds of a Diverse Economy? // Urban Studies. 2012. No. 49 (5). P. 1027–1044.
25. *Were I.* Vu Dan Tan's Front Window View // *Object*. 1997. No. 2. P. 38–40.

## ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105391

### АККОМОДАЦИЯ ПРИ ДИАЛЕКТНЫХ КОНТАКТАХ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ ВЬЕТНАМА Чинь Кам Лан<sup>1</sup>

**Аннотация.** В статье представлены результаты изучения аккомодации северного диалекта вьетнамского языка на примере его носителей в городе Хошимине. Исследование проводилось на основе применения теории коммуникативной аккомодации Джайлза, модели аккомодации Традгила, а также метода количественного анализа. Коммуникативная аккомодация демонстрируется подбором диалектных вариантов языка общины в новом месте проживания. В ходе исследования было выявлено, что коммуникативная среда оказывает сильное влияние на уровень аккомодации и что показатель аккомодации коррелирует с некоторыми социальными факторами, такими как престижный статус иммигрантского диалекта, продолжительность проживания в новом месте, тип общения и модели брака, из которых престижный статус иммигрантского диалекта и продолжительность проживания в новом месте являются наиболее характерными.

**Ключевые слова:** теория аккомодации, диалектный контакт, конвергенция, дивергенция, речевая общность, северный диалект вьетнамского языка, южный диалект вьетнамского языка.

**Для цитирования:** Чинь Кам Лан. Аккомодация при диалектных контактах: исследование языка городских сообществ Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 86–96.

Дата поступления статьи: 18.10.2021

Дата поступления в переработанном виде: 15.01.2022

Принята к печати: 22.02.2022

### Вступление

В статье описывается типичный для современного Вьетнама социально-лингвистический феномен – аккомодация в процессе диалектных контактов в крупных городах страны. Под аккомодацией здесь понимается корректировка или изменение используемых языковых средств для облегчения общения при переезде из диалектного региона А в диалектный регион Б. Исследование было начато в Хошимине (ХШМ) и Ханое [Trinh 2007]<sup>2</sup>, представляющих типичные городские сообщества и являющихся двумя крупнейшими центрами конвергенции в стране с огромным притоком внутренних мигрантов. Участниками исследования стали представители сообщества носителей северного диалекта

---

<sup>1</sup> Чинь Кам Лан, к. филол. н., доцент, Университет общественных и гуманитарных наук, Ханойский государственный университет. Email: lantc@vnu.edu.vn; tclan.vnu@gmail.com

<sup>2</sup> До начала исследования в Хошимине был сделан обзор по нгетиньской общине в Ханое. Результаты показали впечатляющие языковые изменения, вызванные адаптацией к новой диалектной среде [Trinh 2007].

(СД), показатели аккомодации которых при общении в новой среде измерялись соотношением использования вариантов южного диалекта (ЮД) в выбранных языковых переменных. В данном случае это модальные частицы в конце предложения, отобранные ввиду различий их использования в северном и южном вариантах.

В целом мигранты, как правило, неизбежно находят способ адаптироваться к общению в новой среде. Проблема, с которой они сталкиваются, заключается в способе адаптации своего языка для обеспечения коммуникативной эффективности. Несколько лет назад, изучая общину выходцев из провинции Нгетинь<sup>3</sup> в Ханое, мы обнаружили, что им приходилось адаптировать свой язык главным образом через аккомодацию. Предыдущие исследования показали, что это универсальная тенденция.

Тенденция к аккомодации диалектных контактов во Вьетнаме подтверждается и выводами данной статьи на примере сообщества СД в Хошимине.

### Теоретическое обоснование

#### *Контактная лингвистика и диалектный контакт*

Термины «контакт, контактный» используются в социолингвистике для обозначения ситуации географической преемственности или тесной социальной близости между языками и диалектами. С лингвистической точки зрения влияние контактных ситуаций можно наблюдать в росте количества заимствованных слов, закономерностях фонологических и грамматических изменений, смешанных формах языка (например, креольский диалект и пиджин), а также в общем росте двуязычия различных видов (билингвизма). В узком смысле считается, что языки находятся «в контакте», если они попеременно используются одним и тем же человеком, то есть билингвом [Crystal 2008: 107–108]. Д. Кристал ввёл термин «контактная лингвистика» и предположил, что контакт происходит во всех языках и диалектах. Однако несмотря на то, что лингвисты вложили много сил в изучение языковых контактов, диалектным контактам не было уделено должного внимания [Meyerhoff 2018: 267]. Изучение последних стало многообещающим научным направлением только после первых исследований, проведенных П. Традгилом [Trudgill 1986].

Часто отмечается, что контакты между различными группами людей являются конечным следствием социальной мобильности между регионами или социальными группами. Такой контакт может происходить в результате миграции как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества [Milroy 2002]. Диалектные контакты внутри страны часто происходят на местном уровне из-за частых поездок отдельных лиц или групп лиц в разные районы. На этом уровне мобильность включает короткие перемещения людей между теми или иными сообществами или населёнными пунктами, в том числе частые поездки на сезонные работы [Britain 2010: 208–229]. На национальном уровне это может быть крупномасштабная миграция между регионами, расположенными далеко друг от друга, что приводит к контактным ситуациям между лингвистически очень различающимися диалектами [Trudgill 2003].

Признано, что, несмотря на различия, два типа контактов (языковой и диалектный) имеют схожие лингвистические результаты. Например, переключение или смешение кодов в

---

<sup>3</sup> Нгетинь — провинция в северной части Центрального Вьетнама, была разделена на провинции Нгеан и Хатинь, язык её жителей относится к центральному диалекту. Община Нгетинь – одно из крупнейших мигрантских сообществ в Ханое.

ходе речевого общения считаются следствием как языкового, так и диалектного контакта. Однако имеются проявления, характерные только для одного из этих двух контактов. Например, считается, что смешанная форма (пиджин) является результатом языкового контакта, в то время как феномен диалектного нивелирования – диалектного контакта.

Вариационисты использовали аккомодационные модели для выявления лингвистических последствий контакта между разными диалектами одного и того же языка. Их исследования главным образом касаются проблем смешения и выравнивания диалектов, упрощения и перераспределения диалектных вариантов [Kerswill 2003; Kerswill & Trudgill 2005]

### *Аккомодация в диалектном контакте*

Многие лингвистические процессы, происходящие в ситуациях диалектного контакта, приводят к замене одного диалектного варианта на другой в речевом общении [Trudgill 1986]. На такие изменения влияют многие факторы, при этом важную роль играют психологические особенности как конкретного индивидуума, так и сообщества в целом. Таким образом, согласно Традгилу, теория Джайлза является важной основой для понимания способа языковой аккомодации людей, говорящих на разных диалектах при общении друг с другом в определённой коммуникативной ситуации. Действительно, упомянутые выше исследования убедительно подтверждают теорию аккомодации Джайлза.

Первый вариант теории, известный как теория речевой аккомодации (ТРА), был представлен в совместном труде Р. Стрита и Г. Джайлза [1982]. Пять лет спустя, в 1987 г., Джайлз развил теорию и расширил сферу её применения, назвав теорией коммуникативной аккомодации (ТКА) [Giles, Gallois, Ogay 2006: 121–148]. В своей теории Джайлз представил модель акцентной мобильности, чтобы выявить так называемую конвергенцию акцента в речевой среде, и отметил, что при общении разные акценты (из-за диалектных отличий) могут быть скорректированы, чтобы уменьшить различия посредством аккомодации. Обратный процесс Джайлз назвал дивергенцией акцента. Это ситуация, когда у коммуникаторов нет желания находить общий язык, и они сохраняют и даже подчёркивают местные признаки в своей речи [Там же].

Гибко применяя теорию аккомодации Джайлза для объяснения явлений диалектного контакта, Традгил расширил ее, вследствие чего появилась возможность охватить все проявления диалектного контакта и проследить возникновение новых диалектов через этот контакт. В модели Традгила диалектный контакт и аккомодация тесно связаны. Он считает, что аккомодация в диалектном контакте может быть кратко- и долгосрочной. Краткосрочная аккомодация часто является результатом временного контакта, когда коммуникаторы взаимодействуют друг с другом в конкретном коммуникативном контексте. Считается, что такой контакт не оказывает долгосрочного влияния на языковую компетентность говорящего [Trudgill 1986]. Это означает, что по окончании временного контакта исчезают и условия для аккомодации, скорее всего, не оставив никакого отпечатка, если контакты не повторятся. Однако если краткосрочная аккомодация происходит регулярно в течение длительного периода времени, то изменение и приспособление речи говорящего могут стать постоянными, что уже становится долгосрочной аккомодацией [Там же]. Как и Традгил, П. Керсвил полагал, что долгосрочная аккомодация часто может быть вызвана многочисленными краткосрочными

аккомодационными поведенческими реакциями в конкретных взаимодействиях [Kerswill 2003].

Что касается типа аккомодации, то Традгил сосредоточил внимание на долгосрочной аккомодации ввиду её эффективности при описании ситуаций диалектного контакта, а также объяснении внутреннего механизма вызванных этим контактом языковых изменений [Kherbache 2017]. Что касается методики, то социолингвисты, в частности, Традгил определяли соотношение вариантов смешения обоих диалектов при речевых контактах, используя метод количественного анализа, с помощью которого подсчитывали индекс аккомодации. Все исследователи сходятся в том, что контакты с людьми из другого сообщества могут мотивировать мигрантов адаптироваться к новым, прежде не знакомым региональным особенностям [Trudgill 1986; Kerswill 2003: 669–702; Kerswill & Trudgill 2005].

В настоящей статье рассматривается аккомодация в языке общения сообщества СД при контакте между северным и южным диалектами в Хошимине. Материалом исследования стал перформативный вариант некоторых модальных частиц, употребляющихся в конце предложения, отобранный из речи 63 членов сообщества. Показатели аккомодации определены через соотношение употребления южных диалектных вариантов этих частиц в языковом сообществе СД.

### Материалы и методы

Модальные частицы в конце предложения – одно из важнейших модальных средств во вьетнамском языке. Среди всех видов лексических средств выражения модальности, таких как модальные глаголы, перформативные глаголы, наречия, модальные наречия, модальные словосочетания и др., модальным частицам, завершающим предложение (хотя они и немногочисленны), отводится особая роль.

Для исследования было отобрано 6 модальных частиц, употребляемых в конце предложения: **à, chù, hả, nàу, nhé, nhĩ**.

Такой выбор основан на различии между вариантами СД и ЮД. Это может быть различие фонетической формы (**nhé, nhá** и **nhà** или **nàу** и **nè**), различие отдельных семантических признаков или степени конкретной иллокутивной силы<sup>4</sup> в обоих вариантах.

Прямое соответствие, когда частица, относящаяся к СД, соответствует одному варианту в ЮД при любой иллокутивной силе, обнаруживается только у двух частиц — **à** и **nàу**. Остальные частицы (**hả, chù, nhé, nhĩ**) не имеют прямого соответствия. Это означает, что вариант в СД может соответствовать более чем одному варианту в ЮД, обычно это частица **nhé**, при любых иллокутивных силах. Сложность проявляется и при наложении вариантов. Определённый вариант в ЮД, например, **hà**, может быть как вариантом **à** и **hả**, так и **nhĩ** в СД.

Однако в задачу данного исследования не входит анализ семантических и прагматических различий, присущих вариантам. С целью выявления признаков аккомодации мы исследуем только появление СД-вариантов этой частицы в речи представителей сообщества СД как выражение процесса изменения языка в условиях многодиалектного общения. Семантические и прагматические различия в вариантах двух диалектов, если таковые имеются, оставлены для другого обсуждения.

<sup>4</sup> Иллокутивная сила предложения – это коммуникативная направленность высказывания.

По существу, настоящее исследование было проведено на двух основных источниках материалов.

А. Данные анкетирования 63 представителей сообщества СД в Хошимине. Помимо лингвистической поведенческой информации, анкеты содержат информацию о персональных характеристиках респондентов (например, пол и возраст при переезде в Хошимин, продолжительность проживания в Хошимине, тип общения<sup>5</sup>, модели брака и др.), которые, по мнению исследователя, с учётом нескольких показателей, могут оказывать определённое влияние на показатели аккомодации. Эта информация может помочь установить корреляцию между аккомодацией и социальными характеристиками респондентов (табл.1).

Таблица 1. Социальные характеристики респондентов

<i>Характеристики</i>		<i>Частота</i>	<i>Показатель, %</i>
<b>Пол</b>			
	Мужской	28	44,4
	Женский	35	55,6
	<b>Всего</b>	63	100,0
<b>Возраст прибытия в Хошимин</b>			
	До 18 лет	22	35,6
	После 18 лет	41	64,4
	<b>Всего</b>	63	100,0
<b>Продолжительность проживания в Хошимине</b>			
	1–9 лет	15	23,8
	Более 10 лет	48	76,2
	<b>Всего</b>	63	100,0
<b>Тип общения</b>			
	Внутригрупповое общение	13	20,6
	Межгрупповое общение	50	29,4
	<b>Всего</b>	63	100,0
<b>Модели брака</b>			
	Не состоит в браке	13	20,6
	Брак с представителем с Севера	38	60,4
	Брак с представителем с Юга	12	19,0
	<b>Всего</b>	63	100,0

Б. Данные (примеры) естественного речевого общения: 28 естественных разговоров (с участием исследователей) в разных коммуникативных ситуациях, в том числе 4 — в такси, 9 — в ресторанах или кафе, 6 — на улице и рынках, 2 — в парикмахерской, 4 — в семейном контексте, 2 — в офисе и 2 телефонных разговора. В дополнение к вышеупомянутым 28 контактам между исследователем и носителями СД было проведено несколько бесед перед заполнением структурированной анкеты. Общая продолжительность естественных разговоров

<sup>5</sup> Тип общения призван отобразить коммуникативный диапазон представителей северных народностей в Хошимине. Соответственно, стремление к общению только или главным образом с земляками называют внутригрупповой коммуникацией, а тенденцию активно общаться с людьми за пределами своего сообщества (в данном случае с южанами) — межгрупповой коммуникацией.

более пяти часов. В разговорах участвовало 39 носителей СД, которые в своей речи употребили 57 модальных частиц в конце предложения.

Полевые лингвистические исследования легли в основу применяемой в работе методологии. Данные опроса обработаны методом количественного анализа (программа SPSS с проверкой статистических данных).

**Результаты исследования**

*Аккомодация через выбор языковых вариантов*

Таблица 2. Употребление модальных частиц (данные анкетирования)

Частицы	Вариант	Кол-во употреблений	%	Всего	Частицы	Вариант	Кол-во употреблений	%	Всего
à	СД	52	82,5	63/ 100,0	này	СД	47	74,6	63/ 100,0
	ЮД	11	17,5			ЮД	16	25,4	
chứ	СД	50	79,4	63/ 100,0	nhé	СД	35	55,5	63/ 100,0
	ЮД	13	20,6			ЮД	28	44,5	
hả	СД	56	88,9	63/ 100,0	nhỉ	СД	42	66,6	63/ 100,0
	ЮД	7	11,1			ЮД	21	33,4	

В среднем по анкетам количество использований варианта СД составляет 47 из 63 (74,6%); количество использований варианта ЮД – 16 из 63, или 25,4 % (табл. 2).

Таблица 3. Употребление модальных частиц (данные, полученные в ходе естественных разговоров)

Частицы	Диалект	Произношение	Кол-во употреблений
à	СД	à	10
	ЮД	ha	2
chứ	СД	chứ	6
	ЮД	co/nhé	2
hả	СД	hả	3
	ЮД	hả/ha	4
này	СД	này	2
	ЮД	né	1
nhé	СД	nhé	10
	ЮД	nghe/nha	7
nhỉ	СД	nhỉ	4
	ЮД	hà/ha	7
<b>Всего</b>			<b>57</b>

В разговорах вариант СД встречался 34 раза, что составляет 59,65 %; вариант ЮД — 23, что составляет 40,35 % (табл. 3).

Несмотря на то что частота использования варианта СД довольно высока (74,6 % по данным анкет и 59,65 % по данным естественной речи), по сравнению с вариантом ЮД (25,4% и 40,35 % соответственно), на коэффициент смешения кодов ЮД это не влияет, что свидетельствует об аккомодации сообщества СД в Хошимине, хотя она и не такая впечатляющая, как в ряде других сообществ.

В поисках причин сложившейся ситуации был рассмотрен вопрос о статусе диалектов и соответственно их престижности в сообществах. Вьетнамский язык Ханоя является престижным диалектом или, по крайней мере, считается столичным диалектом, то есть стандартным вариантом вьетнамского языка. Вьетнамский язык провинции Нгетинь не имеет такого статуса. Это важный фактор, влияющий на аккомодацию представителей Нгетинь в Ханое. И это объясняет, почему язык людей, говорящих на СД, в том числе на ханойском диалекте, при переезде в другой диалектный регион вряд ли значительно изменится, чтобы приспособиться к новому диалекту. То же самое касается представителей СД в Хошимине. Поскольку они уже владеют престижным диалектом, то даже при хорошем усвоении нового, речевое изменение не достигнет уровня адаптации к новой среде общения, диалект которой превалирует.

Что касается типа аккомодации, то в соответствии с моделью Традгила, исходя из анализа таких факторов, как место проживания, среда регулярных контактов, продолжительность проживания и т. д., следует, что аккомодация в двух рассматриваемых сообществах в основном долгосрочная. В общине Нгетинь, за исключением некоторых стариков (60 лет и более) и недавно прибывших в Ханой молодых людей, среди которых не обнаруживается явной тенденции к аккомодации, её члены продемонстрировали осознанное приспособление, чтобы адаптироваться к общению с коренным населением.

Рассматривая ситуацию комплексно, можно заметить, что за скорректированным аккомодационным поведением стоит стремление обоих сообществ к универсальному использованию языка. В Хошимине вариант ЮД считается универсальным в использовании. Однако сообщество СД в Хошимине, как правило, сохраняет свой родной вариант и демонстрирует слабую адаптацию к диалекту местного населения. В то же время сообщество Нгетинь, приспособившись к среде Ханоя, скорректировало свой вариант диалекта в пользу ханойского.

Эти результаты в какой-то степени, но не полностью подтверждают теоретические модели Джайлза и Традгила. Тенденция к аккомодации побеждает в среде, родной диалект которой считается престижным, в противоположность диалекту мигрантов, и наоборот, в среде, где приезжие говорят на диалекте, считающимся престижным, тенденция к адаптации, хотя и имеет место, намного слабее. Тяготение местных жителей к своему коренному диалекту все слабее противостоит процессу аккомодации к диалекту приезжих. Тем не менее вьетнамский язык Хошимина по-прежнему является чем-то вроде престижного регионального диалекта, и поэтому у носителей северного языка есть мотивы для адаптации.

Вопросы анкеты в лингвистической части носят структурированный (закрытый) характер, так что респонденты могли оказаться в ситуации, когда приходилось выбирать из заранее сформулированных ответов. Тем не менее выбор ответа более или менее субъективен и определяется установками языковой лояльности к исходным диалектным вариантам, считающимся более престижными. Это может быть одним из факторов, приводящих к снижению индекса аккомодации. Иными словами, когда внимание к речевым действиям в установке языковой лояльности перестают доминировать, индекс аккомодации может находиться на «естественном» уровне, как при фактическом общении (40,35 %). Таким образом, он является достоверным показателем аккомодационного поведения данного сообщества в новой коммуникативной ситуации. Эта адаптация совершенно естественна, объективна и не требует сознательного отношения. Однако на неё влияет коммуникативная

среда. Установка языковой лояльности и осознание престижности исходного диалекта размыты и неэффективны, а речевая коммуникация почти полностью регулируется законами аккомодации.

Разница между субъективными данными анкет (табл. 2) и объективными данными, полученными в процессе естественной речи (табл. 3), кажется парадоксальной. Она свидетельствует, что чувство языковой лояльности и привычка использовать родной диалект, по-видимому, глубоко укоренились в речи, но в ситуациях прямого контакта под влиянием контекста могут полностью измениться в сторону значительной адаптации к новому диалекту. В таких случаях важное значение приобретают коммуникативная среда и необходимость совместных действий в тех или иных коммуникативных ситуациях. Это подтверждают и краткосрочная аккомодация при конкретных контактах, и возможность ее перерастания в долгосрочную, когда со временем речевых контактов становится все больше и больше. В любом случае при показателе 40,35 % аккомодация сообщества СД в Хошимине не столь впечатляюща, как аккомодация общины Нгетинь в Ханое (более 70 %), но это, как видим, вполне закономерно.

### Влияние социальных факторов

Таблица 4. Зависимость аккомодации от социальных факторов

Характеристики		Тип диалекта, %		Всего
		Южный	Северный	
Пол	Мужской		96,4	100% (28)
	Женский	17,1	82,9	100% (35)
<b>p = 0,529</b>				
Возраст при прибытии в Хошимин	До 18 лет	31,8	68,2	100,0 (22)
	После 18 лет	25,36	74,64	100,0(41)
<b>p = 0,529</b>				
Продолжительность пребывания в Хошимине	1–9 лет	42,68	57,32	100,0(15)
	Более 10 лет	30,84	69,16	100,0 (48)
<b>p = 0,042</b>				
Тип общения	Внутригрупповая коммуникация	10,78	89,22	100,0(13)
	Межгрупповая коммуникация	31,2	68,8	100,0 (50)
<b>p = 0,026</b>				
Модели брака	Не в браке	23,1	76,9	100,0(13)
	Брак с представителем Севера	29,31	70,69	100,0 (38)
	Брак с представителем Юга	55,94	44,06	100,0(12)
<b>p = 0,034</b>				

p – индекс аккомодации

Среди пяти социальных характеристик, отобранных на основании их влияния на показатели аккомодации, «возраст при прибытии в Хошимин» заметно выделяется – p = 0,529.

Хотя между группами мигрантов в возрасте до и после 18 лет существуют различия в уровне аккомодации, однако эта разница не столь очевидна. То есть возраст прибытия в Хошимин как социальная переменная не играет доминирующей роли в аккомодации. Остальные четыре характеристики – пол, продолжительность пребывания в Хошимине, тип общения и модель брака – имеют значительные статистические различия. В частности, тип общения и модель брака тесно связаны с аккомодацией и отражают значительные различия между группами. Чем более коммуникабельна группа, тем большую степень аккомодации она демонстрирует. Группа носителей диалекта мигрантов, вступивших в брак с носителями ЮД, более приспособляема, чем две другие группы. Она также имеет самый высокий уровень аккомодации среди всех групп, выделенных по социальным характеристикам, – 55,94 % (табл 4). Таким образом, коммуникативное окружение является чрезвычайно важным фактором, влияющим на уровень аккомодации. Если исключить внешние социальные контакты, среда общения в группах мигрантов в основном одинакова. Влияние семейного коммуникативного окружения при заключении брака с супругом из принимающего сообщества приводит к замечательному аккомодационному результату.

При более глубоком анализе, особенно в контексте половой принадлежности, полученные результаты аналогичны выводам предыдущих исследований, проведенных во Вьетнаме и других странах, где женщины оказались в большей степени способны к аккомодации, при этом менее адаптивны к престижным вариантам [Trudgill 1974; Fasold 1991; Trinh 2007; Kherbache 2017]. Аккомодация женщин из сообщества СД в Хошимине происходит не к престижному (стандартному) варианту вьетнамского языка, для них более характерна адаптация к местному варианту. Тем не менее можно заметить, что в этой среде престижный вариант также более популярен и предпочтителен.

В ходе исследования был сделан неожиданный вывод: продолжительность проживания на новом месте обратно пропорциональна индексу аккомодации. На первый взгляд, это противоречит нашему первоначальному представлению и идет вразрез с процессами аккомодации в других мигрантских сообществах. Но такое заключение проистекает из общего психологического настроения людей, меняющих свой диалект. Когда мигранты попадают в новую среду, они стремятся побыстрее адаптироваться к ней и поэтому вынуждены сознательно делать много корректировок в своей речи. Но когда у них есть достаточно времени для интеграции, потребность в срочной адаптации ослабевает, как и направленные на интеграцию усилия.

Также на степень аккомодации сильно влияет тип общения. При внутригрупповой коммуникации отсутствуют субъективная мотивация или объективное внешнее воздействие, чтобы побудить мигрантов адаптироваться к новой среде. И наоборот, межгрупповое общение со множеством разных людей вынуждает мигрантов адаптироваться. Аккомодация указывает на способность регулировать соответствующее поведение в конкретных коммуникативных ситуациях, но может быть и результатом давления, которое коммуникаторам трудно игнорировать.

Итак, модель брака является социальным фактором, оказывающим решающее влияние на степень аккомодации сообщества северного диалекта в Хошимине. Это также подтверждается результатами исследования в общине Нгетинь в Ханое. Социальная коммуникативная среда (место работы или учебы, место социальных контактов и т. д.) также является важным фактором как личной, так и принудительной мотивации, способным

повлиять на степень аккомодации. Кроме того, домашнее окружение может либо эффективно стимулировать аккомодацию, либо, наоборот, тормозить ее.

### Заключение

Результаты исследования, в основе которого лежат ключевые положения теории коммуникативной аккомодации Джайлза, адаптивная модель Традгила и метод количественного анализа, показывают, что тенденция к аккомодации сообщества СД в Хошимине не такая сильная, как в общине Нгетинь в Ханое, но вполне очевидная – со средним коэффициентом вариабельности более 35 % (при подсчете использования модальных частиц в речевом общении). Степень аккомодации напрямую не зависит ни от осознания престижности вариантов СД, ни от их доминирования. Индекс аккомодации, подсчитанный на основе данных непосредственного речевого общения, помимо прочего косвенно подтверждает наличие психологических факторов, связанных с языковой лояльностью в данном сообществе, при ответах на вопросы в структурированной анкете. Исследования показали, что коммуникативная среда оказывает значительное влияние на степень аккомодации. Кроме того, полученные результаты свидетельствуют о том, что показатели аккомодации зависят от ряда социальных характеристик (продолжительность пребывания в новой среде, тип общения, модели брака), тесно связанных с диалектными изменениями в сообществе.

При общем фундаментальном анализе социальных характеристик следует учитывать специфические речевые привычки сообщества СД в Хошимине (как и общины Нгетинь в Ханое). Таким образом, научные выводы должны опираться на исследование совокупного влияния всех языковых, социальных, психологических и культурных факторов. Все эти факторы взаимосвязаны, влияют друг на друга и совместно создают адаптивные тенденции в языковом поведении представителей сообщества в условиях меняющегося диалекта.

### Список литературы

1. *Britain D.* Contact and Dialectology // *The Handbook of Language Contact* / ed. M. Hickey. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 208–229.
2. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6<sup>th</sup> edition. Blackwell: Blackwell Publishing Ltd, 2008. 560 p.
3. *Fasold R.W.* The sociolinguistics of society. Wiley–Blackwell, 1991. 352 p.
4. *Giles H., Gallois C. & Ogay T.* Communication Accommodation Theory: A Look Back and a Look Ahead // *Theorizing about communication and culture* / ed. W.B. Gudykunst. Thousand Oaks: Sage, 2006. P. 121–148.
5. *Kerswill P.* Koineization and Accommodation // *The Handbook of Language Variation and Change* / eds. J.K. Chambers, P. Trudgill & N. Schilling-Estes. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 669–702.
6. *Kerswil, P. & Trudgill P.* (2005). The birth of new dialects // P. Auer, F. Hinskens, & P. Kerswill (eds.). *Dialect change: Convergence and divergence in European languages*. Cambridge University Press. P. 196–220.
7. *Kherbache F.* A Sociolinguistics Study of Dialect contact and Accommodation in Beni Snous. Thesis of Doctorate in Sociolinguistics. University of Abou Berk Belkaid-Tlemcen, Algeria, 2017. 340 p.
8. *Meyerhoff M.* Introducing Sociolinguistics. Taylor & Francis Group, 2018. 400 p.
9. *Milroy L.* Mobility, Contact and Language Change-Working with Contemporary Speech Communities // *Journal of Sociolinguistics*. 2002. № 6/1. Blackwell Publishers Ltd. P. 3–15.

10. *Street R.L. & Giles H.* Speech accommodation theory: A social cognitive approach to language and speech behavior // M.E. Roloff & C.R. Berger (eds.). Social cognition and communication. Beverly Hills, CA: Sage, 1982. P. 193–226.

11. *Trinh L.* Sự biến đổi ngôn từ của các cộng đồng chuyên cư đến thủ đô (Nghiên cứu trường hợp cộng đồng Nghệ Tĩnh tại Hà Nội) [Изменение языка общин, переезжающих в столицу (Тематическое исследование общины Нгетинь в Ханое)]. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội, 2007. (На вьетн. яз.)

12. *Trinh L.* Sự biến đổi ngôn từ của cộng đồng Phương ngữ Bắc đến Thành phố Hồ Chí Minh sau 1975 (Trên cứ liệu cách dùng các tiểu từ tình thái cuối câu) [Изменение языка северного диалектного сообщества, переезжающего в город Хошимин после 1975 г. (На основе использования модальных частиц в конце предложения)]. Đề tài nghiên cứu Khoa học công nghệ đặc biệt cấp Đại học Quốc gia Hà Nội [Научно-технический исследовательский проект в Ханойском государственном университете]. 2010. (На вьетн. яз.)

13. *Trudgill P.* Sociolinguistics – An introduction to language and Society. New Edition. England: Penguin Books, 1974.

14. *Trudgill P.* Dialects in Contact // Language in Society. Vol. 10. Oxford: Blackwell, 1986. P. 268–274.

15. *Trudgill P.* Contact: Introduction // The Handbook of Language Variation and Change / eds. J.K. Chambers, P. Trudgill and N. Schilling-Estes. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003. 832 p.

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105392

### КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»

М.А. Шпаковская<sup>1</sup>, Т.И. Понька<sup>2</sup>, Н.С. Куклин<sup>3</sup>

**Аннотация.** Представлен обзор международной научной онлайн-конференции «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии», проведённой Российским университетом дружбы народов и Вьетнамской академией общественных наук. Российские и вьетнамские ученые обсудили широкий круг проблем и перспектив взаимодействия двух стран в современной международной ситуации. Было также подробно рассмотрено развитие отношений Вьетнама с другими влиятельными мировыми акторами, включая США и КНР.

**Ключевые слова:** СРВ, РФ, стратегическое партнерство, Юго-Восточная Азия, внешняя политика Вьетнама, российско-вьетнамское сотрудничество.

**Для цитирования:** Шпаковская М.А., Понька Т.И., Куклин Н.С. Конференция «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии» // Вьетнамские исследования. Т. 6. № 1. С. 97–101.

Дата поступления статьи: 05.03.2022

Принята к печати: 16.03.2022

25 февраля 2022 г. Российский университет дружбы народов (РУДН) и Вьетнамская академия общественных наук (ВАОН) провели в онлайн-формате международную научную конференцию «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии». В работе конференции приняли участие

---

<sup>1</sup> Шпаковская Марина Анатольевна, д. и. н., профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных социальных наук РУДН. ORCID: 0000-0003-4463-880X. E-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

<sup>2</sup> Понька Татьяна Ивановна, к. и. н., доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных социальных наук РУДН. ORCID: 0000-0003-4944-115X. E-mail: ponka\_ti@rudn.university

<sup>3</sup> Куклин Никита Сергеевич, ассистент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных социальных наук РУДН, эксперт Центра АСЕАН МГИМО (У) МИД РФ. ORCID: 0000-0002-5715-847X. E-mail: kuklin-ns@rudn.ru

ведущие эксперты-вьетнамисты и специалисты по региону Юго-Восточной Азии из России и Вьетнама.

С приветственным словом к участникам обратились специальные гости мероприятия: руководитель политического отдела Посольства СРВ в РФ канд. ист. наук Нгуен Тхи Хонг Нам, директор Центра АСЕАН МГИМО МИД России канд. полит. наук Е.В. Колдунова и заместитель заведующего кафедрой теории и истории международных отношений РУДН д-р ист. наук К.П. Курылев. Они подчеркнули, что сегодня совершенствование отношений между Россией и Вьетнамом очень важно для сохранения региональной стабильности и развития контактов между Россией и странами АСЕАН в целом. По мнению выступающих, проведение таких совместных мероприятий и разработка совместных научных проектов способствуют укреплению дружеских связей в непростых геополитических условиях современности.

*Первая секция* конференции была посвящена вызовам и перспективам взаимодействия России и Вьетнама. Модераторами секции выступили директор Центра изучения России и СНГ Института европейских исследований (ИЕИ ВАОН) канд. ист. наук Ву Тхюи Чанг и руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития» д-р ист. наук, проф. Д.В. Мосяков.

В своем докладе Ву Тхюи Чанг отметила, что в связи с обострением в отношениях России и Запада главным направлением для российской внешней политики в скором времени станет восточное направление (рис. 1). Юго-Восточная Азия, по её мнению, выступит приоритетным регионом для России с точки зрения развития экономических и интеграционных процессов в регионе, однако двусторонние отношения с Вьетнамом требуют большей политической вовлеченности и развития дополнительных треков дипломатии. В продолжение дискуссии зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ д-р ист. наук, проф. В.Н. Колотов обратился к истории развития российско-вьетнамских отношений, напомнив, что СССР был одной из немногих стран, содействовавших обретению независимости Вьетнама, что в тот период отражало соперничество великих держав и попытки СССР оказать сопротивление становлению однополярной системы международных отношений под гегемонией США и их союзников, в том числе и в Азии (рис. 2).



**Рис. 1.** Выступление директора Центра изучения России и СНГ ИЕИ ВАОН Ву Тхюи Чанг. *Фото РУДН*

Докладчик также отметил, что и сегодня на фоне формирования дуг нестабильности в различных регионах мира успешное сотрудничество двух стран позволит адекватно реагировать на быстрые изменения мировой обстановки и адаптироваться к многосторонним форматам новой реальности на справедливой основе, прежде всего противодействуя попыткам США сохранить ориентированный на них мировой порядок.



**Рис. 2.** Выступление зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока, директора Института Хо Ши Мина СПбГУ В.Н. Колотова. *Фото РУДН*

Далее последовал интересный доклад зав. Азиатско-Тихоокеанским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ д-ра ист. наук Е.А. Канаева на тему взаимодействия бизнеса и власти в системе двусторонних отношений России и Вьетнама. По его мнению, в условиях нарастающей глобальной неопределённости России необходимо усилить инструментальную составляющую внешней политики, включающую в том числе и бизнес-контакты. Для этого, считает эксперт, важно понимать особенности взаимодействия государства и бизнеса в СРВ, что отражается на практиках корпоративного управления во вьетнамских компаниях. С точки зрения Е.А. Канаева, РФ необходимо активнее работать с вьетнамскими профессиональными ассоциациями, а также выстраивать альянсы, включая стратегические, с государственными и частными предприятиями СРВ на основе понимания их корпоративных практик.

Помимо бизнеса, ещё одной важной сферой российско-вьетнамского взаимодействия, по мнению сотрудницы Института европейских исследований ВАОН Чан Тхи Хань Ха, является образование. Докладчик отметила, что Россия и Вьетнам сотрудничали в сфере образования ещё со времен Советского Союза, и сегодня Россия воспринимается во Вьетнаме как страна с высоким уровнем образования, особенно технического. Вьетнам, реализующий проекты в рамках Индустрии 4.0, рассматривает Россию как одного из ведущих партнеров в плане подготовки кадров и культурно-образовательного сотрудничества.

Эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД РФ канд. полит. наук В.В. Вершинина, рассматривая эволюцию всеобъемлющего стратегического партнёрства с точки зрения долгосрочных перспектив российской политики в АТР, пришла к выводу, что Ханой будет всегда оставаться ключевым, стратегическим партнёром Москвы. СРВ также заинтересована в развитии сотрудничества, поскольку Россия может выступать для неё в роли важного стратегического и высокотехнологического партнёра, обладающего богатым опытом в области энергетики, в финансовой, военно-технической, цифровой и научно-образовательных сферах.

Представитель вьетнамского студенчества РУДН Хоанг Ван Тхам, в свою очередь, проанализировал перспективы взаимодействия Вьетнама с ЕАЭС в современных условиях, отметив, что при должном уровне активности с обеих сторон это сотрудничество способно принести большие выгоды. Как подчеркнули участники дискуссии в завершение работы секции, в новых геополитических реалиях для достижения успеха такое взаимодействие должно иметь чёткие цели и задачи.

*Вторая секция* конференции была посвящена рассмотрению новой биполярности и регионального контекста в АТР. Особое внимание было уделено вьетнамо-американским и вьетнамо-китайским отношениям. Так, профессор Д.В. Мосяков отметил, что Вьетнам уже длительное время с определённым успехом проводит политику лавирования между США и КНР. При этом СРВ старается получать выгоду как с одной, так и с другой стороны, сохраняя при этом свободу в определении своих внешнеполитических целей и задач. В этой политике Вьетнам в достаточной степени адаптировался к современной ситуации в регионе, однако его интересам по-прежнему угрожает дальнейшая эскалация американо-китайских противоречий. Тему роли великих держав продолжила главный редактор журнала «Европейские исследования» ИЕИ ВАОН канд. экон. наук, доцент Данг Тхи Фыонг Хоа, представив доклад о китайской дипломатии в регионе. В частности, она отметила, что Китай, несмотря на своё значительное влияние, находится во взаимозависимых отношениях со странами ЮВА в целом и Вьетнамом в частности. По её мнению, Пекин продолжит реализовывать стратегию мягкого регионального влияния, проводимую председателем Си Цзиньпином, так как это отвечает текущим внешнеполитическим интересам КНР.

В продолжении темы канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ П.Ю. Цветов представил подробный анализ развития американо-вьетнамских отношений при администрации президента Байдена. В частности, он отметил, что Дж. Байден более активно интересуется Вьетнамом и регионом ЮВА, чем предыдущая администрация Д. Трампа, однако по-прежнему во вьетнамо-американских отношениях существуют «внутренние ограничители». По мнению эксперта, для обеих сторон важным остается сотрудничество по вопросам безопасности. Так, например, Вьетнам готов поддержать некоторые форматы взаимодействия в регионе с целью повысить общий уровень региональной безопасности.

Не менее обсуждаемой темой было и взаимодействие Вьетнама с АСЕАН. Старший эксперт РИСИ М.С. Зеленкова отметила, что попытки остановить нарастание напряжённости в регионе побуждает Ассоциацию в свойственной ей манере приспособляться к новым условиям и пытаться найти баланс в отношениях с Китаем с одной стороны, и США и их союзниками – с другой. Соискатель РУДН И.Р. Дубровский предложил обратиться к внутренним причинам внешней политики великих держав, в частности, к китайской доктрине активной обороны, являющейся идеологической опорой модернизации армии и флота КНР в

условиях эскалации противоречий в Южно-Китайском море. Таким образом, по его мнению, активная оборона в прибрежных морях Китая тесно связана с насущной необходимостью обеспечить экономическое процветание, региональное сотрудничество и нивелировать угрозы разрастания территориальных споров до открытых военных конфликтов.

В завершение дискуссии российская и вьетнамская стороны тепло поблагодарили друг друга, отметив продуктивное и насыщенное общение, отвечающее высоким академическим стандартам обеих стран (рис. 3). По мнению участников конференции, такие встречи необходимы для укрепления взаимного научного и образовательного сотрудничества.



**Рис. 3.** Участники конференции. *Фото РУДН*

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105478

## О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ

**О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Нгуен Тхи Хоан (ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет») на тему «Ф.М. Достоевский во Вьетнаме. Роман “Преступление и наказание” в переводах на вьетнамский язык»**

Защита диссертации по специальности 10.01.01 – «Русская литература» состоялась 24 марта 2022 г. на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Диссертационное исследование посвящено проблемам межкультурной коммуникации вьетнамской и русской культур XIX–XXI вв. В центре внимания роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, который оказал огромное влияние на формирование мировоззренческих и эстетических пристрастий вьетнамских интеллектуалов с начала XX в., когда произошло первое знакомство с ним вьетнамских читателей, до нынешнего дня. Автор рассматривает историю переводов романа «Преступление и наказание» на вьетнамский язык, их характеристику, процесс восприятия романа вьетнамцами в обстановке, обусловленной в первую очередь историческими и литературными реалиями Вьетнама XX–XXI вв. Основная часть диссертации посвящена текстовому сопоставительному анализу трёх имеющихся во Вьетнаме переводов романа «Преступление и наказание» с оригиналом. Автор приводит авторитетные отзывы на роман «Преступление и наказание» выдающихся вьетнамских литературоведов, крупных критиков, писателей, переводчиков и утверждает, что знакомство с романом великого русского писателя способствовало обновлению вьетнамской литературы.

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Ермилова Галина Георгиевна профессор кафедры русской словесности и культурологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Оппоненты:

Федорова Елена Алексеевна, д. филол. н., доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»;

Богач Дмитрий Александрович, к. филол. н., преподаватель Санкт-Петербургского ГБПОУ «Радиотехнический колледж».

**Основные публикации по теме диссертации:**

1. Нгуен Тхи Хоан, Ермилова Г.Г. Сны Раскольников в переводе на вьетнамский язык // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. № 4. С. 151–155.

2. Нгуен Тхи Хоан. «Идея Раскольников» в переводе на вьетнамский язык // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2020. № 2. С. 139–144.

3. *Нгуен Тхи Хоан, Ермилова Г.Г.* «Евангельский текст» романа «Преступление и наказание» в переводе на вьетнамский язык // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2020. № 3. С. 148-152.

4. *Нгуен Тхи Хоан.* К вопросу о влиянии романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на творчество вьетнамских писателей // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 60-67.

## КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.54631/VS.2022.61-105483

### АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА В НОВОМ КОЛЛЕКТИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

И.Н. Селиванов<sup>1</sup>



**Компартия Вьетнама: новая веха в истории.** М.: ИДВ РАН, 2021. 282 с. ISBN 978-5-8381-0411-3

**Аннотация.** Рецензия дана на книгу российских и зарубежных исследователей «Компартия Вьетнама: новая веха в истории», выход которой посвящён состоявшемуся в конце января — начале февраля 2021 г. XIII съезду Коммунистической партии Вьетнама. Книга состоит из трёх основных разделов, включающих 17 статей авторов из России, Вьетнама, Франции и Японии. Они раскрывают различные стороны современной внутренней и внешней политики СРВ, а также ее социально-экономического и культурного развития, в том числе и в историческом аспекте. Отмечается, что очередной съезд правящей партии стал важным событием, подытожившим результаты развития СРВ за 2016–2021 гг. и

определившим основные перспективы развития страны вплоть до 2045 г.

**Ключевые слова:** современная история Вьетнама, XIII съезд КПВ, внутренняя и внешняя политика СРВ, социально-экономическое развитие Вьетнама, культурная политика Вьетнама на современном этапе.

**Для цитирования:** Селиванов И.Н. Актуальные проблемы современного Вьетнама в новом коллективном исследовании российских и зарубежных авторов // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 104–107.

Дата поступления статьи: 25.02.2022

Принята к печати: 04.03.2022

Проблемы вьетнамской внутренней и внешней политики, а также особенности развития культуры, идеологии и экономики неоднозначно трактуются в отечественной и зарубежной

---

<sup>1</sup> Селиванов Игорь Николаевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета. ORCID: 0000-0002-6660-4419. E-mail: ivan13117@yandex.ru

историографии, науке и публицистике. Это касается освещения и периода раскола Вьетнама на две части, и периода существования единой страны, отметившей недавно свое 45-летие.

Предмет отдельного исследования — роль Коммунистической партии Вьетнама в развитии общества по пути строительства социализма. Компартия Вьетнама сегодня является правящей и в целом привержена традициям, заложенным Хо Ши Мином, руководителем партии и первым президентом демократического Вьетнама.

Как и Компартия Китая, КПВ достаточно успешно руководит процессом перехода вьетнамской экономики с административно-командных на рыночные механизмы, что убедительно подтверждают прошедший съезд и его итоги.

В Институте Дальнего Востока РАН вышло коллективное исследование, посвящённое состоявшемуся в январе–феврале 2021 г. XIII съезду Коммунистической партии Вьетнама. В его основе лежат материалы состоявшегося в мае того же года в ИДВ РАН международного круглого стола, в котором приняли участие, помимо российских ученых, исследователи из Вьетнама, Франции и Японии. Безусловно, что такой состав ученых-вьетнамцев дал возможность расширить спектр мнений, всесторонне раскрыть заявленную тему.

Важным представляется и то, что на страницах книги представлены разные точки зрения, иногда прямо противоположные. Это принципиальная позиция, которой придерживалась редакционная коллегия при подготовке издания. Как уже отмечалось, книга выпущена в ИДВ РАН Центром изучения Вьетнама и АСЕАН, руководимым д.э.н. В.М. Мазыриным, благодаря усилиям которого увидела свет эта публикация. Она продолжает серию книг Центра, которые готовятся совместно с другими российскими и зарубежными организациями, занимающимися изучением Вьетнама.

Авторский коллектив состоит из 18 исследователей, представивших 17 статей. Три основных тематических раздела позволяют читателю книги получить достаточно полное представление о современном состоянии внутривосточных процессов, внешней политики, экономики, идеологии и культуры СРВ.

*Первый раздел* включает пять статей, посвященных внутренней и внешней политике Вьетнама. В.Н. Колотов (Санкт-Петербург) проанализировал стратегию развития СРВ на основании опубликованных материалов XIII съезда КПВ. Он разделил свою публикацию на три части: анализ существующих вызовов для Вьетнама, которые определил съезд; разработка стратегии их преодоления вплоть до 2045 г.; выборы руководства партии и государства, которому предстоит их решать. Вьетнам, с точки зрения автора, «находится в очень сложном положении, следовательно, выполнять решения съезда и решать задачу обеспечения национальной безопасности придется в условиях всё более обостряющегося геополитического соперничества между Пекином и Вашингтоном, которые в то же самое время являются основными партнерами современного Вьетнама» (с.16). Автор не исключает, что «при резком изменении внешних условий» руководство КПВ вполне может для достижения поставленных перед страной целей избрать «иную тактику и стратегию» (с.21).

Г.М. Локшин (ИДВ РАН) представил собственный анализ идеологической составляющей вьетнамских партийных документов. Автор ограничил круг рассматриваемых проблем наиболее важными для нынешнего Вьетнама. Прежде всего это темы, связанные с попытками дискредитации отдельными лицами марксистского учения, а также с обострением внутренних и внешних вызовов, с которыми сегодня сталкиваются партия и государство. Марксистско-ленинская идеология в ее «хошиминской» интерпретации, считает Г.М. Локшин, «по-прежнему играет важнейшую роль в жизни КПВ и всего общества. Она

поддерживается мощным государственно-партийным аппаратом пропаганды и агитации (с.34–35).

Е.В. Колдунова (Центр АСЕАН МГИМО), П.Ю. Цветов (Дипломатическая академия МИД РФ) и Н. Чапмэн (Япония) представили анализ внешнеполитических факторов в современной вьетнамской политической теории и практике, прежде всего ее многовекторного характера. Так, по мнению Е.В. Колдуновой, «Вьетнаму удастся эффективно взаимодействовать с другими членами АСЕАН, существенно отличающимися от него в плане общественно-политического устройства, и выстраивать диалог с самым широким кругом международных партнеров, среди которых такие «тяжеловесы», как США, Китай, ЕС и Россия» (с.42). Как представляется, весьма интересен и познавателен анализ П.Ю. Цветова, касающийся сравнения внешнеполитических разделов нескольких вьетнамских партийных форумов (с.56–58).

Второй раздел, состоящий из семи статей, посвящён социально-экономической политике КПВ. Экономический аспект получил значительное отражение в документах съезда. Наиболее весомым выглядит исследование В.М. Мазырина, проанализировавшего экономическую составляющую деятельности КПВ. По его мнению, вьетнамская экономика сегодня являет собой смешанную картину, включающую как несомненные достижения, так и противоречия. Он считает, что в сегодняшних условиях вьетнамскому руководству достаточно сложно поддерживать темпы роста экономики, преодолевать на макроуровне имеющиеся дисбалансы, а также совмещать методы экстенсивного и интенсивного развития народного хозяйства. В.М. Мазырин также выделил в своей статье, на его взгляд, явное противоречие между «социалистическими установками» КПВ и «капиталистической трансформацией» современной вьетнамской экономики (с.93–94).

Вьетнамский исследователь Нгуен Куок Хунг разобрал комплекс основных проблем, связанных с интеграцией экономики СРВ в мировую экономику. По его оценкам, соглашения о свободной торговле, подписанные в последние годы Вьетнамом с рядом зарубежных государств, имеют важное значение для экономического роста страны. Их реализация должна улучшить положение СРВ за счёт новых деловых и инвестиционных возможностей, условий для стабильного и устойчивого развития (с.109).

Е.С. Бурова (ИДВ РАН) проанализировала вопросы аграрной политики КПВ. По ее мнению, все прописанные в документах съезда цели развития вьетнамского аграрного сектора в основном содействуют движению СРВ к устойчивому сельскому хозяйству. Однако Вьетнам «находится даже не в начале этого пути, а только на стадии осознания новой реальности» (с.122).

Французский исследователь Ж.-Ф. Энглинже рассмотрел место частного капитала во вьетнамской экономике, а А.Р. Долинина (ИСАА МГУ) раскрыла новые методы потребления пищевых продуктов в СРВ.

С.В. Рязанцев (ИДИ ФНИСЦ РАН) исследовал демографический фактор в документах XIII съезда КПВ. По его мнению, «поставленные властями СРВ демографические цели обоснованы и вполне достижимы, поскольку их реализация тесно увязана с задачами социально-экономического развития и предполагает серьезные инвестиции в человеческий капитал страны» (с.166).

М.Н. Храмова (ИДИ ФНИСЦ РАН) дала оценку процесса миграции вьетнамской рабочей силы в Россию. Автор считает, что «регионы Дальнего Востока России, равно как и

другие российские регионы, имеют несомненный, но в полной мере не реализованный потенциал для вьетнамской миграции» (с.181).

Заключительный раздел книги состоит из пяти статей и посвящён различным вопросам культурной политики СРВ. Е.В. Никулина (ИДВ РАН) рассказала о тенденциях освещения работы вьетнамского партийного форума в материалах вьетнамских и зарубежных СМИ. Она отметила большой интерес, который проявили как внутри страны, так и за ее пределами к работе съезда и принятым на нем решениям. Выявлено, что главной и нелегкой задачей для правящей партии Вьетнама в ближайшей перспективе иностранные наблюдатели считают «разрешение фундаментального противоречия между капиталистическим характером экономического развития страны и партийным контролем над молодым, энергичным и восприимчивым к различным веяниям вьетнамским народом» (с.193).

М.А. Шпаковская и Нгием Ба Чи (РУДН) в своей совместной статье охарактеризовали современную молодежную политику КПВ, Т.Ю. Тепляшина (Франция) на основе полевых исследований, выполненных в марте–июне 2020 г. с участием Союза коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина г. Кантхо, раскрыла свое видение практики патриотического воспитания вьетнамской молодежи.

О.В. Новакова (ИСАА МГУ) представила публике один из основополагающих документов, на многие годы определивших специфику культурного строительства во Вьетнаме, – «Тезисы о культуре», опубликованные в 1943 г. По её мнению, преобладание в работе КПВ в области культурной политики можно объяснить тем, что партийные лидеры были выразителями идей, изначально сформированных внутри северовьетнамского традиционного общества (с.236).

И.В. Бритов (НИУ ВШЭ) раскрыл роль КПВ в процессах развития вьетнамской литературы в «период обновления».

В конце книги помещено приложение, в котором приведены списочные составы Политбюро ЦК КПВ, избранного на состоявшемся в последний день работы съезда Пленуме, а также Постоянного комитета Национального собрания и правительства СРВ.

На наш взгляд, данное издание может вызвать большой интерес не только среди специалистов, занимающихся Вьетнамом, но и среди преподавателей, аспирантов и студентов российских высших учебных заведений, прежде всего историков, политологов, регионоведов и международных. Затрагиваемые в книге проблемы, несомненно, должны привлечь внимание и за пределами России, в том числе во Вьетнаме.

*Научное издание*

**ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ  
2022. Т. 6. № 1**

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.

Редактор: Мальцева О.И.

Дата публикации: 30.03.2022

**Контакты:**

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: [vietnamjournal@yandex.ru](mailto:vietnamjournal@yandex.ru)

Тел.: (499) 124 08 33

**Уважаемые читатели!**

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,  
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом  
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>